

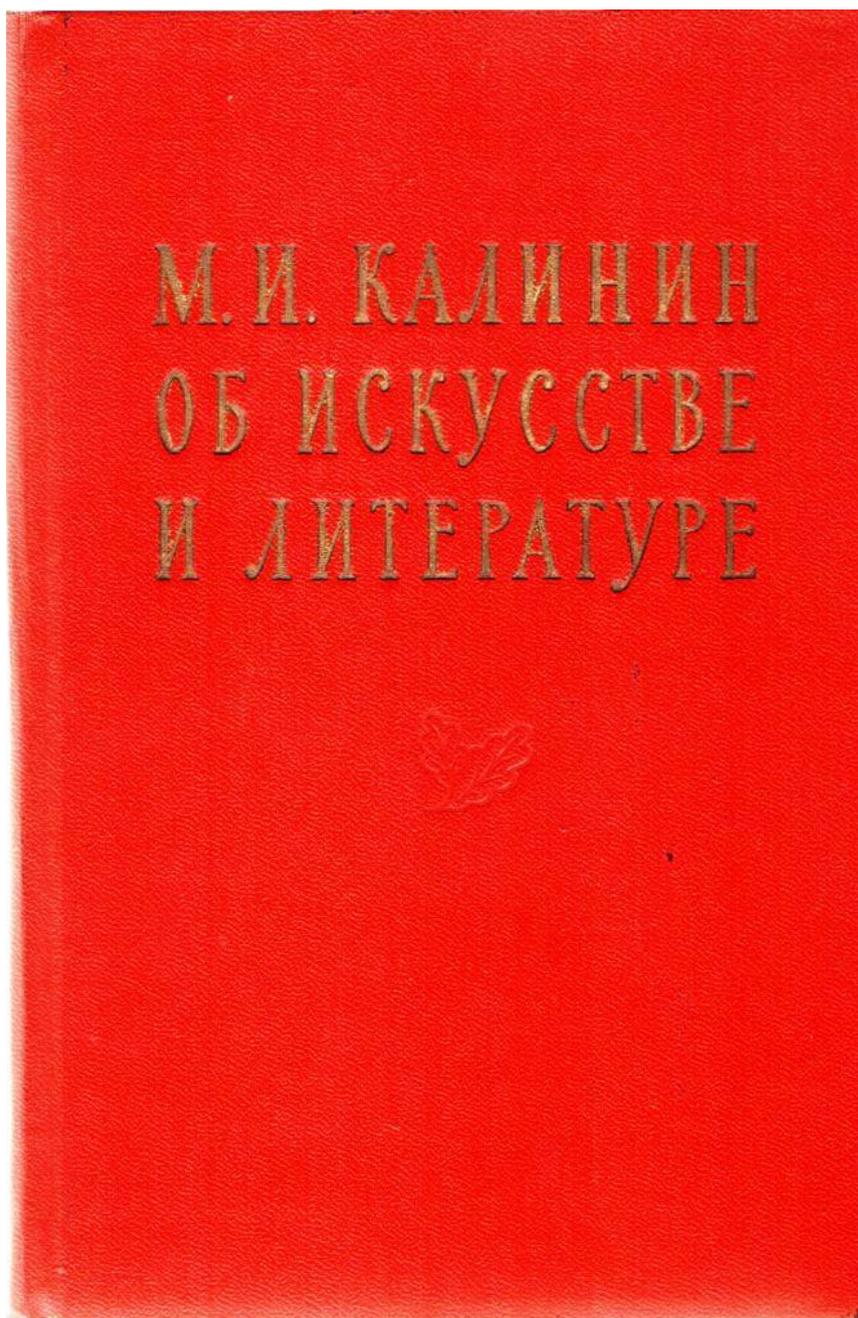
Михаил Иванович Калинин

**М. И. Калинин об искусстве и литературе
(статьи, речи, беседы)**

Сайт: «Партизанская правда партизан»: <http://www.vairgin.ru/>

Издание: «Госиздат». Москва, 1957

Содержание

И. Эвентов. Вопросы искусства и литературы в трудах М. И. Калинина (вступительная статья)

Учеба и жизнь

Борьба за нового человека

СССР — страна дружбы народов (Из книги «Что дала советская власть трудящимся»)

Об овладении марксизмом-ленинизмом работниками искусств

О моральном облике нашего народа (Из статьи в журнале «Большевик»)

Голод в прошлом

Семье Короленко

Демьяну Бедному

О задачах деревенских корреспондентов

Из работы «10 лет СССР»

(Речь на торжественном заседании, посвященном юбилею А. М. Горького)

Молодежь в прошлом (Из книги «Славный путь комсомола. (К 20-летию ВЛКСМ)»)

О некоторых вопросах агитации и пропаганды

О корреспондентах и корреспонденциях

О советском театре

Речь при вручении орденов работникам украинского и казахского искусства

Речь при вручении орденов награжденным работникам грузинского искусства

Речь при вручении орденов группе бойцов Красной Армии, работникам «Правды» и Московского Художественного театра

Речь при награждении деятелей искусств Узбекской ССР

Речь при вручении наград работникам Большого театра Союза ССР

Речь при вручении орденов товарищам Чкалову, Байдукову и Белякову и работникам Малого театра

Речь при вручении орденов работникам Ленинградской консерватории

Речь при вручении наград работникам кинематографии и деятелям азербайджанского искусства

Об искусстве плаката

Восстановительное строительство и задачи архитекторов

Высказывания М. И. Калинина (Из докладов, статей и бесед)

М. Шолохов. Великий друг литературы

Ф. Гладков. Встречи с Михаилом Ивановичем Калининым

Вл. Лидин. Посланец народа

С. Спасский. Незабываемая беседа

А. Глебов. Великий большевик

И. Попов. Живое слово

А. Яблочкина. Большой человек

В. Мичурин-Самойлова. Человек большого сердца

Н. Денисовский. Незабываемые встречи

И. Эвентов. Вопросы искусства и литературы в трудах М. И. Калинина (вступительная статья)

Учеба и жизнь

Имя Михаила Ивановича Калинина неразрывно связано с революционным прошлым рабочего класса России, с историей Коммунистической партии и Советского государства. Крестьянин-труженик, получивший боевую закалку среди кадровых рабочих, ставший образованным марксистом, Михаил Иванович был выдающимся политическим деятелем нового типа. В его лице соединились черты простого русского человека - выходца из народных низов с благороднейшими качествами партийного деятеля, одного из замечательных представителей славной когорты революционеров-большевиков.

Предлагая кандидатуру М. И. Калинина на пост Председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, В. И. Ленин в марте 1919 года говорил: «Это товарищ, за которым около двадцати лет партийной работы; сам он крестьянин Тверской губернии, имеющий тесную связь с крестьянским хозяйством и постоянно обновляющий и освежающий эту связь. Петроградские рабочие сумели убедиться, что он обладает умением подходить к широким слоям трудящихся масс, когда у них нет партийной подготовки, когда пропагандистам и агитаторам не удавалось к ним подойти по-товарищески и умело, тогда тов. Калинину удавалось разрешить эту задачу».

На протяжении двадцати семи лет Михаил Иванович Калинин руководил верховным органом Советского государства. Верный Ученик и соратник В. И. Ленина, он являлся одним из активнейших строителей и виднейших руководителей ленинской партии и социалистического государства. С 1928 года и до последнего дня своей жизни он был членом Политбюро Центрального Комитета нашей партии. В поле его постоянного внимания находились разнообразнейшие вопросы экономической и политической жизни, коммунистического воспитания масс, развития культуры и науки. В разрешении этих вопросов Михаил Иванович всегда руководствовался интересами народа, задачами построения коммунизма. Своей близостью к массам и глубоким пониманием их потребностей, своей неустанной заботой о благе народа Михаил Иванович завоевал признательность и любовь всех трудящихся.

Одним из ярких примеров заботы М. И. Калинина об интересах народа является его внимание к проблемам художественного творчества, к работе советской интеллигенции, к пропаганде классического наследия в области искусства и литературы. Нет такого вида художественного творчества, которого не коснулся бы в своих высказываниях М. И. Калинин. Он говорил и писал не только о разных видах искусства, но и о явлениях разных эпох, разных художественных направлений. Он всегда подчеркивал значение искусства и литературы в жизни народа, говорил о высоком общественном смысле деятельности художников, о существе и специфике их работы, о путях их творческого роста. В книгах, в произведениях искусства он видел богатейший источник духовного воспитания людей. В жизни самого М. И. Калинина, в формировании его общественных взглядов, в процессе выработки определенных эстетических представлений важную роль сыграло передовое искусство и в особенности художественная литература.

«Свое образование, или правильнее - развитие, - вспоминает М. И. Калинин, - я начал с сельской школы; учителем был крестьянин-старик, который получал что-то около рубля или меньше за зиму учения с каждого ученика, и, насколько я помню, его по очереди кормили. Всего учеников было человек двадцать. Школа помещалась у одинокого старика, в большой черной избе. Расставили несколько столов, скамеек - и школа готова. Учился я по церковнославянской азбуке, большинство же - по русским азбукам. Учение шло самым первобытным образом: все двадцать человек читали вслух, каждый свое, получался непрерывный гул. В такой школе я пробыл месяца три, выучил буквы, двойные и тройные слоги и уже стал складывать слова.

На следующую зиму я имел возможность уже поступить в настоящую школу, в земское народное училище, где курс был четырехлетний. Там я на учение набросился, как голодный на еду. С осени до рождества я прошел два класса - младший и полусредний, и вступил в средний.

Как только научился читать, так и набросился на книги школьной библиотеки, которая в большинстве состояла из религиозных книг, главным образом из житий святых. За два года я окончил школу и вместе с тем прочитал школьную библиотеку. К концу мне учительница стала давать кое-что из собственных книг. Летом, хотя было и некогда читать постоянно, я все-таки урывками прочитал несколько книг из библиотеки соседнего помещика.

Таким образом, после окончания сельской школы я уже довольно сильно пристрастился к чтению, и у меня было большое желание учиться».

Это увлечение книгами продолжалось у М. И. Калинина и в более поздние годы. Выехав в 1889 году из тверской деревни в столицу, он поступил служить в дом Болтовского - того самого «соседнего помещика», имевшего свои владения в Тверской губернии, на которого указывал Михаил Иванович в приведенных выше строках.

«...я был, - вспоминает М. И. Калинин, - мальчиком в семье, где было много учащихся, которые, со своей стороны, стремились идти навстречу моему желанию учиться, и даже, насколько помню, некоторые давали мне уроки, во всяком случае помогали мне в том, в чем они сами разбирались. Затем они меня снабжали в достаточном количестве необходимыми книгами».

В доме помещика была обширная библиотека. Наряду с произведениями русских классиков здесь имелись книги по естественным наукам, по истории и политической экономии, комплекты современных журналов, беллетристика, предназначенная для «домашнего чтения» и даже нелегальные издания, выпускавшиеся русской революционной эмиграцией за рубежом. За четыре года службы у Болтовских М. И. Калинин познакомился со всеми выдающимися произведениями русской классики, прочел «Обзор философии» Джона Стюарта Милля, иллюстрированную «Жизнь животных» Брема и впервые столкнулся с образцами вольной русской печати: читал «Полярную звезду» и книгу А. И. Герцена «С того берега», посвященную событиям 1848 года в Европе.

Уже в эти ранние годы произведения литературы помогали М. И. Калинину ориентироваться в жизни, находить верную линию в отношениях с людьми, с которыми ему приходилось встречаться.

Характерное свидетельство об этом содержит одна из статей, написанная М. И. Калининым в 1923 году:

«Много лет тому назад, на пятнадцатом году моей жизни, перед поступлением на завод, которое затянулось, я устроился кухонным мужиком у баронессы Будберг, занимал очень маленькое положение в иерархической лестнице ее челяди. У нее был камердинер Петр Петрович, к которому приходила вся камердинерская знать Петербурга; они в точности копировали своих господ: пили хорошие вина, вели светские разговоры, больше о чинах, орденах, карьере своих господ.

Внешностью из них каждый сошел бы за канцлера любой европейской страны... В столь трудной профессии... действительно, они являлись артистами, а мне, как сейчас помню, они казались пустыми, совершенно невежественными людьми, может быть потому, что я основательно уже ознакомился с русской литературой и людскую глупость великолепно подмечал...»

Когда в 1893 году М. И. Калинин поступил учеником на завод «Старый арсенал», а спустя три года - на Путиловский, он уже слыл среди рабочих знатоком русских классиков и любителем «вольной печати». Среди его товарищей были образованные рабочие - молодые туляки, окончившие в свое время воскресную школу и побывавшие в нелегальных кружках; они были хорошо знакомы с народнической литературой, свободно пересказывали целые главы из «Золотых сердец» и «Устоев» Златовратского, знали сочинения Н. К. Михайловского. Из запрещенных изданий рабочие-туляки были знакомы преимущественно с народовольческими прокламациями и брошюрами, в то время как Калинин уже читал Герцена, был знаком с трудами Писарева, Чернышевского и прочел

несколько марксистских брошюр.

«Наша встреча, - вспоминает М. И. Калинин, - как бы столкнула две культуры: я был знаком с русской классической литературой, но зато был слаб в народнической, туляки - наоборот - они мало были знакомы с нашей литературой, но зато хорошо знали народническую.

При взаимном обмене мы организовали кружок, библиотеку, как легальную, так и нелегальную, которую составляли из ежемесячных взносов. Около этого же времени, также через туляков, мы завели связь с нелегальной организацией, с РСДРП, которая присылала нам пропагандиста, с которым у нас были занятия месяцев восемь-девять регулярно».

Общаясь с туляками, М. И. Калинин заинтересовался сочинениями публицистов-народников. Как известно, к этому времени идейные вожди народничества порвали с революционными традициями 60-70-х годов, выступали с резкими нападками на марксизм. Но народническая проповедь не могла поколебать молодого революционера. В этом большую роль сыграла не только его связь с социал-демократами, но и знакомство с работой В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», вышедшей нелегально гектографированным изданием в 1894 году. Работа Ленина имела громадный успех в революционном подполье, особенно среди молодежи. Однажды студент-технолог, пропагандист того кружка, участником которого был М. И. Калинин, рассказывал об этой книге; он восторженно говорил, что автор «крепко посадил в галошу народнических вождей и им из нее не вылезти». Члены кружка расспрашивали пропагандиста об авторе знаменитой работы, но узнали только, что написал ее студент Казанского университета (на самом деле Ленин еще в декабре 1887 года был за революционную деятельность исключен из университета и выслан из Казани). Несколько позднее кружковцы узнали, что автор книги находится в Петербурге.

О том, какую роль в формировании политических и литературных взглядов Калинина сыграла работа Ленина о «друзьях народа», можно судить по одной из статей Михаила Ивановича (1925), в которой он вспоминал время борьбы марксистов с народниками. Труд Ленина явился, по словам Калинина, «великолепным памфлетом, направленным против главных вождей народничества - Михайловского, Кривенко, Южакова и др.». «Надо знать, - продолжал Калинин, - тогдашнюю обстановку и обаяние названных лиц на интеллигентскую среду, учащуюся молодежь и т. д., чтобы понять, какую смелость и, до известной степени, дерзость проявил В. И. Ленин в брошюре о «друзьях народа...».

В ту пору принять ленинский тезис о гегемонии пролетариата, отмечал Калинин, значило «изгнать из революционного обихода сентиментализм, романтику, позу, самолюбование своей обреченностью на высокое служение народу - качества, особо присущие интеллигентским слоям, в значительной степени распространенные тогда в обществе...

Тов. Ленин своим первым выступлением, - можно сказать, военным языком, - произвел небывалые прежде опустошения в народнических рядах».

Горячий интерес проявили участники путиловского кружка к произведениям русских писателей. Труды Герцена, Белинского, Чернышевского, сочинения Некрасова, статьи Писарева изучались в кружке с живейшим вниманием. Собираясь в доме у туляков или в пригородной деревне Волынкиной, где жил Калинин, кружковцы засиживались до позднего вечера за громкими читками и спорами. Литература была для них не предметом занимательного чтения, она служила важнейшим помощником в изучении русского общества, жизни страны.

«В былые годы, - говорил впоследствии Калинин, - когда мы росли духовно и набирались сил, в художественной литературе мы искали ответов на все волнующие вопросы. У нас были любимые герои, любимые писатели, на которых мы смотрели как на учителей жизни. Это были властители дум. Взять хотя бы таких людей, как Чернышевский, Салтыков-Щедрин, а потом наши современники - Короленко, Горький...»

М. И. Калинин считался одним из самых начитанных работников революционного

подполья. Кружковцы говорили о нем: «С трудами Ленина знаком, историю и философию знает. Он наших интеллигентов за пояс заткнет».

Михаил Иванович возглавил путиловскую группу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и фактически руководил революционной работой в двух крупнейших пролетарских районах столицы - Нарвском и Московском. В 1898 году он вступил в социал-демократическую партию.

М. И. Калинин был одним из организаторов рабочего клуба Нарвского района. Он выступал в клубе с докладами, вел пропагандистские кружки. Часто, «беседуя по душам», он приводил факты из жизни, примеры из художественных произведений.

Многие произведения русской поэзии М. И. Калинин знал наизусть. Старый путиловец С. Марков вспоминает, что, поступив подручным токаря на завод, он познакомился с М. И. Калининным и стал у него часто бывать. При этих встречах Калинин рассказывал гостю о прочитанных книгах. «Михаил Иванович, - пишет С. Марков, - обладал хорошей памятью, знал многие стихотворения Некрасова на память: он, например, декламировал нам, по нашей просьбе, такие стихотворения «поэта мести и печали» Н. А. Некрасова, как «Железная дорога» и «Саша».

Особенно много времени уделял чтению М. И. Калинин в тюрьмах и ссылке. «Иногда мы, - рассказывал он, - были «свободными» для учебы людьми. Бывало, посадят в тюрьму, там и читаем, что, правда, не всегда удавалось».

В июле 1899 года Михаил Иванович, в числе пятидесяти двух членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», был арестован и после десятимесячного заключения в тюрьме сослан на Кавказ. За эти месяцы он прочел много книг; среди них были первый том «Капитала» Маркса, сочинения на естественно-научные темы, произведения русских и иностранных писателей. Постоянным спутником в бесконечных скитаниях и переездах была у Калинина небольшая дорожная библиотечка, которая систематически пополнялась и обновлялась.

В апреле 1901 года М. И. Калинин был выслан из Тифлиса в Ревель. Там, поступив на завод Вольта, он организовал нелегальный марксистский кружок и подпольную типографию. В то же время он продолжал заниматься самообразованием.

Вспоминая о встрече с Калининным в Ревеле, старая коммунистка Ц. Зеликсон-Бобровская рассказывает: «По внешнему своему виду он не был похож на рабочего: аккуратно подстриженная бородка клинышком, очки, тихий голос - все это делало его похожим скорее на народного учителя или на земского статистика», И первое, что бросилось ей в глаза, - это широкая начитанность собеседника, знакомство его с новейшей литературой. По условиям конспирации, в беседе, протекавшей при третьем лице, нельзя было касаться партийной работы: «За чайным столом разговор шел на общие, нейтральные темы - о последних номерах толстых журналов, о новинках в области художественной литературы, о которых Михаил Иванович высказывался с большим знанием дела».

В эту пору дошел до Калинина и четвертый номер легального марксистского журнала «Жизнь» за 1901 год, в котором была опубликована «Песня о Буревестнике» М. Горького. Поэтический образ буревестника глубоко запал в память молодого Калинина. «Рабочее движение, - писал он впоследствии, -- вышло на широкую арену политической борьбы, захватило и увлекло за собой огромные массы народа, что великолепно выразил Горький в своем «Буревестнике».

А. М. Горький был любимейшим писателем молодого Калинина. Попав в 1903 году в петербургскую тюрьму «Кресты», Михаил Иванович пропагандировал там произведения Горького и Чернышевского. «Помню, мы с Михаилом Ивановичем и с другими (всего человек 5-8) устроили кружок и через окна обсуждали книжку «Что делать?». А на другой день М. И. Калинин сделал доклад о творчестве Горького». Доклад был таков, что тюремщики, не дав кончить, жестоко избили Калинина и бросили в карцер. Слух об этом быстро распространился среди петербургских рабочих. Была выпущена прокламация, в которой рабочие выражали свое возмущение действиями полицейской стражи в

«Крестах».

Характерно, что, в донесениях властей о деятельности М. И. Калинина отмечался и ставился ему в вину постоянный интерес к литературе. Так, например, в одном из докладов министра юстиции царю указывалось, что в конце 1901 года в Петербурге образовалось «нелегальное сообщество», которое основало тайную типографию и снабжало население «книгами, отвечающими его запросам». При обыске у членов этого «сообщества» были обнаружены запрещенные книги, прокламации, «стихотворения преступного содержания» и т. д. В числе арестованных полицией лиц, которые «поддерживали сношения с агитаторами, получали от них для чтения нелегальные издания», значится и крестьянин 26 лет, токарь по профессии, Калинин, Михаил Иванович. В документе говорится, что еще в прошлом, работая в Тифлисе, он «принимал участие в социал-демократической пропаганде среди рабочих, знакомил последних с подпольной литературой».

Вскоре М. И. Калинин был привлечен в социал-демократическую прессу: он стал корреспондентом ленинской «Искры», включившись в «сеть местных агентов единой партии», о которой писал В. И. Ленин в четвертом номере «Искры» в статье «С чего начать».

Специальным письмом из Петербурга редакции «Искры» было сообщено: «Связываем с вами рабочего Михаила Ивановича Калинина (Август из Ревеля), писавшего в «Искру» под псевдонимом Чужестранец и в «Рабочую мысль», когда находился в Петербургском Союзе. Человек весьма энергичный, имеет много связей с провинцией, которые и сообщит вам. Намерен постоянно корреспондировать и вести с вами переписку».

М. И. Калинин посылал в «Искру» зашифрованные письма, партийную информацию. «Мы уже стали иметь постоянную связь с границей, - вспоминал М. Калинин. - Почти регулярно получали оттуда «Искру», «Революционную Россию» и др. издания. Завели связь с полками, куда представляли литературу».

Два года - с января 1903 года до января 1905 года - Михаил Иванович провел в тюрьмах и ссылке, а когда началась первая русская революция, нелегально прибыл в Петербург, где осенью 1905 года снова возглавил большевистскую организацию на Путиловском заводе. Тогда в Петербурге выходила легальная большевистская газета «Новая жизнь», которую редактировал В. И. Ленин. В номере этой газеты, вышедшем 13 ноября, была напечатана статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». «Перед нами, - говорилось в статье, - трудная и новая, но великая и благодарная задача - организовать обширное, разностороннее, разнообразное литературное дело в тесной и неразрывной связи с социал-демократическим рабочим движением».

Литература и печать в руках нашей партии становились сильнейшими средствами воздействия на массы, революционного воспитания народа. Необходимо было, по словам Ленина, превратить литературное дело в неотъемлемую часть общепролетарского дела. Разоблачая анархо-индивидуалистические представления о художественном творчестве как якобы независимом от общественных интересов, от классовой борьбы, Ленин противопоставлял им литературу, открыто связанную с идеями социализма, с задачами пролетарской борьбы.

М. И. Калинин в своей работе партийного пропагандиста; сотрудника большевистской печати твердо руководствовался требованием партийности, сформулированным В. И. Лениным в его исторической статье 1905 года.

Знал Калинин и статьи Ленина, посвященные отдельным писателям. Несмотря на длительные скитания, затруднявшие знакомство с партийными изданиями, до Калинина дошли и статьи Ленина, написанные к 80-летию со дня рождения Л. Н. Толстого (Михаил Иванович был тогда на нелегальной партийной работе в Москве и получал издававшуюся за границей большевистскую газету «Пролетарий», где была напечатана эта статья), и работа В. И. Ленина «Памяти Герцена», появившаяся в «Социал-демократе» в 1912 году. В своих суждениях о Герцене Михаил Иванович исходил из ленинской оценки писателя, а

статью Владимира Ильича цитировал в одной из работ позднейшего времени («Союз рабочих и крестьян в прошлом и настоящем», 1925).

Серьезной школой для М. И. Калинина как партийного литератора было его участие в работе «Правды». М. И. Калинин организовал на заводе «Айваз» группу правдистов, широко пропагандировал материалы газеты. После ареста И. В. Сталина и Я. М. Свердлов, весной 1913 года, ЦК партии поручил Калинину руководство партийной печатью.

Большую работу вел М. И. Калинин также в просветительных обществах и клубах. Еще в 1910 году за создание в Москве клуба под названием «Для небогатых слоев населения» Михаил Иванович был арестован и заключен в Суцеский полицейский дом. Заметную роль играл М. И. Калинин в деятельности «Сампсониевского общества самообразования» в Петербурге (1913-1914). Это легальное общество, фактически превратившееся в один из центров революционной работы, часто устраивало литературные и музыкальные вечера. М. И. Калинин был членом правления общества. Энергичную революционную деятельность развернул М. И. Калинин в годы первой мировой войны. Выступая на митингах, Михаил Иванович разоблачал социал-оборонцев, пропагандировал революционные лозунги большевиков. Он помогал издавать нелегальную газету «Пролетарский голос» и много времени уделял политико-просветительной работе. В течение полутора лет он руководил двумя конспиративными кружками самообразования. На его тесные связи с передовой интеллигенцией, на пропагандистскую деятельность в годы войны обратила внимание в одном из своих донесений охранка: «Калинин, Михаил Иванович, по агентурным сведениям - социал-демократ (большевик), ленинец, ведет широкое знакомство с интеллигенцией, пользуется большой популярностью среди рабочих, много раз выступал на митингах, призывал к забастовке, хороший оратор и пропагандист».

В февральские дни 1917 года М. И. Калинин был одним из руководителей героической борьбы рабочих и солдат Петрограда против самодержавия. После свержения царской власти, когда возобновился выход «Правды», Михаил Иванович, будучи избран членом Петроградского комитета партии и введен в редакцию «Правды», регулярно выступал в качестве литератора и публициста на страницах большевистской печати.

12 марта 1917 года в центральном органе партии появилась статья М. Калинина «О земле», 28 марта - вторая статья, «Революция и деревня». Затем М. И. Калинин сотрудничал в газете «Солдатская правда»: в первом номере ее, 15 апреля 1917 года, он опубликовал фельетон «Слухи», потом выступил со статьями «Братание», «О большевиках», «Кризис власти», «Нужна рабочая хроника». В последней из этих статей он говорил о необходимости широкого освещения жизни рабочего класса и о том, что «такие описания, такие картины внутренней жизни и борьбы» помогут делу революционного воспитания всех слоев трудящихся.

После Великой Октябрьской социалистической революции, в осуществлении которой М. И. Калинин принимал непосредственное и активное участие, его общественно-политическая деятельность приобрела необычайно широкий размах.

Уже в первые годы советской власти, ведя обширную государственную работу, Михаил Иванович внес большой вклад в дело осуществления культурной революции в нашей стране. Он постоянно занимался вопросами просвещения, культурной пропаганды, охраны художественных ценностей, распространения книг среди населения. Бывая с агитпоездом на фронтах и в прилегающих к фронтам селах и городах, М. И. Калинин широко использовал в качестве средств массовой пропаганды художественную литературу, плакатную живопись и кино.

1 мая 1919 года в газете «Известия» появилось сообщение: «29 апреля с Рязанского вокзала отошел литературно-инструкторский поезд «Октябрьская революция». С этим поездом, во главе его агитационно-инструкторского состава, выехал Председатель ВЦИК М. И. Калинин». В беседе с сотрудником газеты Калинин сказал: «Губернии, по которым

мы намерены проехать, близки к колчаковскому фронту, и политическая агитация в этой области имеет огромное значение. Появление агитаторов из центра, митинги, которые мы будем устраивать на местах, раздача литературы, плакатов, воззваний, демонстрирование лент советского кинематографа, самое соприкосновение с представителями центральной рабоче-крестьянской власти должно поднять настроение народа, рассеять сомнения, вносимые колчаковскими агентами-провокаторами».

В поезде специальным вагоном следовали книжный склад и книжная лавка. Кроме того, один вагон был отведен под типографию, другой - под киноаппаратуру и киноленты. В отчете об этом рейсе поезда, длившемся двадцать дней, указывалось, что «магазин продавал литературу всем желающим, со склада же литература отпускалась исключительно организациям», что «кинематограф работал днем для школ, вечером под открытым небом для взрослой публики. Все сеансы сопровождались объяснением картин, а в антрактах произносились речи инструкторов и агитаторов по текущему моменту». В той же поездке работниками кинокомитета Наркомпроса было сделано 50 фотоснимков и 155 киносъемок.

6 июня 1919 года агитпоезд во главе с М. И. Калининым выехал на Западный фронт. В телеграмме из Минска, касаясь пребывания поезда в населенных пунктах Белоруссии, корреспондент «Известий» сообщал: «Спрос на литературу необычайный. У книжного магазина тянутся громадные хвосты чающих получить книгу. К кинематографу стекаются ежедневно до 10 тысяч»

Во время рейсов агитпоезда, выступая на митингах, М. И. Калинин, наряду с вопросами военного и экономического положения, останавливался на задачах просветительной, культурной работы.

Обращаясь к выпускникам офицерских курсов в Тамбове 2 августа 1919 года, он сказал: «Вы будете воевать не только штыками, - ваш штык грозен врагам, - но вы являетесь и просветителями тех мест, где не слышали голоса свободы, не знают, что такое социализм». На митинге в Бобруйске 19 июня 1919 года Михаил Иванович горячо говорил о том недалеком времени, «когда все будет направлено на налаживание культурной жизни». Забота о «налаживании культурной жизни», о расцвете творческих сил советского народа, о развитии всех областей нашей художественной культуры стала существенной частью партийной и государственной деятельности М. И. Калинина. Ряд важных вопросов, касающихся пропаганды и распространения книги, постановки книгоиздательского и библиотечного дела, деятельности писательских организаций разрешался при прямом участии М. И. Калинина.

Значительное место вопросы литературы заняли в печатных трудах и публичных выступлениях всесоюзного старосты, посвященных самым разным вопросам партийной и государственной жизни. Немалую роль в развитии нашей литературы сыграли также и его личные встречи с писателями. В беседе Калинина с группой молодых авторов накануне Всесоюзного съезда писателей (1934), при его встречах с М. Шолоховым, Ф. Гладковым, Л. Леоновым, М. Пришвиным и другими обсуждались насущные проблемы литературной жизни. Михаил Иванович поддерживал новые литературные начинания, проявлял заботу о молодых писательских кадрах, следил за нашими литературно-художественными журналами, наконец, на протяжении долгого времени участвовал в работе редакционной коллегии журнала «Новый мир».

«Я помню, - пишет Леонид Леонов, - как много помогал нам, писателям редколлегии, Михаил Иванович, которого мы считали своим шефом. И когда мы четверо, вся редколлегия в полном составе - Ставский, Малышкин, Гладков и я, - приходили к нему в Кремль, он живо интересовался журналом, внимательно расспрашивал о том новом, что скопилось в портфеле редакции. Он не только знал по имени писателей, но читал их произведения и давал им удивительно точные и меткие характеристики. Эти встречи по поводу журнала превращались обычно в живые дискуссии о литературе. В высказываниях Михаила Ивановича чувствовалась горячая любовь к русской литературе XIX века и

живая заинтересованность в литературе современной, в тех произведениях, которые могли бы служить образцами жизни и поведения рядового советского гражданина-читателя. В этих встречах я неизменно ощущал в Михаиле Ивановиче человека громадного жизненного опыта, окидывающего всепонимающим отеческим взглядом не одно поколение людей».

За время участия М. И. Калинина в работе редакционной коллегии «Нового мира» на страницах журнала появился ряд выдающихся произведений советской литературы, в том числе романы и повести А. Толстого, А. Новикова-Прибоя, М. Пришвина, С. Сергеева-Ценского, В. Вересаева, В. Шишкова, А. Малышкина, Вс. Иванова, Л. Сейфуллиной. 26 декабря 1934 года Михаил Иванович принял участие в вечере, посвященном 10-летию журнала. Вечер происходил в Доме советских писателей (ныне Центральный дом литераторов). Выступавшие на вечере с благодарностью отмечали большую помощь, которую на протяжении всех десяти лет всесоюзный староста оказывал журналу. «С напряженным вниманием, - читаем мы в газетном отчете, - писатели выслушали речь т. Калинина, затронувшего ряд общих вопросов развития советской культуры, в частности художественной литературы и критики, и пожелавшего советским писателям успеха в работе». Через руки Михаила Ивановича прошло немало рукописей, для чтения которых он всегда находил время. Нередко после ознакомления с рукописями он писал к ним вступительные статьи или предисловия. Для тома «Литературного наследства», посвященного Н. А. Некрасову, Михаил Иванович согласился написать статью о великом поэте. Материал для статьи был им подготовлен, но болезнь (это было в год смерти Калинина) помешала ему приступить к работе.

До последних дней жизни М. И. Калинина художественная литература была предметом его постоянного внимания и изучения. «Я ежедневно прочитываю хотя бы восемь - десять страниц не бумаг, а марксистских книг, а кроме того, читаю и новинки беллетристики», - говорил он в 1934 году.

А спустя десять лет на приеме комсомольских работников Советской Армии заметил: «Мне вот скоро семьдесят лет, а все равно неумолимо изо дня в день приходится следить за литературой и учиться. И никак нельзя иначе».

В личной библиотеке М. И. Калинина мы находим книги, которыми он пользовался в последние годы своей жизни. Среди них произведения классической литературы («Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Кто виноват?» и «Былое и думы» А. И. Герцена, «Племянник Рамо» Д. Дидро и др.), книги советских писателей («Годы войны» В. Гроссмана, «Фронтовые записки» В. Ставского, «Война» И. Эренбурга, «Гвардейские высоты» А. Первенцева)\ сборники фольклора («Сказки и предания»); и большое количество мемуаров политических деятелей, литераторов, деятелей театра (А. Ф. Кони, В. И. Немировича-Данченко, В. Д. Бонч-Бруевича и др.). М. И. Калинин был истинным другом писателей, знатоком и ценителем литературы, постоянно способствовавшим ее росту.

Большую поддержку получали от него и деятели других родов советского искусства. Михаил Иванович проявлял постоянную заинтересованность в творческой жизни советского театра, в развитии кино, в достижении новых успехов композиторами, музыкантами-исполнителями, работниками изобразительного искусства. «Для нас, людей искусства, - вспоминает В. Барсова, - Михаил Иванович всегда был близким и чутким другом. Несмотря на свою огромную загруженность большими государственными делами, он находил время для дружеской встречи с работниками искусства. Эти встречи, замечательные мысли, высказанные Михаилом Ивановичем в беседах с нами, навсегда останутся в нашей памяти».

«Его острая, беспощадная, но в то же время всегда очень дружественная критика, - пишет М. Михайлов, - содержит в себе чрезвычайно много ценного для нас. Даже высказанные им вскользь замечания не раз заставляли художника вновь обдумывать свою работу, приводили к новой трактовке образа, а иногда и к изменению целого плана постановки».

Речи М. И. Калинина, обращенные к артистам Большого, Малого и Художественного театров, к деятелям украинского, казахского, грузинского, узбекского, азербайджанского искусства, к работникам Ленинградской консерватории, к труженикам советского кино, беседа Михаила Ивановича с художниками-плакатистами в период Великой Отечественной войны, неоднократные встречи с архитекторами, суждения М. И. Калинина о советской живописи, о графике и т. д. - все это помогало изживать недостатки, преодолевать трудности и двигать вперед развитие советского искусства. «Михаил Иванович для нас, советских художников, - отмечал А. Герасимов, - всегда был и есть строгий, требовательный, но неизменно доброжелательный, горячо любящий искусство друг и судья».

Изучение жизни М. И. Калинина показывает, что искусство, литература были для него важнейшими средствами познания действительности, богатейшим источником мыслей, образов, идей, воплощением творческого гения народа и в то же время великой воспитательной силой.

В статьях, речах и высказываниях М. И. Калинин осветил ряд важнейших вопросов эстетики - об отношении искусства к действительности, об общественной роли искусства, о специфике художественного творчества, о значении формы, наконец о сущности метода социалистического реализма. Суждения эти представляют собой пример живого творческого следования принципам марксизма-ленинизма в подходе к явлениям искусства; в то же время они свидетельствуют о глубине и свежести индивидуального восприятия искусства М. И. Калининым. Человек широкой эрудиции, активной творческой мысли, Михаил Иванович не терпел догматизма ни в одной сфере человеческой деятельности, а тем более в области духовного творчества.

М. И. Калинин неоднократно отмечал, что искусство, верно отражающее жизнь, активно содействует ее преобразованию. Поэтому он решительно отстаивал правдивое, наглядное, целеустремленное воспроизведение действительности в искусстве. Он боролся за высокую идейную и творческую вооруженность художника и в этой связи подчеркивал значение марксизма-ленинизма. «Эта теория, - говорил он, - исключительно обогащает людей, развивает их ум, раскрывает необозримые творческие горизонты».

М. И. Калинин доказывал, что усвоение теории - это не начетническое повторение заученных формул. Он едко иронизировал по адресу «коммунистических начетчиков» - людей без «искры», жалких догматиков, не понимающих глубочайшего жизненного смысла марксистско-ленинских идей. «Они, - говорил о таких людях Калинин, - плохие проводники коммунизма... Если человек в душе коммунист, то он сам собою, своими воззрениями, своим подходом к явлениям проводит коммунистическую линию, и не в формулах, а в подходе к явлениям, в умении видеть, анализировать, изучать, смело и решительно отделяя старое от нового в самой жизни и борясь за торжество нового, передового». «Кто коммунист, - подчеркивал Калинин, - пусть он свое коммунистическое мировоззрение внесет в каждое явление жизни. Предположим, он описывает какое-нибудь маленькое событие, он сейчас же должен оценить, как коммунист, что это событие - является ли отражением старого или нового. Является ли это событие отражением старого, уже изжитого, погибшего строя, или же оно является отражением новой культуры, новой нарождающейся жизни».

Таким образом, вопрос о партийности искусства был для М. И. Калинина вопросом о мировоззрении художника, об его месте в общественной борьбе. Деятельность советского человека, в какой бы области он ни трудился, должна быть целенаправлена, партийна. В чем же выражается партийность писателя, художника, журналиста?

Говоря о слабости некоторых литераторов, Михаил Иванович подчеркивал, что «многие из них не научились творчески выражать эту направленность, партийность. Нужно каждый художественный очерк, корреспонденцию, радиопередачу сделать реалистическими, пропитанными идейным содержанием не в смысле того, чтобы в конце или в начале статьи были сказаны слова «партийность», «социализм» и т. п., а чтобы сами

факты, само действие приводило читателя к партийности».

Итак, глубоко реалистическое изображение действительности - вот главное средство идейного' воздействия на слушателя, читателя. А реалистическое изображение требует особого подхода к жизненным явлениям, особой позиции художника, - он должен уметь выбирать и воспроизводить наиболее существенное, наиболее типичное. «Ведь только концентрированное, типичное, - напоминал М. И. Калинин, - производит большое впечатление. Вспомните литературную классику. Тут даны чрезвычайно концентрированные типы, и поэтому она до сих пор производит огромное впечатление, ее читаешь с захватывающим интересом».

Если художник подойдет к делу без мысли, у него получится не тип, а лишь «технически хорошо выполненный портрет, фотографическая похоть на оригинал». Касаясь некоторых образов в произведениях Гладкова, Михаил Иванович отмечал: «Живые прототипы можно брать за натуру, только типизируя их».

Чтобы достичь полноты реалистического образа, надо постоянно искать и находить яркие слова, выразительные интонации, краски, мелодии; художник должен не только проникнуть в сущность изображаемого, но и овладеть техникой, формой изображения. А «создание формы. - напоминал М. И. Калинин, - требует от художника огромной работы мысли, напряженных переживаний и очень больших знаний».

Советская действительность открывает исключительно широкий простор для творческой работы, но в то же время предъявляет к художнику и небывало высокие требования.

«Социализм у нас - не мечта, а подлинная реальность. Этот реальный, а не фантастический социализм требует мощной кисти художника: писателя, артиста, живописца, певца, музыканта, скульптора, архитектора и т. д.» Работа советского художника, говорил М. И. Калинин, опирается на принципы социалистического реализма, в основе которых лежит требование жизненной правды. Но что понимать под правдой в искусстве? «Когда вы правдиво «пишете жизнь», - замечал М. И. Калинин, - надо выявлять не только те черты, которые каждому бросаются в глаза, но и те черты, которые обыкновенному глазу трудно заметить. Например, любовь к родине. Она сказывается у различных людей в самых различных формах. Надо у каждого человека найти и показать эту любовь, выразив ее не умозрительно, а конкретно».

Картина жизни в произведении искусства должна обогащать читателя, расширять его кругозор. Наше искусство воспитывает в людях преданность родине, любовь к труду, готовность к борьбе. «Значит ли все это, - спрашивал Михаил Иванович, - что художник не должен описывать, изображать, представлять отрицательные типы и явления? И отвечал: «Ни в коем случае». Рост нового в нашей жизни неотделим от борьбы с отживающим, старым, враждебным, идущим от буржуазного миропонимания, буржуазной морали. «Выпускать все это из поля зрения художника, - предупреждал М. И. Калинин, - значит не охватывать жизнь во всей ее полноте и совокупности, не выполнять основного требования социалистического реализма».

Творческому методу советских художников органически присуща революционная романтика. В своей пропагандистской деятельности Михаил Иванович всегда уделял большое внимание воспитанию чувства революционной романтики у советских людей. Говоря о рабочей молодежи, прошедшей школу первой русской революции, он указывал, что ее «революционный романтизм был шире и глубже, чем у дореволюционного поколения, а цели борьбы конкретнее». Вся обстановка революционной борьбы, по словам Михаила Ивановича, «полна романтизма и опасностей».

По убеждению М. И. Калинина, романтическая мечта, активное стремление вперед свойственны самой природе советского художника - участника великой созидательной работы. «Некогда я мечтал, - рассказывал всесоюзный староста на собрании интеллигенции,- о таких временах, когда я буду членом российского парламента от рабочей партии. Это была моя романтика. А у вас разве нет романтики? Разве вы не хотите сделаться активными общественными деятелями, приносящими максимальную

пользу Советскому государству? Разве вы не стремитесь двигать вперед социалистическое строительство, социалистическую мысль?»

Метод социалистического реализма предполагает многообразие художественных течений, широкое и свободное проявление индивидуального своеобразия художника. У каждого писателя, говорил Калинин молодым литераторам, должен быть свой стиль, а собственный стиль вырабатывается жизнью, всем жизненным и творческим опытом художника. Эту же мысль Михаил Иванович развивал в беседе с художниками-плакатистами. Он подчеркивал, что выбор темы произведения, жанра, выразительных средств должен зависеть от индивидуальных наклонностей и вкусов автора: «Один любит героиню, находит ее и изображает, другому более свойственна сатира, и он работает в этой области. Незачем ставить вопрос - то или другое, героиня или сатира? Мне кажется, надо использовать все, что поддается плакатному изображению в том духе, который наиболее свойствен тому или иному художнику, и даже теми средствами, которые ему предпочтительнее: карандашом, маслом, акварелью и т. д. Нужно все использовать и не следует ставить какие-либо искусственные ограничения».

Развитие и совершенствование единого для всех советских художников метода требует максимально полного и глубокого выражения творческих возможностей каждого из них. Именно так понимал М. И. Калинин процесс творческого содружества и соревнования в советском искусстве.

Исключительное внимание в своих статьях и высказываниях М. И. Калинин уделял культурному наследию прошлого и в особенности русской классической литературе. Михаил Иванович подчеркивал, что литература наша, выражая национально-исторические особенности жизни России, внесла огромный вклад в развитие общечеловеческой культуры и занимает в ней почетное место. «Пушкин, Толстой, Горький - это огромные художники, великие писатели мира, и вместе с тем они действительно русские писатели, отражавшие свою эпоху и черты русского народа».

Характерной чертой русской литературы М. И. Калинин считал ее неразрывную связь с освободительным движением народа, неустанные поиски ее мастерами путей освобождения народа. Она «облагородила человека, заставила весь мир признать его высокую моральность, которая особенно поднялась и проникла в народную, толщу при советском строе», - писал М. И. Калинин. Величие русской литературы М. И. Калинин видел и в многообразии воплощенных ею характеров, в богатстве ее языка. Неоднократно ссылаясь он в этой связи на произведения Гоголя и Щедрина, «первоклассных мастеров», творения которых, благодаря своему художественному совершенству, продолжают нас волновать, хотя мы живем уже «в других условиях, в другом мире».

М. И. Калинин постоянно призывал молодых писателей учиться у классиков глубине и правдивости воспроизведения жизни.

Представленные в настоящем сборнике суждения М. И. Калинина о творчестве Фонвизина, Радищева, Грибоедова, Гоголя, Герцена, Огарева, Тургенева, Гончарова, Л. Толстого, Чехова подчеркивают прогрессивную историческую роль творчества классиков, его огромное познавательное и воспитательное значение.

Михаил Иванович особо отмечал исключительную роль русских революционных демократов в истории освободительного движения, в борьбе с крепостниками и либералами, в пропаганде идей крестьянской революции, в развитии и обогащении лучших традиций передового искусства. Он напоминал, что «такие разночинцы, как Белинский, Чернышевский, Добролюбов, заняли выдающееся место и в литературе и на арене классовой борьбы». Он отмечал, что революционный характер мировоззрения Некрасова придавал его поэзии высокий пафос гражданственности. «Некрасов своими произведениями в каждом честном человеке возбуждал ненависть к рабовладельцам, любовь к народу, призывал к борьбе».

Неоднократно пользовался М. И. Калинин образами из произведений русских классиков в пропагандистско-публицистических целях.

Для иллюстрации своих мыслей для характеристики тех или иных политических деятелей Михаил Иванович прибегал к басням Крылова, к рассказам Толстого, Короленко, Горького, а особенно часто - к произведениям Гоголя и Щедрина.

Образы гоголевских помещиков Михаил Иванович использовал для характеристики «сытой, бездеятельной буржуазной публики» за рубежом, которой «настоящая культура не нужна». Вровень с гоголевским Петухом и даже ниже его поставил Калинин белоэмигранта А. Яблоновского, опубликовавшего 22 января 1926 года в белогвардейской газетке «Руль» фельетон «Русский Париж». Осенью 1926 года М. И. Калинин написал статью «Что делает советская власть для осуществления демократии», и представлявшую собой достойную отповедь этому писателю. Приводя выдержки из фельетона А.

Яблоновского, полные сожаления о минувших временах, М. И. Калинин заключает: «Ведь это пишет бывший русский радикал, и между тем как ему мил старый, помещичий быт с его ваньками, нянями и прочей помещичьей челядью. Насколько же выше, благороднее современных писак «Руля» гоголевский Петух. Он вместе со своими крепостными ловил карасей в своем пруду и смаковал не рабство, а искусство своего повара.

Правнуки Петуха выросли, они поняли вкус не только в кулебяках, а и в смачности института рабовладения».

Несколькими строками ниже Калинин писал о «гоголевском зоологическом саде эмиграции», скрашивающей свои будни мечтой о возвращении крепостничества.

Характерный случай использования М. И. Калининым гоголевского образа мы встречаем в его суждениях по поводу опубликованного в одном из январских номеров

«Крестьянской газеты» за 1925 год письма крестьянина Одесской губернии Владимира Я., названного самим автором «Где моя революционная заслуга?» Это письмо политически

отсталого человека, до смешного преувеличивавшего свою роль в революции (он был писарем во время гражданской войны), полно было претенциозных обывательских доводов о «распределении благ». В том же (15-м) номере «Крестьянской газеты» был помещен ответ М. И. Калинина Владимиру Я. - статья под названием «О дутых заслугах и широких претензиях на награду». В характеристике бывшего писаря, возмнившего себя героем революции, Михаил Иванович прибегнул к одному из самых популярных гоголевских образов: «Владимир Я- о своей персоне очень высокого мнения. Он о себе так же думает, как о себе думал Хлестаков. Но ведь Хлестакову подвезло, целый город во главе с городничим его принял за ревизора, и поэтому какую бы глупость он ни говорил, все эти глупости ставились ему в плюсы, за которыми таятся скрытые мысли ревизора».

Пример из Щедрина был использован Калининым в одной из речей, произнесенных во время фронтовых поездок 2 августа 1919 года на митинге в Тамбове, разоблачая обывателей-шкурников из «культурных слоев», мечтающих остаться в стороне от великих событий, Михаил Иванович говорил: «Тщетно будет обыватель искать покоя своей трусливой душе в момент беспощадной борьбы. Поведение премудрого пескаря в конце концов не спасло его от щуки. Есть сейчас только один способ уменьшить остроту индивидуальных страданий: это влиться в русло борющихся, в тот или иной лагерь».

Ссылки на Щедрина встречаются и в других выступлениях всесоюзного старосты.

При всей своей любви к русской литературе М. И. Калинин постоянно предостерегал от не критического восприятия литературного наследия; он отмечал противоречия в мировоззрении и в творчестве отдельных писателей и требовал объективного подхода к определению места каждого из них в литературном процессе. Михаил Иванович решительно отвергал всякого рода «среднюю», «временную», псевдонародную и псевдореалистическую литературу. Претил ему слащавый стиль писателей, рядившихся в крестьянские одежды, но внутренне чуждых крестьянству. М. И. Калинин решительно осуждал присущий им отвратительный привкус «слащавости, сентиментализма, внешней жалости и скорбности». Всякое явление литературы, которое свидетельствовало о чуждости писателя интересам народа, идейной отсталости художника, Калинин встречал с неизменным осуждением.

В начале XX века, подчеркивал он, обнаружились признаки вырождения буржуазной культуры. В кругу людей господствующих классов появились декадентские, упадочнические направления. «Русская буржуазия, не успев расцвести политически и культурно, уже трепетала перед революцией больше, чем перед реакцией. Это резко сказалось в искусстве и литературе в виде распространения натурализма, формализма, символизма, импрессионизма и т. д. Одним словом, пошло всякое декадентство». М. И. Калинин рассказывал о чувстве протеста, которое всегда охватывало его при знакомстве с сочинениями символистов и футуристов.

В чем был выход из тупика, к которому неизбежно вел литературу кризис буржуазно-дворянской культуры? Выход был только в революции. Перед литературой стояла задача высоко поднять знамя великих освободительных идей, которое пролетариат взял в свои руки. «С появлением Горького, - отмечал М. И. Калинин, - художественная литература снова приобрела боевое общественное значение, в особенности в связи с выходом в свет его романа «Мать». Но теперь уже героями выступили рабочие. Этим как бы фиксировался тот факт; что борьба за все прогрессивное перешла к рабочему классу». Постоянный интерес проявлял М. И. Калинин к творческому наследию зарубежных классиков. В его трудах упоминаются произведения Сервантеса, Шекспира, Гете, Бальзака, Гейне, Флобера, Мериме и многих других. Михаил Иванович отмечал, что реалистическая литература на Западе дала «замечательные произведения, бичующие капитализм». Ярким примером такого обличения капитализма он считал роман Бальзака «Отец Горио», напомнив о нем в одной из своих последних работ («О моральном облике нашего народа»). Под учебой у классиков Калинин понимал освоение опыта всех великих писателей мира.

Следил Михаил Иванович и за творчеством современных иностранных писателей. Он хорошо знал книги Г. Уэллса, А. Франса, Л. Фейхтвангера, Ж.-Р. Блока, Э. Ремарка, знакомился с новинками публицистики. В произведениях передовых литераторов зарубежных стран он ценил раскрытие противоречий буржуазной действительности. Он считал, что правдивым изображением тягот, на которые обрекает трудящихся капиталистический строй, писатели помогают борьбе за демократию. М. И. Калинин неоднократно говорил о новаторстве советской литературы, о широте ее воспитательных задач, о том, что она призвана служить делу строительства социализма. Из этого исходил Михаил Иванович, характеризуя отдельных писателей и отдельные произведения советской литературы.

Мы уже говорили, что с юношеских лет он питал особое пристрастие к произведениям А. М. Горького. Роль творчества Горького в воспитании классового самосознания пролетариата была отмечена М. И. Калининым в марте 1919 года во время празднования 50-летия писателя. В газетной заметке о вечере в Александрийском театре мы читаем: «Юбилейный спектакль по случаю 50-летия со дня рождения Максима Горького, организованный Петросоветом, собрал переполненный зрительный зал из представителей политических, профессиональных и культурно-просветительных организаций... Перед началом спектакля произнесли речи: от труппы Александрийского театра - артист Г. Г. Ге, от Петроградского совета - комиссар городского хозяйства М. И. Калинин...

М. И. Калинин отметил значение Максима Горького в общественной борьбе как буревестника, указав, как в эпоху царизма каждое произведение великого писателя являлось для передового авангарда рабочего класса целым политическим событием, вызывавшим страстные споры и вдохновлявшим к новой борьбе».

Для нас особый интерес представляет вопрос о месте, которое М. И. Калинин отводил Горькому в истории отечественной литературы. Михаил Иванович рассматривал дооктябрьское творчество Горького как предысторию советской литературы. «Песню о Буревестнике» М. И. Калинин непосредственно связывал с началом организованной борьбы рабочего класса за свое освобождение. О повести «Мать» он говорил, что этим произведением, изображающим героев новой эпохи, рабочих-революционеров, Горький

положил начало развитию литературы пролетариата. Всестороннее знакомство М. И. Калинина с творчеством Горького, деловые и дружеские их встречи в советские годы дали возможность Михаилу Ивановичу многократно ссылаться в статьях и речах на произведения писателя, на факты его общественной деятельности. Еще в марте 1917 года, в статье «Слухи», опубликованной за подписью «Рабочий М. Калинин» в газете «Солдатская правда», был использован образ горьковского Буревестника.

В 1922 году, в статье «Итоги голодной кампании», Михаил Иванович сообщил об участии М. Горького в организации Всероссийского комитета помощи голодающим.² В докладе «О выборах в Советы в 1928-29 гг.» 11 декабря 1928 года М. И. Калинин цитировал из газеты «Известия» статью М. Горького «Еще о механических гражданах».

В работе, написанной к 20-летию ВЛКСМ, Калинин приводил цитаты из разных произведений Горького.

Весьма лаконичны, но полны глубокого значения оценки, данные М. И. Калининым крупнейшим советским поэтам - Маяковскому и Демьяну Бедному. Калинин подчеркнул их беззаветное служение интересам отечества, их смелое новаторство.

Из произведений советской прозы М. И. Калинин особенно высоко ценил романы М. Шолохова, Н. Островского, Ф. Гладкова, А. Малышкина. В этих книгах он отмечал глубину и конкретность изображения действительности, особенно выделяя образы положительных героев.

Большое количество литературных оценок М. И. Калинина относится к произведениям военных лет. Художественному отображению борьбы советского народа за родину он придавал исключительное значение.

Еще задолго до Великой Отечественной войны М. И. Калининым были осуждены и принцип «романтизации» военных действий и принцип натуралистического воспроизведения тягот и жестоко-стей войны. Михаил Иванович считал, что писателю не следует становиться ни на первый, ни на второй путь, что, познавая историческое содержание войны, он должен изобразить ее реалистически. Эта мысль была впервые высказана М. И. Калининым в одной из речей 1919 года на митинге в поселке Рамонь. Он напомнил слушателям о том, как войну часто «красиво описывают в книгах, в поэмах, в чудных стихотворениях, которые многие из нас изучали в детстве». «И вот, - продолжал Калинин, - перед нашими глазами идет настоящая война, красоту которой вы вполне уразумели и увидели на деле. И сейчас вы думаете, что все эти стихотворения - мираж, что красоты в войне нет никакой, не поднимается там народный дух, нет там красивых жестов и картин, которые описываются в наших книгах...

Но вопрос, - говорил далее М. И. Калинин, - разрешается результатом войны и целями, за которые воюют... Когда происходит беспощадная борьба, люди проникаются одним сознанием - уничтожить врага, и, только уничтоживши его, люди начинают приходить в мирное состояние и налаживать жизнь».

Из этих слов следует, что писатели всегда должны проникать глубоко в суть происходящих событий, вскрывать их внутренние закономерности.

Мысли М. И. Калинина о реалистическом изображении войны определили его подход и к литературе периода Великой Отечественной войны - к произведениям И. Эренбурга, Б. Горбатова, А. Корнейчука, В. Гроссмана, А. Довженко, К. Симонова, Н. Тихонова и других. Ряд очерков, рассказов, корреспонденции он рекомендовал как материал для политической агитации в воинских частях.

Признавая большие достижения нашей литературы, М. И. Калинин в то же время отчетливо видел присущие ей слабости и недостатки. Он говорил, что у нас мало произведений, исполненных пафоса созидания, поэтизирующих труд. Привычка некоторых авторов идти проторенными путями, их творческая инертность, невнимание к актуальным вопросам жизни - все это вызывает, по мнению М. И. Калинина, отставание этих писателей от жизни. Михаил Иванович отмечал, что писатели, не испытывающие идейного и творческого горения, не обладающие подлинным знанием действительности,

создают не художественные произведения, а «книги-поденки». Перед читателем таких книг проходят не живые люди, а серые, бесплотные тени. Хорошей книгой, говорил М. И. Калинин, может считаться лишь та, у которой под обложкой пульсирует жизнь, как кровь под кожей человека. Дурная назидательность и дешевая иллюстративность в искусстве резко осуждались М. И. Калинин, так же как и пустая риторика, словесная, трескотня. Значительный интерес представляют высказывания М. И. Калинина о литературном языке. Язык, по его словам, служит не только средством общения между людьми, но и оружием идейного и эмоционального воздействия на них. Языковому мастерству Калинин призывал учиться у классиков русской литературы, а также щедро черпать из сокровищ живой народной речи. В совершенствовании языка Калинин видел важнейшую задачу советских писателей, ибо «без знания, без настоящего знания русского языка, - предупреждал он, - никто никогда настоящим писателем не будет».

Многое из того, что М. И. Калинин было сказано о художественной литературе, имеет отношение ко всем родам искусства. Но в трудах всесоюзного старосты есть и прямые высказывания о театре, музыке, живописи, архитектуре.

Театр, по мнению Калинина, теснее других родов искусства связан с массами, его воздействие на них наиболее сильно, по сравнению со всеми другими родами искусства. «Как ни хороши пьесы Горького, - говорил Михаил Иванович, - но когда мы видим их на сцене, они становятся ближе и понятней, чем при чтении, и чем талантливей они показываются на сцене, тем большее количество их воспринимает. Поэтому мы и говорим, что театральное искусство - одно из самых могучих средств для воспитания людей, для поднятия культурного уровня всего нашего населения».

Среди вопросов театральной жизни, привлечших внимание всесоюзного старосты, особое место занимает вопрос о взаимоотношениях между театром и драматургом. «Театр, - говорил Михаил Иванович, - ждет величайшего драматурга, крупнейших произведений». На материале революционной борьбы рабочего класса и крестьянства, на материале социалистического творчества масс должны быть созданы драматические произведения, которые пре-взойдут по своей глубине и силе выдающиеся творения писателей прошлых эпох. Но театр не должен пассивно ждать появления таких произведений. «Вы, как великая культурная сила» - говорил М. И. Калинин, обращаясь к деятелям театра, - должны подталкивать это дело». Иными словами, театр всей своей творческой работой должен содействовать развитию драматургии.

Так же решался Калинин вопрос о процессе создания значительных музыкальных произведений: «Оперный коллектив должен настраивать, должен толкать наших композиторов на творчество, на создание новых опер, полноценных опер», так как опера «оформляет те огромные чувства, которые проявляются в народе».

Говоря об изобразительном искусстве, о необходимости развивать живопись, графику, жанр, сатиру, плакат, о том, что надо глубже внедрять произведения искусства в массы, Михаил Иванович останавливался на слабых сторонах творчества советских художников. Он подчеркивал необходимость добиваться такого мастерства, при котором образ, созданный художником, концентрировал бы в себе большое жизненное содержание. Серьезный счет предъявлял Калинин и советским архитекторам. Он призывал их строить здания, которые отвечали бы возросшим эстетическим вкусам и вместе с тем «соответствовали всем практическим потребностям живущих». В сочетании художественного совершенства с соответствием целевому назначению зданий, в смелости мысли, направленной на осуществление экономических, практических и художественных задач планировки и строительства, М. И. Калинин видел почетную обязанность зодчих. Он считал, что работа архитекторов должна стать предметом широкого обсуждения и предлагал устраивать общественные смотры архитектурных проектов. Советское искусство - это искусство всех народов нашей великой страны. Оно растет и крепнет на почве братского содружества социалистических наций. Оно активно содействует их единению; «...ведь что сплачивает, сближает народы между собой, делает их родными? -

говорил Калинин на приеме работников азербайджанского искусства. - Помимо общности экономики, культурное творчество - самое мощное средство такого сближения». Оценивая произведения искусства, ставя перед деятелями искусства большие задачи, Калинин всемерно способствовал подъему культуры всех народов нашей страны.

Когда исполнилось двадцать пять лет пребывания М. И. Калинина на посту руководителя верховного органа Советского государства, газета «Известия» писала:

«Слово Михаила Ивановича Калинина, простое, доходчивое, полное ума, широкого понимания людей и стоящих перед нами задач, спокойно и деловито направляющее энергию масс в государственное русло, всегда являлось выдающимся образцом руководства массами».

Характеристика эта полностью применима и к высказываниям М. И. Калинина о литературе и искусстве. Высказывания эти сочетают в себе необыкновенную простоту и доходчивость формы изложения с широтой постановки идейных и творческих задач, с государственным подходом к вопросам культуры.

Как и многие другие выступления М. И. Калинина, его высказывания о литературе и искусстве служат дальнейшему развитию и пропаганде марксистско-ленинской теории, помогают делу коммунистического строительства.

В настоящей книге собраны статьи, речи, беседы М. И. Калинина, охватывающие почти 30-летний период его общественно-политической деятельности (с 1917 по 1946 год).

Материал помещен в трех разделах. Первый составлен из текстов, содержащих высказывания М. И. Калинина по общим вопросам эстетики. Во втором собраны суждения М. И. Калинина, посвященные главным образом художественной литературе, в третьем - другим видам искусства (театру, музыке, кино, живописи, архитектуре). Внутри каждого из разделов работы даны в хронологическом порядке. Тексты, как правило, приводятся целиком, за исключением тех случаев, когда материал, касающийся вопросов литературы и искусства, сосредоточен в отдельных частях работ, посвященных в целом другой теме. Из таких работ, значительных по своему общему объему («О моральном облике нашего народа», «Славный путь комсомола» и др.) приводятся лишь соответствующие части.

Ряд высказываний по вопросам искусства и литературы содержат работы М. И. Калинина, не входящие в настоящий сборник. Извлечения из них читатель найдет в «Приложениях»; там они расположены по темам.

В «Приложениях» даны также воспоминания писателей и деятелей искусства о встречах с М. И. Калининым.

Учеба и жизнь

Из речи на выпуске студентов Свердловского университета 30 мая 1926 г.

Революционная школа и теоретическая работа

В настоящий момент мы переживаем в высшей степени сложный период. С каждым годом наша жизнь все более и более усложняется. В нашем советском строительстве требуется все более и более квалифицированной силы. В настоящий момент уже с примитивным подходом к общественным явлениям подойти в высшей степени трудно. Наоборот, марксистская диалектика учит, что то, что вчера было черным, оно сегодня сделалось белым. И то, что вчера было красным, оно сегодня сделалось белым. Нужно уметь каждый раз глубоко, по-марксистски подойти к каждому общественному явлению. Нужно уметь охватить предмет в целом и вместе с тем уметь проанализировать все его внутреннее содержание. Для того чтобы охватить предмет в целом, проанализировать его внутренность, для этого, разумеется, требуется огромная предварительная марксистская

подготовка. В особенности нужна эта марксистская подготовка, если человек не проделал предварительной большой практической работы.

И вот, я говорю, в настоящий момент как советское строительство, так и партийное дело глубоко нуждается в высококвалифицированных работниках. Наш Советский Союз по политическому воспитанию, по политической активности масс, по политической пропитанности, пожалуй, стоит впереди всех европейских и внеевропейских стран.

В этом почти нельзя сомневаться, но подъем политической активности еще недостаточен для огромного систематического, регулярного строительства.

Несомненно, наша задача такова: массовую активность, массовое желание ориентироваться в политике мы должны использовать в партийно-культурном отношении.

Во время большого подъема (как сейчас английская забастовка) каждый рабочий, который был вчера рядовым обывателем, делается героем, — он борется за рабочие интересы, и подъем масс выдвигает одного за другим героев в борьбе за эти массы. Но, товарищи, не всегда бывает быстрый темп движения вперед. Очень часто нам приходится отступать, а обыкновенные серые года, обычная будничная работа занимают 99% жизни человека.

Самое ценное у партийного работника, чтобы он сумел празднично работать и в обыкновенной, будничной обстановке, чтобы он сумел изо дня в день побеждать одно препятствие за другим, чтобы те препятствия, которые практическая жизнь ставит перед ним ежедневно, ежечасно, чтобы эти препятствия не погашали его подъема, чтобы эти будничные болотные препятствия развивали, укрепляли его напряжение, чтобы в этой повседневной работе он видел конечные цели и никогда не упускал из виду эти конечные цели, за которые борется коммунизм.

Наш партийный штаб, в самом широком смысле слова, в составе которого и вы будете работать, не должен забывать за очередной работой эти конечные цели. И какие бы препятствия он ни встречал на своем пути, он твердо знает, что эти препятствия не сегодня, так завтра будут побеждены. И нужно, чтобы это свое глубокое убеждение в конечную победу коммунизма, чтобы это убеждение он опять-таки на каждодневной практической работе, на частных примерах сумел передавать, внедрять в сознание широких непартийных рабочих и крестьянских масс. Только тогда рабочий и ценит руководителя, да не только рабочий, а и вы цените только такого преподавателя и такого руководителя, который вместе с массами загорается и, загораясь сам, это горение внедряет в сознание той массы, в среде которой он работает. Поэтому, товарищи, для того, чтобы работать в партии, где самая работа является до известной степени подвижничеством, и для того, чтобы находить наслаждение, находить интересы в этой подвижнической работе, надо быть глубоко убежденным в правоте и в красоте тех принципов, за которые мы боремся. Кто же может быть более убежден в этих принципах, в этих идеях, которые преподает марксизм, как не те, которые три года их изучали...

Марксизм и применение его

Быть марксистом это не значит только прочитать или даже изучить Ленина, Маркса, Энгельса и Плеханова. Конечно, для того чтобы марксизм знать, достаточно прочитать этих четырех авторов, и вы будете знать марксизм. Но одно дело — знать марксизм, другое дело — ежедневно, ежечасно при самой разнообразной обстановке, своеобразной, небывалой обстановке, применять этот марксизм. Текстуальное знание марксизма не означает еще, что человек, текстуально знающий Маркса, может к каждому вопросу по-марксистски подойти. Если бы каждому человеку, чтобы быть марксистом, достаточно было ознакомиться или мало-мальски изучить произведения Маркса, Энгельса, Ленина и Плеханова, тогда бы, разумеется, мы марксистов пекли, как блины. Как ни трудно глубоко изучить этих четырех величайших марксистов, все-таки этого с затратой определенного времени достигнуть возможно. Ведь среди нашей коммунистической партии есть ряд работников, которые Маркса текстуально знают... Марксизм — его метод, его понимание

— изучается не только на произведениях вышеперечисленных авторов, но и на историческом ходе событий, он действительно проверяется в практическом деле. Вы только овладели методом марксизма (если овладели: я думаю, еще полностью не овладели), но овладели, как военный, кончающий Академию генерального штаба. Конечно, большей частью главнокомандующие во всем мире выходят из академии, это правильно; но сказать, чтобы каждый окончивший академию был великолепным командующим, — этого сказать нельзя. У нас в революционной армии все командующие — не академики. Что это значит? Марксизм — одна из самых живых наук, а не отвлеченная теория. Когда вы читаете первый том «Капитала» Маркса, вы целиком находитесь в отвлеченности. Так как вы читали, — по крайней мере по обязанности, — первый том «Капитала» Маркса, то вы и переживали это впечатление. Вы находитесь в абстракции и думаете, как эту теорию применить на практическом, живом деле. Эта абстрактная теория есть в то же время самая живая, наиболее изучаемая изо дня в день на практических работах теории.

Марксизм-творчество

Чтобы быть марксистом, надо пропитать теорию жизнью, надо связать повседневную работу с теорией, — быть марксистом — это значит быть творцом.

Что значит быть творцом? Какая разница между ремесленником и творцом? Такая же, как между художником и простым живописцем. Возьмите вы иконы, нарисованные владимирскими или суздальскими живописцами. Все они похожи одна на другую, ни на одной иконе не увидите живого лица... А творец — это другое дело. Он вкладывает свою душу, когда он работает над самым простым делом, хотя бы он плел лапти. Ремесленник может быть величайшим художником, когда он вкладывает душу в это дело. И художник может быть ремесленником, когда он только мажет, когда он души не вкладывает. Так марксизм без вкладывания души, без творчества, без постоянного живого учета всего происходящего будет квазимарксизмом. Если вы то, чему вы научились, будете схоластически прикладывать у вас на местах, по трафарету, тогда вы будете ремесленником ленинизма. Вы массы за собой не увлечете. Вы марксистский метод будете применять неправильно. Марксистский метод применяется правильно, когда, работая с теорией Маркса, мы изучаем то явление, которое перед нами. И то решение, которое мы примем, будет каждый раз новым решением. Если ты сегодня так решил вопрос, то завтра тот же самый вопрос ты будешь решать по-новому, ибо завтра будет новая обстановка. Обстановка непрерывно изменяется. История идет, не стоит на месте, а вечно движется вперед. И марксист вместе с историческим ходом должен постоянно двигаться вперед. Марксист должен уметь точно ориентироваться. Мысль марксиста, как бы ни была проста работа, вечно должна бурлить, изучать, творить. Вы, товарищи, сейчас закончили трехлетнее изучение марксизма. У всех у вас, вполне естественно, самое идеальное настроение — принести максимальные плоды от своей работы. Ибо что может быть большей наградой для человека, как не сознание, что он что-то принес для общества! Нет большей награды! Какие красивые миражи вы бы ни рисовали, большего удовлетворения, чем мысль, что вы полезны, вы не получите. Это сознание полностью удовлетворяет человека.

Молодежь не может еще пройти через тот практический опыт жизни, через политический опыт революционной борьбы, опыт борьбы между классами, опыт владения массами, привлечения масс, — этого опыта нет у нее.

Мне хотелось бы, чтобы это сознание, сознание того, что если хочешь владеть массами, так нужно гореть, если ты подошел к аудитории и ты сам не волнуешься, тебе самому хочется спать, несомненно, и аудитория будет соответствовать твоему настроению. Прямо вам скажу, нет ничего более чувствительного, это самый чувствительный барометр — аудитория. Вы можете самым заплетающимся языком говорить с трибуны, но, если вы

волнуетесь, если вопросы, которые вы подняли, имеют значение, если вы на трибуне решаете вопрос, масса будет увлечена вместе с вами. О чем это говорит? Это говорит о том, что для того, чтобы вести за собой массу, надо вместе с массой гореть.

О работе среди масс

И, наконец, товарищи, еще в заключение одно маленькое наизидание. Вы, несомненно, сейчас являетесь и будете являться культурной силой на местах.

Наш Союз сейчас велик, наша партия теперь начинает переваливать за миллион, в этой миллионной партии, как и во всей нашей стране, еще очень слаба культура, — и вот, когда будете работать, никогда не следует перед массами кичиться своей культурностью.

Никогда. В этом отношении масса очень чутка. С массой можно говорить только тогда, когда говоришь открыто, прямо, подразумевая, что это одинаково с вами здравомыслящие люди, могущие так же умно решать вопрос, как сам докладчик и автор.

Вот те несколько слов, которые в прощальный день вашей учебной жизни я нашел необходимым высказать...

Борьба за нового человека

Речь на торжественном заседании, посвященном десятилетнему юбилею комсомола.
28 октября 1928 г.

Десять лет прошло с момента возникновения комсомола. За это время комсомольская организация успела собрать в своих рядах 2 миллиона человек — молодых рабочих и крестьян. Это означает, что комсомол имеет возможность непосредственно влиять, поднимать и направлять во имя какой-либо определенной цели, на какое-либо конкретное дело 2-миллионную армию. Это очень большая возможность. Благодаря этому те целевые установки, которые время выдвигает перед нами, мы в состоянии осуществить с гораздо большей легкостью, чем если бы не было такой организации. Какие в данный момент наиболее актуальные задачи стоят перед вами и на что особенно должно быть обращено внимание миллионов масс комсомольцев? Мне кажется, что теперь более чем когда-либо перед нами стоит задача формирования нового человека. Ведь старые поколения росли при совершенно иных материальных и политических условиях, при иных возможностях массовой организации, массового влияния и общественного воспитания. Раньше основной установкой воспитания революционной молодежи было воспитание гражданского мужества, воспитание политического борца, преданного до мозга костей пролетариату и трудящимся, воспитание ненависти к буржуазному строю, чтобы человек был готов в любую минуту на самопожертвование в борьбе против этого строя.

Можем ли мы сейчас ограничиться такой установкой?

Можем ли мы сейчас ограничиться только этими задачами? Ни в коем случае! Если тогда воспитание направлялось на отрицание буржуазного мира, на подготовку непосредственных борцов, стремящихся к разрушению этого мира, то в настоящее время перед нами стоит задача построения социалистического общества. Поэтому теперь изучить Маркса, изучить Ленина — это будет лишь одной частью работы, выпадающей на долю комсомольцев.

Ныне комсомолец должен знать не только марксизм-ленинизм. Он должен знать, кроме того, ряд отраслей деятельности человека, чтобы можно было выступить непосредственным строителем социалистического общества. Разумеется, что во всех своих действиях, во всех областях работы комсомолец должен руководствоваться марксизмом-ленинизмом. Сейчас, товарищи, для положительного участия в социалистическом строительстве далеко не достаточно просто критиковать, вообще

бороться с отрицательными сторонами существующих условий, — этого нам мало. Отсюда: вся установка комсомольской организации в области формирования нового человека должна быть рассчитана не только на усвоение марксизма-ленинизма, но и на распространение тех положительных знаний, которые необходимы в жизни для того, чтобы закрепить социализм практической работой.

Комсомольцы должны знать не только марксизм-ленинизм. Кроме этого, они должны выдвигать и инженеров, и техников, и агрономов, и литераторов, и живописцев, — одним словом, не должно остаться ни одной отрасли, которую бы комсомол не охватил, ибо, если хоть какая-нибудь отрасль деятельности выпадет из нашего поля зрения, значит в какой-то части люди будут не удовлетворены.

Значит, первая задача, которая стоит перед комсомолом, это — воспитание уважения к положительным, практическим знаниям. Это я считаю одной из коренных задач, стоящих перед комсомольской организацией.

Прежде мы вовсе не обязаны были заботиться об увеличении производительности труда, о расширении производства, — об этом достаточно «заботился» капиталистический мир. А теперь, если мы не будем заботиться о производительности труда, о качестве, если мы не будем заботиться о распространении уважения к труду, — то кто же будет заботиться, если сами строители нового общества не позаботятся об этом? Я считаю, что перед вами в первую голову стоит задача развития, или, вернее, задача пропаганды и агитации среди комсомольских масс уважения к знаниям, к труду, чтобы развить стремление к полезным знаниям.

Вместе с тем важной вашей задачей является развитие уважения к трудящимся, к человеку, который трудится. Десять лет растет комсомольская организация, одиннадцать лет существует советская власть, а я вас спрашиваю: что у нас за эти десять лет в значительной степени выросло уважение к простому физическому труду? Я вам прямо скажу: немного выросло, на куриный, на воробьиный шаг увеличилось уважение в Советском Союзе к физическому труду. У нас за это время я не видел ни одной пьесы, которая воспевала бы физический труд. За эти десять лет я не встретил ни одного замечательного стихотворения, которое было бы насыщено трудовым пафосом, опозитизировало бы физический труд. Я считаю, что в этом отношении мало поработал комсомол, что он слишком слабо толкал формирование комсомольской морали в пролетарском духе, а уважение к физическому труду есть один из сильнейших устоев пролетарской морали.

Вот почему перед комсомольской организацией, располагающей огромной армией, стоит задача со своей стороны способствовать развитию этой стороны пролетарской морали. Есть ведь и буржуазная мораль. И вот мы теперь иногда, чуть немного человек заикнется о каких-либо определенных нормах общественной нравственности, сейчас же осаживаем его: не морализуй, мораль, это — буржуазный признак. Это — ошибка. У нас есть пролетарская мораль, и мы должны развивать, укреплять ее и на этой пролетарской морали воспитывать будущее поколение. Наша мораль заключается в том, что все, что способствует укреплению рабочего класса, его боевой мощи, развитию социалистического строительства, — все это, безусловно, обязательно для комсомольца и партийца, все это он должен делать, все это является его моральным долгом.

Развитие внутри комсомола духа коллективности, прививка человеку коллективистских качеств, это — один из необходимейших факторов воспитания комсомольской организации. Надо прямо сказать, что это — одна из труднейших практических проблем, стоящих перед всеми нами, ибо это значит заставить миллионные массы людей совершенно переродиться. Но трудно — не значит непреодолимо. И если, начиная с комсомольской организации, человек в своей практической работе будет срабатываться с другими людьми, будет одолевать индивидуалистические черты, то несомненно, что у него коллективные навыки, умение совместно жить и работать с другими, умение координировать свои поступки с интересами других разовьются в довольно значительную

сумму характерных особенностей нового человека — члена социалистического общества. Общественный человек не стоит на месте, он живет и развивается. Его характер, привычки и знания — все это не более как накопленный опыт предыдущих поколений, накопленный общественный опыт. И если мы хотим двигать вперед человека, развивать его более ускоренным темпом, так, разумеется, в первую очередь мы должны развивать те характерные черты человека, которые особенно выгодны рабочему классу, которые выгодны в социалистическом строительстве для социалистического общества. Вот в этой области, мне кажется, еще непочатый край работы. Затем мне хотелось бы еще на одну сторону вопроса обратить ваше внимание. Молодежь — это великолепный, самый подвижной отряд человечества. Ведь не случайно же, что во всех революционных выступлениях застрельщиками является молодежь. Возьмите картины всех баррикадных боев, и вы увидите, что на боевых постах всегда впереди молодежь. Почему это происходит? Да потому, что молодежь острее всех воспринимает несправедливость старого мира, потому, что у молодежи много физических сил, они переливают через край. Молодежь отважна и смела; она не боится смерти. Старики рисковать жизнью не всегда решаются: они больше берегут свою жизнь. Но это, по-моему, является не только заслугой молодежи, а и следствием ее особых физиологических свойств. Молодежь является прекрасной частью человечества, и эти качества и свойства молодежи надо беречь, культивировать и развивать. У меня сейчас нет возможности останавливаться, показывать на практических примерах, как это следует делать. Я думаю, что сама комсомольская организация, ее руководители могут найти и способы и возможности для развития этих замечательных черт у молодежи.

Наконец, попутно мне хотелось бы обратить внимание, между прочим, я это выполняю по просьбе, так сказать, женотдела, и я в этом вопросе целиком солидаризируюсь с ним и с удовольствием это поручение выполняю) на бытовой вопрос. У нас очень многие, в особенности среди молодежи, любят говорить о новом быте, рисуя его в совершенно извращенном виде. В особенности этот новый быт извращенным проявляется в отношении к девушке: «новый быт», «свобода», «долгой все условности» и т. д. и т. п. То, что человек, предположим, на протяжении 10 лет раз 6—7 женится, разве это допустимо в новом обществе?

Теперь, когда мы ведем против этого борьбу и устанавливаем действительно свободные отношения, означает ли это, что в отношениях между мужчиной и женщиной не должно быть ответственности? Разве мы не видим, разве мы не знаем, что девушка, разочарованная в молодом парне, по крайней мере, год или два является опустошенным, разбитым человеком?

Пролетарский быт требует, чтобы вы взвешивали каждый свой поступок и отдавали себе отчет, не будет ли этот поступок петлей, мертвой петлей близкому вам человеку. Тот, кто об этом не думает, делает непролетарское дело и, безусловно, вредит развитию рабочего комсомольского движения, вредит построению социализма. В этом отношении, в деле оздоровления этой стороны быта, в установлении действительно человеческих отношений между полами, комсомольская организация многое может сделать и должна сделать.

Я только в самых общих чертах поставил перед вами то, что у меня бродит в голове, — то, что мне кажется еще самому не очень ясным в конкретных формах. Но для меня несомненно, что наши комсомольские организации несут огромную (и не могут не нести) ответственность, ибо они объединяют в своих рядах два миллиона человек. И если вы при поддержке партии эти два миллиона человек не сумеете воспитать политически, вырастить в том направлении, в каком это выгодно для укрепления социализма, — это будет значить, что вы не справились с огромным историческим назначением вашей организации.

Но я думаю, что комсомольская организация, находясь под руководством коммунистической партии, находясь с ней в самом тесном общении, черпая у нее опыт, накопленный десятками лет, заряжаясь коммунистическим мировоззрением, или, вернее,

беря как метод подхода к каждому вопросу коммунистический метод, — я думаю, что при таких условиях комсомольская организация решит эти задачи положительно. За 10 лет комсомол вырос количественно. Несомненно, за эти десять лет вы сделали значительные завоевания я в области качества. Поэтому я думаю, что наша все большая и большая организованность, все более раскрывающаяся конкретность тех задач, которые стоят перед нами, — все это, я думаю, дает возможность комсомольской организации справиться с трудными задачами по формированию нового человека, который должен быть не только бойцом, но и строителем нового, социалистического общества.

СССР - страна дружбы народов

(Из книги «Что дала советская власть трудящимся»)

Великая Октябрьская социалистическая революция разбила кандалы, сковывавшие силы всех народов царской России. Трудящиеся создали свое социалистическое многонациональное государство — Союз Советских Социалистических Республик не путем насилия и угнетения народов, а путем добровольного объединения.

К двадцатилетию существования советской власти мы имеем расцвет хозяйства и культуры буквально всех народов Советского Союза. Ведь еще так недавно беднейшее крестьянство Средней Азии, Закавказья, Дагестана, Чечено-Ингушетии и др. обрабатывало свою землю примитивными орудиями, сохранившимися с незапамятных времен. При всем напряжении и огромной затрате человеческих сил эта примитивная обработка давала минимальный результат, три четверти которого отбиралось вымогателями.

Октябрьская социалистическая революция пробудила народы Союза к исключительному творчеству. Кажется, что с победой рабочего класса и крестьянства веками скованная народная энергия прорвалась с гигантской силой. Можно было бы написать сотни книг о творчестве каждого народа.

Взглянем на сельское хозяйство в прошлом, на те поля и на ту безучастную обработку, когда человек был как бы прикован невидимыми цепями к своим неблагоприятным полям. Сейчас эти поля и работники на них совершенно преобразились. На хлопковых и зерновых полях слышен ритмический гул тракторов; примитивнейшее орудие труда — амач можно встретить, пожалуй, только в музеях. Участки земли, обложенные глиняным бордюром и расположенные в стихийном беспорядке, не радовали глаз народа, а сейчас — правильно распланированные, по величине своей соответствующие агрономическим интересам — представляют красивейшее зрелище. Но самое красивое — это народ, который работает на этих полях. Веселость в лицах, уверенность в движениях, интеллигентность, молодость не только в годах, айв сознании народа — картина, достойная кисти художника.

Тяжелая земля, которая была вечной мучительницей многих поколений народов, сделалась источником радости, источником счастья, источником прекрасной жизни ее колхозных тружеников. Не утруждая большими цифрами, я хочу только сказать, что производство хлопка-сырца в 1913 г. составляло 7,4 миллиона центнеров, а в 1936 г. — около 24 миллионов центнеров. Отдельные колхозы, где творческий энтузиазм сочетается с высокой техникой и сельскохозяйственным опытом, достигают не только небывалых ранее успехов, но успехов, которым удивляемся и мы. Только подумать: с одного гектара получаешь сто центнеров хлопка! На хлопковых ветвях одного гектара держится 600 пудов хлопка-сырца! Это ли не доказательство того, что, наконец-то, угнетенный ранее народ обрел свое счастье!

Во всех республиках, во всех национальных областях развилась промышленность, создаются фабрики и заводы, где с помощью русских инженеров, техников и опытных рабочих выращиваются национальные кадры рабочих и технической интеллигенции.

Особенно радостно отметить, что к станкам этих фабрик и заводов встают тысячи женщин-националок, которые только двадцать лет тому назад были еще буквально рабынями — и как труженицы и как женщины.

Велико и многогранно творчество народов СССР. В науке, технике, искусствах — всюду небывалый расцвет культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. Творчество народов СССР особенно ярко проявилось в народной песне, в создании огромного количества народных хоров, оркестров, самодеятельных театральных кружков. Почти все национальные республики имеют свои государственные театры. Я не буду подробно говорить об Украине. Ее культура прошла примерно такой же путь, как и культура русского народа. Украинский народ претерпел многое, боролся вместе с русским народом против самодержавия, вместе с русским народом переносил поражения и одерживал победы.

То же самое надо сказать и о грузинском народе, плечом к плечу с русским народом боровшемся против царизма, помещиков и капиталистов. Грузинский пролетариат занимает почетное место в русском революционном рабочем движении. Грузинская культура находится на уровне культуры передовых европейских стран. Советский строй обогатил эту культуру новым социалистическим содержанием, что подняло ее на еще большую высоту.

В песнях, постановках национальных театров Казахстана, Узбекистана, Армении и др., в музыке, в народном творчестве народы, как бы вырвавшиеся из темного каземата в лучи яркого солнца свободной страны, с огромной силой проявляют свои таланты, воспевая радость свободной жизни. Мы считаем, что за пределами Советского Союза даже наиболее передовые люди не оценили всей глубины этого величайшего процесса — создания братства народов. А ведь это происходит впервые в мире. Мы не знаем в истории ни одного государства, где бы так, как в Советском Союзе, было развито братство и дружество между национальностями. И что удивительно: двадцать лет тому назад было недоверие ко всему русскому, а сейчас народы Советского Союза с жадностью используют опыт русских товарищей, русское искусство, науку, технику.

В противовес фашизму, разжигающему межнациональную ненависть, между народами Советского Союза происходит соревнование. Каждая национальность стремится занять первое место по урожайности, по производительности труда, по эффективности работы на фабриках и заводах.

Каждый национальный театр хочет выдвинуться на передовое место и показать свои преимущества перед другими театрами. Национальные спортивные команды хотят быть первыми по футболу, теннису и т. д.

Но это ничего общего не имеет с буржуазной конкуренцией. Это соревнование не отчуждает, а роднит, не разъединяет, а сплавливает, не разрушает, а цементирует народы Советского Союза. Каждый народ хочет занять почетное место в социалистическом строительстве СССР. Каждый рабочий и крестьянин Узбекистана скажет, что он гражданин не только Узбекистана, но с величайшим восторгом говорит, что он гражданин Советского Союза, столицей которого является Москва.

1937

Об овладении марксизмом-ленинизмом работниками искусств

Товарищи, здесь должны были собраться, как мне говорили, работники театра — артисты, но аудитория оказалась гораздо шире: здесь работники всех искусств. Все-таки я начну с театра. Это самое близкое к литературе искусство. Лучшие произведения великих и талантливых писателей часто сливаются с театром. Вспомните, например, Шекспира, Гете, Пушкина, Грибоедова, Островского и других писателей. Театральное искусство и литература имеют очень много общего. Во многих случаях театр не только дополняет

литературное произведение, но и дает более яркое выражение его идеям, делая их более доступными, более доходчивыми до масс, что способствует даже лучшему пониманию данного произведения.

Русская художественная литература много сделала для развития общечеловеческой мысли и занимает в ней почетное место. Пушкин, Толстой, Горький — это огромные художники, великие писатели мира, и вместе с тем они действительно русские писатели, отражавшие свою эпоху и черты русского народа.

Параллельно с ростом русской литературы и ее значения выросал русский театр и его роль в развитии нашего народа. Уже произведения Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Островского прочно поставили на ноги наш театр, благодаря столь блестящим критикам, как Белинский и Добролюбов, которые пристально наблюдали за развитием театра, за художественным творчеством артистов. Вспомните, как высоко ценил Белинский игру Мочалова, сколько блестящих страниц он посвятил его художественному творчеству! Вообще наши театральные работники имеют славные традиции. Укажу просто по памяти имена, которые запечатлены в головах культурных людей СССР, например: Волков, упомянутый уже Мочалов, Щепкин, Савина Мария Гавриловна, семья Садовских и т. д. Уже один тот факт, что культурные люди целое столетие помнят эти имена, лучше всего говорит о важности и ценности театра в культурной жизни народа.

Оперные и балетные театры были дальше от народа: Мариинский — в Петербурге и Большой — в Москве опекались царским двором. Значит, как культурно-музыкальные очаги для народа, они исключались. Частная, провинциальная опера была слаба, а места в ней — дороги. Поэтому и артистов, в полном смысле народных, в театрах оперы и балета не было.

Но все же, несмотря на гнет сверху и предпринимательскую спекуляцию в частных театрах, музыкальное искусство имеет у нас ряд блестящих композиторов и музыкантов. Возьмите, например, Глинку, Даргомыжского, Балакирева, Бородина, Римского-Корсакова и, особенно, Мусоргского, про которого известный русский искусствовед и критик Стасов говорил, что он «принадлежит к числу тех людей, которым потомство ставит монументы».

Русское изобразительное искусство, в свою очередь, упорно и настойчиво развивалось под спудом царского самодержавия и буржуазно-помещичьего гнета. Укажу такие имена, как Венецианов, Федотов, Крамской и, особенно, Перов и Репин. Это — замечательные мастера, которыми справедливо гордится русский народ.

Вы ищете путей, как лучше служить народу. И правильно поступаете, обращаясь в поисках этих путей к изучению марксизма-ленинизма. Но имейте в виду, что изучение марксизма-ленинизма не освобождает, а, — напротив, — обязывает хорошо знать свое профессиональное дело, обязывает быть мастером высокого стиля.

Посмотрите, как в прошлом служила народу русская художественная мысль: литература, театр, живопись и т. д. — все так называемые «пластические» и «мусические» искусства. В чем была тогда сила искусства? — Она заключалась в том, что крупные художники направляли свой талант, свое мастерство к тому, чтобы по своему разумению выразить чаяния народа. И они достигали в этом значительных успехов, ибо в свое время они были передовыми людьми русского общества. Это легко проследить хотя бы по истории русской литературы.

Вот, например, Тургенев — один из крупнейших писателей. Существует распространенное мнение, что это — первоклассный мастер художественной формы. Но если мы обратимся к анализу его произведений, то узрим в них и социальное содержание. Возьмите «Записки охотника»: здесь в яркой, действительно художественной форме, словно в живописи, представлены на лоне природы живые образы простых людей, преимущественно крестьян. Что может быть безобиднее, аполитичнее этих тургеневских персонажей? Однако лучшие критики того времени, для которых защита обездоленных была решающим критерием в оценке литературного произведения, встретили «Записки

охотника» с восторгом, находя в них соответствующее их убеждению содержание. В «Записках охотника» представлены крепостные со всеми человеческими переживаниями, присущими и так называемым «культурным» людям. В крепостном крестьянине Тургенев показал человека, который так же, как и все люди, достоин иметь человеческие права. Правда, об этих правах писатель не говорил, но они напрашивались сами собою, они возбуждали мысль у читателя, что, разумеется, в тогдашних условиях производило политическое действие: вызывало негодование крепостников, ободряло и укрепляло прогрессивные силы. Поэтому не удивительно, что почти каждая вновь вышедшая книга Тургенева вызвала острую борьбу, различную оценку борющихся литературных групп. Достаточно напомнить о его романе «Отцы и дети».

Все это говорит о том, что творчество Тургенева имело не только художественное, но и общественно-политическое значение, которое, как мне кажется, и придавало действительно художественный блеск его произведениям. Если изъять общественно-политическое содержание из произведений Тургенева, то они не заняли бы столь почетного места в истории русской литературы. Можно с уверенностью сказать, что Тургенев искал прогрессивные явления в русском обществе и стремился художественно их отобразить. В этом отношении он много сделал для развития русской общественной мысли, хотя сам и далеко стоял от действительных борцов с самодержавием, с рабовладельчеством, с режимом Николая I, которого народ недаром прозвал Николаем Палкиным, и с режимом Александра II.

Тургенев далеко стоял от Герцена, Чернышевского и Добролюбова. Люди типа Базарова не пользовались его симпатией. Но художественная правдивость влекла Тургенева к воссозданию реальных типов существовавшей действительности. Наиболее ярко и полно его художественный талант мог проявиться только в отображении этой действительности. А вот еще один из крупнейших писателей — Чехов. Известно, что это неподражаемый мастер русского слова. Он как бы от избытка, совершенно непрочно показывал образы (типы), встречавшиеся ему на каждом шагу в повседневной жизни. И кто может заподозрить его в политической тенденциозности?

Но Чехов не видел положительных сторон и веселых сцен в жизни народа. Он рисовал в целом убийственную картину русского мещанства и чиновничества с их косностью, тупостью и черствостью. Он живописно и метко изображал политический гнет, ограбление крестьян помещиками и кулаками, безысходность крестьянства при царизме и капитализме. Несмотря на исключительную скупость в словах, несмотря на отсутствие внешних проявлений чувств к своим героям, он так покоряет читателя, так воздействует на него, что тот сам делает необходимый вывод. Надо полагать, что художественные восприятия Чехова заставляли его думать и о средствах избавления людей от существовавшего гнета. Но, оставаясь в плену буржуазного мировоззрения, он не видел истинных путей борьбы со старым миром. В этом отношении характерно его письмо Суворину от 25 ноября 1892 г. «Вспомните,— писал Чехов,— что писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими, и которые пьют нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и Вас зовут туда же и Вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель, как у тени отца Гамлета, которая недаром приходила и тревожила воображение. У одних, смотря по калибру, цели ближайши́е — крепостное право, освобождение родины, политика, красота или просто водка, как у Дениса Давыдова, у других цели отдаленные — бог, загробная жизнь, счастье человечества и т. п. Лучшие из них реальны и живут жизнь такую, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели, Вы кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет Вас. А мы? Мы! Мы пишем жизнь такую, какая она есть, а дальше — ни тпру ни ну... Дальше хоть плетями нас стегайте. У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе хоть шаром покати».

Как видите, огромный художник считал основной причиной своей творческой

ограниченности отсутствие «ближайших» и «отдаленных» целей. Истинной же целью «писания жизни» в его время мог быть только социализм. И так как эта цель была ему недоступна, то он довольствовался критикой существующего общества, чем как бы подготавливал почву для пролетарских писателей.

Максим Горький первый в романе «Мать» дал художественные образы революционеров из рабочего класса и тем самым положил начало пролетарской художественной литературе, знающей свои «ближайшие» и «отдаленные» цели и печерпающей в них свою силу.

Товарищи, я напомнил вам о Тургеневе и Чехове лишь потому, что, по издавна распространенному мнению, они не приносили в жертву тенденции художественную форму своих произведений. «Точно и сильно воспроизвести истину, реальность жизни, — говорил Тургенев, — есть величайшее счастье для литератора, даже если эта истина не совпадает с его собственными симпатиями». И вот реальная жизнь, воспроизведенная настоящим художником, сама создавала тенденцию и разжигала политические страсти в обществе.

Наша художественная литература в прошлом была наполнена глубоким социальным содержанием. И это делало нашу литературу народной. Она захватывала, развивала, толкала людей на революционные действия. Эта литература показывала отрицательные стороны существующего буржуазно-помещичьего мира и занималась вопросом о том, как улучшить жизнь угнетенных людей, страдающих, бедноты.

С этой стороны наша литература имеет, пожалуй, специфические русские качества. Конечно, к этому были особые причины, но сейчас мы о них не говорим, только оттеняем эти качества, которые заметил еще Энгельс. В одном из своих писем он указывал: «Современные русские и норвежские писатели, которые пишут превосходные романы, все сплошь тенденциозны».

С полным основанием то же самое можно сказать о нашей музыке, живописи и т. д. Позвольте снова напомнить вам о Мусоргском, которого я уже называл в качестве примера. Он создал множество композиций на темы из крестьянской жизни: «Калистрат», «Спи, усни, крестьянский сын», «Колыбельная Еремушки», отдельные сцены в «Хованщине», «Борисе Годунове» и др. В этих композициях прямо оживают тяжелые картины безотрадной жизни крепостных крестьян.

В живописи в параллель с Мусоргским можно поставить замечательного народного художника Перова, которого я также называл в качестве примера. Крестьянские типы и сцены принадлежат к разряду лучших его произведений: «Приезд станового на следствие», «Сцены у железной дороги», «Проводы покойника» и др. Перов создал очень много ярких картин антицерковного характера. Все это говорит о том, что Перов был живописец народа, отдавший острому чувству ягодования и боли за его невыносимые тягости и приниженность.

Значит, наша художественная литература, музыка, живопись, театр и вообще наша художественная мысль в лице лучших представителей никогда не забывала свою служебную роль по отношению к народу.

И все же, за немногими исключениями, она выражала идеи господствующих классов, оставалась в пределах их мировоззрения, выступая только против крайностей старого мира. Народность основной струи художественной мысли состояла в развитии прогрессивных элементов в господствующих классах, что не могло не вести хотя бы отчасти к развитию народа.

«В каждую эпоху, — говорили Маркс и Энгельс, — мысли господствующего класса суть господствующие мысли, т. е. тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила». Это значит, что в каждую эпоху господствующий класс господствует не только материально, но и духовно, т. е. господствуют и мысли этого класса.

Вспомните Гоголя: как он клеймил крепостное, помещичье общество! Вряд ли найдется в

мире человек, который сумел бы представить в столь неприглядном виде общество, в котором он жил. Однако Гоголь остался верным сыном своего класса.

Чехов, как я сказал, величайший мастер слова, уничтожающий критик буржуазно-помещичьего общества, в котором он жил. Однако и Чехов не выскочил из пределов буржуазного мировоззрения. Товарищи, у нас руководящим, ведущим и в этом смысле господствующим классом является рабочий класс, который в братском союзе с колхозным крестьянством строит бесклассовое социалистическое общество, коммунизм.

Материальные богатства Советского Союза принадлежат рабочему классу и колхозному крестьянству, т. е. всему народу. Отсюда — вполне естественный вывод: если советская интеллигенция хочет занять то место, которое передовая интеллигенция занимала в прошлом, т. е. идти впереди по пути прогресса, если она хочет занять руководящее место в строительстве социализма, если она хочет формировать и двигать вперед человеческую мысль, то она должна овладеть марксизмом-ленинизмом — мировоззрением рабочего класса.

Товарищи, ведь социализм мы строим практически только в первый раз. Еще нигде, никогда и никто его не строил. Были утопии, фантазии о построении социалистического общества. Таких фантазий было значительное количество. Но на базе научного социализма мы строим социализм все-таки первые. И, разумеется, каждый шаг нашего движения вперед требует огромной работы человеческой мысли.

Вы хорошо знаете историю старой России. Если надо было реформировать какое-нибудь ведомство, то посылали людей за границу, там они брали образец, привозили в Россию и здесь осторожно его применяли, чтобы не заразиться либерализмом. Даже великий преобразователь Петр I значительную часть своих новшеств взял из-за границы.

А нам, увы... ехать некуда. (Бурные аплодисменты, смех.)

Было время, когда мы, рабочие, члены подпольной марксистской партии, учились классово-борьбе у западноевропейских рабочих, политическое развитие и организация которых для нас была идеалом. Было время, когда лично я мечтал: может быть, когда-нибудь и я буду членом российского парламента от рабочей партии. Так я думал. Это, конечно, была фантазия... (Смех). А теперь вы видите—моя фантазия более чем оправдалась. Мы все сделали строителями социализма. Это такой скачок, равного которому в истории не было. Может быть, кто-нибудь из вас лучше знает историю и найдет в ней хоть какое-нибудь подобие этому скачку? (Смех, аплодисменты.)

Итак, мы являемся первыми строителями социализма. История предоставила нам такую честь. Подумайте только — что это значит! Пройдет тысяча лет, человечество будет изучать историю социализма, при этом оно будет восхищаться и удивляться, что столь простые люди были первыми строителями социализма. Это — величайший почет. Правда, через тысячу лет этот почет вряд ли | будет на нас особенно действовать... (Смех.) Но эта мысль о том, что нас когда-то будут вспоминать за великий исторический подвиг в интересах всего человечества, эта мысль не может не вдохновлять и не воодушевлять нас теперь. (Аплодисменты.) А вы, как работники искусства, лучше всего это чувствуете и знаете.

И вот для того, чтобы двигать мысль вперед, чтобы полностью претворить в жизнь идеалы социализма, — для этого надо овладеть теорией марксизма-ленинизма. Нельзя двигать вперед человеческую мысль, нельзя двигать вперед социалистическую организацию общества, нельзя двигать вперед социалистическое строительство, если люди не овладеют в совершенстве этой революционной теорией, теорией самого передового и прогрессивного класса, призванного историей перевернуть весь мир, очистить его от всякой эксплуатации и кабалы, создать достойную человека обстановку и условия жизни. Вот, товарищи, откуда исходит необходимость изучения теории марксизма-ленинизма. Передо мною работники искусства — один из значительных отрядов советской интеллигенции. Прежняя интеллигенция мнила себя солью земли. Советская интеллигенция действительно становится солью земли, она уже занимает такое место в

нашей общественной жизни, какого не занимала интеллигенция никогда в истории и не занимает теперь ни в одном капиталистическом государстве. (Аплодисменты.) Вот, товарищи, из чего исходит необходимость изучения марксистско-ленинской теории советской интеллигенцией. В особенности это относится к работникам искусств решительно всех областей.

Я уже сказал, что некогда я мечтал о таких временах, когда я буду членом российского парламента от рабочей партии. Это была моя романтика. А у вас разве нет романтики? Разве вы не хотите сделаться активными общественными деятелями, приносящими максимальную пользу Советскому государству? Разве вы не стремитесь двигать вперед социалистическое строительство, социалистическую мысль? Разве у каждого из вас эта идея не сверлит в голове? (Аплодисменты.)

Но могут совершенно справедливо задать вопрос: а как практически осуществить эту животворящую идею? Вы здесь все — работники искусств, и вам надо особенно хорошо знать, в чем должно проявиться и как практически должно претвориться в жизнь служение народу.

Наиболее эффективное служение народу, мне кажется, может быть лишь на базе овладения хотя бы в общих чертах теорией марксизма-ленинизма и — что гораздо труднее — при умении применять ее в своей практической работе. Дело в том, что работа всякого художника в нашу эпоху должна базироваться на социалистическом реализме. Об этом теперь очень много говорят, это стало как бы требованием времени. Возьмите, например, артиста: если он крепко стоит на базе социалистического реализма, то его успех даже при среднем таланте можно считать обеспеченным. Но стать сознательным социалистическим реалистом невозможно без овладения марксизмом-ленинизмом. Что же такое социалистический реализм? Я знаю, что этот вопрос существует у вас и вы, наверное, уже приготовились сказать мне: «Объясните толком, формулируйте конкретно, в чем заключается социалистический реализм. Мы у себя часто говорим на эту тему, а конкретно еще не договорились». — Верно это или нет? Мне кажется, что верно. Вот я и попробую поделиться с вами своим пониманием социалистического реализма. Я скажу вам, как лично я понимаю социалистический реализм.

Мне кажется, что форма в искусстве является внешним материальным проявлением человеческих идей и чувств. Переживания же и мысли общественного человека всегда определяются социальными условиями. Например, очень легко подметить мысли и переживания безработного, голодного человека. Можно не сомневаться, что у него преобладает гнев и ненависть к пресыщенным, мысль об уничтожении безработицы. Миллионы таких людей накладывают свой отпечаток на всю жизнь капиталистического общества: на улицу, на внешний облик городов и сел, на лица людей. Там не может иметь массового успеха задорная, постоянно повторяемая у нас и каждый раз как бы впервые звучащая песня «Широка страна моя родная».

Белинский прав, говоря: «Искусство без мысли, что человек без души — труп...». И в самом деле, представим себе художника, задавшегося целью зарисовать типы, ну, хотя бы американских безработных и людей, живущих только заработной платой. Может ли у него получиться художественное произведение, если ему чужды интересы, переживания, горести и радости этих людей? В лучшем случае получится технически хорошо выполненный портрет, фотографическая похожесть на оригинал.

Отсюда вывод: люди, стоящие на точке зрения формализма, или преследуют политические цели — скрывают социальные недуги, страдания трудящихся, как это делается в капиталистических странах защитниками капиталистической системы, или же они занимаются пустопорожним техническим упражнением, перебиранием четок в руках. Только художник, который проникся полным пониманием всех переживаний и мыслей своего героя, который видит и чувствует безнадежность во взгляде безработного, который читает в глазах работающего страх потерять работу, — только такой художник найдет, и притом как бы произвольно, яркие слова, выразительные жесты, мимику, интонации,

краски и мелодии для создания действительно реалистического образа.

Создание формы требует от художника огромной работы мысли, напряженных переживаний и очень больших знаний. Значит, и форма находится в конечном счете в зависимости от социальных отношений, от классовой борьбы. Сильное влияние русской художественной литературы и искусства в прежние времена может быть объяснено только их глубоким социальным содержанием и реалистическим направлением.

Определение реализма дано еще Белинским, вероятно, около ста лет тому назад. Реализм — это единство формы и содержания, когда дается не только правдивое внешнее описание, но и глубоко верно передается внутреннее содержание явления.

Школа Белинского — это почетная школа. Она проделала огромную работу по просвещению наших мастеров и далеко вперед двинула наше искусство и литературу. Единство содержания и формы входит, конечно, и в социалистический реализм. Но есть разница между социалистическим реализмом и прежним, досоциалистическим реализмом. Например, самые яркие художники-реалисты капиталистического общества не вышли из пределов этого общества, что наглядно подтверждает письмо Чехова к Суворину. Мы живем в социалистическом обществе. Поэтому у нас художник-реалист поставлен в принципиально иное положение как к самому обществу, так и к своим героям-типам. В прошлом столетии русские писатели старательно искали положительные типы в русской жизни. Достаточно напомнить Чацкого в «Горе от ума» Грибоедова, Онегина в поэме Пушкина, Печорина в «Герое нашего времени» Лермонтова, Инсарова в «Накануне» и Базарова в «Отцах и детях» Тургенева. Все это — крупнейшие произведения художественной литературы. Но их художественная ценность была велика именно потому, что они показывали отрицательные типы, а героев, которых бы народ признал за образец, не вышло. Все они — «лишние люди».

Были ли в тогдашней жизни люди, которые могли являться такими героями? Мне кажется, что были. Это — декабристы, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Герцен.

Очевидно, дворянская художественная литература не могла их поднять, с одной стороны, по цензурным условиям, а с другой — и это самое главное — по своим идейно-политическим воззрениям. Она не могла возвыситься до уровня этих борцов за народное дело в силу своей социальной обусловленности. После Тургенева уже нет таких поисков в литературе. Русская буржуазия, не успев расцвести политически и культурно, уже трепетала перед революцией больше, чем перед реакцией. Это резко сказалось в искусстве и литературе в виде распространения натурализма, формализма, символизма, импрессионизма и т. д. Одним словом, пошло всякое декадентство.

С появлением Горького художественная литература снова приобрела боевое общественное значение, в особенности в связи с выходом в свет его романа «Мать». Но теперь уже героями выступили рабочие. Этим как бы фиксировался тот факт, что борьба за все прогрессивное перешла к рабочему классу.

Советскому художнику не приходится утруждать себя поисками положительных типов и героев — таких людей у нас миллионы. Недаром в уставе Союза советских писателей сказано:

«Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии».

Примером такой работы в известной степени может служить роман Малышкина «Люди из захолустья». Здесь удивительно конкретно, в соответствии с жизненной правдой, показан рост людей из маленьких городов захолустья на больших стройках. У нас этот рост идет повсюду и во всех сферах человеческой деятельности.

Разве не бросается в глаза, например, рост социалистической государственности и советского патриотизма в нашей стране по сравнению с дореволюционным временем, по сравнению с любой капиталистической страной? Ну, где, в какой стране, в какой исторический момент (может быть, только в 1812 году, в связи с нашествием на Россию

полчищ Наполеона) народ был так глубоко проникнут духом патриотизма, как у нас в эпоху советской власти?

В настоящий момент подавляющая масса населения СССР в своей повседневной жизни занята мыслью о строительстве социалистического общества. Частные интересы советских граждан все больше связываются, и притом вполне сознательно, с интересами социалистического государства. А благодаря этому растет и чувство патриотизма к социалистической родине, которое проявляется в самых различных формах.

Вы, как художники, великолепно понимаете, что у нас сейчас интересы социалистического государства, интересы социалистического общества занимают в голове каждого человека в десять, сто раз большее место, чем, предположим, не только в старой России, но и в любом современном капиталистическом государстве. Там люди меньше заняты общественными интересами. А мы больше этим заняты. Значит, если можно так выразиться, в голове каждого советского гражданина, в его быту гораздо большее место занимают общественные интересы, интересы общегосударственные, чем это было раньше. Это, мне кажется, бесспорный факт. А потому и в произведениях, которые вы творите на сцене, на полотне или в книге, необходимо со всей силой оттенить и подчеркнуть эту важнейшую черту.

Раньше этой черты не было. Не любили у нас раньше государства. Не любили армии. Не любили правительства. Всех этих орудий насилия над народом не любили.

А теперь совсем иное. Теперь, например, армия — это же факт — пользуется колоссальной любовью среди всех слоев населения. (Бурные аплодисменты.) Это есть выражение новой черты, нового отношения людей к социалистическому государству, ибо армия есть один из важнейших институтов государства.

За время существования советского строя население накопило в своем быту массу новых черт, несвойственных капиталистическому миру. Например, в магазинах очень часто можно наблюдать такую картину: у кого-нибудь из покупателей не хватило денег — к нему сейчас же придут на помощь. В трамвае, троллейбусе, автобусе, метро считается нормальным уплатить за пассажира, у которого не оказалось мелкой монеты. Конечно, это — мелочь, но она характерна для нашего строя общественных отношений. Люди у нас приобретают социалистические черты, сами того не замечая. Если хотите рисовать социализм, то не насилюйте свое воображение: у вас под руками великое множество благодарного материала, накопленного за двадцать лет. Социализм у нас — не мечта, а подлинная реальность. Этот реальный, а не фантастический социализм требует мощной кисти художника: писателя, артиста, живописца, певца, музыканта, скульптора, архитектора и т. д. Уже кое-что в этом отношении делается, но сравнительно мало.

При этом, когда вы правдиво «пишете жизнь», надо выявлять не только те черты, которые каждому бросаются в глаза, но и те черты, которые обыкновенному глазу трудно заметить. Предположим, что ваш персонаж — корявый. Рисуйте, что он — корявый. Но оттеняйте и внутренние черты, которые не столь заметны, но которые типичны для наших людей. Например, любовь к родине. Она сказывается у различных людей в самых различных формах. Надо у каждого человека найти и показать эту любовь, выразив ее не умозрительно, а конкретно.

Мадонна Микель-Анджело — очень красивая фигура. Все от нее в восхищении. Но я уверен, что простая неуродливая девушка для живого человека ближе, чем Мадонна. (Смех.)

Так вот, пора, наконец, понять, что социалистическое государство надо любить не только умозрительно, а конкретно, т. е. с его природой, полями, лесами, фабриками, заводами, колхозами, совхозами и т. д., с его стахановцами и стахановками, с комсомолками и комсомольцами. Надо любить нашу родину со всем тем новым, что существует в Советском Союзе, и показать ее, родину, в красивом виде, не в таком, как я вам говорю речь, а действительно в ярком, художественно-нарядном виде. Если художник так будет любить социалистическую родину, то перед его глазами раскроется все то живое и

великое, что делается в Советской стране, и его любовь наполнится глубоким, живым, реальным содержанием.

Но, помимо этого, есть еще одно очень важное требование, которое всегда надо помнить, если художник хочет быть социалистическим реалистом. Наша старая литература и искусство были велики не только своей художественной правдивостью, но в особенности тем, что они все время искали лучших путей, лучшего устройства жизни людей. Конечно, сейчас можно говорить, что тогда люди ошибались, шли не по той дороге и т. д. Но факт остается фактом: они искали новых путей.

Советское искусство и литература должны крепко усвоить эту благородную традицию. Ведь каждый художник хочет в своем произведении довести до зрителя или читателя какую-то мысль. Социалистический реалист должен рисовать действительность, живую действительность, без прикрас. Но вместе с тем он должен толкать своим произведением развитие человеческой мысли вперед. А тот литератор, который не ставит себе такой цели, — это полулитератор; тот артист, который не ставит себе такой цели, — это полуартист.

Поэтому задача каждого работника советского искусства, — если он хочет быть с народом, если он хочет быть в передовых рядах борцов за социализм, если он хочет вложить частицу своего «я» в строительство нового мира, — толкать людей своим произведением вперед, к достижению самой возвышенной и благородной цели — к построению коммунистического общества, воспитывать в народе любовь к родине, беззаветную преданность партии и готовность к претворению в жизнь ее идей, чтобы строй, явившийся воплощением этих идей, был для народа дорожкой всего на свете, чтобы наша молодежь пылала честолюбивым стремлением сделаться лучшими борцами за дело Ленина — Сталина.

Значит ли все это, что художник не должен описывать, изображать, представлять отрицательные типы и явления? — Ни в коем случае. Борьба за коммунизм, ломка старого, рост нового — все это само собою предполагает их существование. А кроме того, не забудьте, что мы находимся в капиталистическом окружении и подвергаемся с этой стороны постоянному нажиму вплоть до засылки к нам шпионов и диверсантов.

Выпускать все это из поля зрения художника — значит не охватывать жизнь во всей ее полноте и совокупности, не выполнять основного требования социалистического реализма.

Итак, идти в ногу с самой передовой частью народа, т. е. с коммунистической партией, — вот как художники могут стать на практике социалистическими реалистами. Теория марксизма-ленинизма идет вперед. Товарищ Сталин развивает и обогащает эту передовую революционную теорию, которая стала господствующим мировоззрением в нашей стране. Но вот уже пошел третий десяток лет, как существует у нас советский строй и господствует мировоззрение пролетариата. Пора, наконец, работникам искусства выравняться, пора овладеть передовой революционной теорией пролетариата — марксизмом-ленинизмом. Эта теория исключительно обогащает людей, развивает их ум, раскрывает необозримые творческие горизонты. А помимо всего, для честного человека, в сущности говоря, и нет иной дороги, иного пути, как идти вместе с коммунистами. Заправила современного капиталистического общества изо всех сил поддерживают фашизм, отрекаясь не только от будущего, но и от прошлого, уже завоеванного человечеством прогресса. Их идеал — восстановление рабства и необузданной эксплуатации своего народа. Их идеал — международный разбой и возвращение трудящихся к варварству. Одним словом, реакционные силы буржуазии хотят повернуть колесо истории вспять. Разумеется, история за все эти насилия над кею жестоко покарает насильников. Но пока что наша страна остается единственной хранительницей всего культурного наследия и единственным двигателем человеческого прогресса. Мы, большевики, народ скромный, незахватнический. Но все-таки мы думаем своими идеями завоевать весь мир и даже... раздвинуть вселенную.

А чтобы справиться с этими задачами, наша интеллигенция и в особенности работники искусства должны вооружить себя передовой теорией марксизма-ленинизма, теорией самого революционного в мире класса — пролетариата.

1939

О моральном облике нашего народа

(Из статьи в журнале «Большевик»)

Мораль, или этика, существует с начала образования человеческого общества и определяется в конечном счете его экономическим развитием, — разумеется, не автоматически, а с отставанием, как и всякая идеологическая надстройка, вроде права, религии и т. д. На заре человеческого общества мораль выростала из бытовых условий, складываясь практически в определенные нормы поведения людей. Нормы эти, конечно, не записывались ни в какие юридические кодексы, — в те времена и письменности еще не существовало; но для людей того времени они были, пожалуй, не менее обязательны, чем для нас юридические статьи современных писанных законов. Отношения к общине, роду, семье, отношения мужчины к женщине и женщины к мужчине, бытовые отношения закреплялись, превращались в общепринятые психологические установки, в общественную мораль.

С разделением человеческого общества на классы, с появлением государства, естественно, и мораль становится классовой, делается сильным оружием в руках господствующих классов для закрепощения подчиненных масс. О капиталистическом обществе Энгельс писал, что там имеется, по меньшей мере, три вида морали: «феодалской аристократии, буржуазии и пролетариата».

«А так как общество до сих пор развивалось в классовых противоречиях, то и мораль была всегда классовой моралью; она или оправдывала господство и интересы господствующего класса, или же отражала возмущение угнетенного, но достаточно окрепшего уже класса против этого господства и защищала будущие интересы угнетенных» («Анти-Дюринг», стр. 66, 1934).

Господствующие классы в каждую эпоху — рабовладельческую, феодальную, капиталистическую — стремились замаскировать свое господство и выдать свои узкоклассовые интересы за общенародные. Свою мораль эксплуататоров они преподносили в форме общечеловеческой морали, возводили ее в ранг вечной истины, покоящейся на основах, стоящих вне человеческого общества, независимых от человека и данного общественно-экономического уклада, а как бы исходящих от бога.

Шли времена, гибли старые общественно-экономические формации, на их месте возникали новые. Вопросы нравственности, морали стали одним из отделов философской науки.

Философы-метафизики и схоластики, трудясь над этими щекотливыми вопросами, оправдывали существующее положение нравственными законами, исходящими из трансцендентных, то есть не постигаемых умом человека, понятий. Это не значит, что многовековая работа метафизиков и схоластиков не имела положительных результатов для развития человеческого знания и логики мышления. Но в общем все они стремились к одной цели — заставить мораль служить интересам господствующих классов, оправдать угнетение меньшинством эксплуататоров большинства эксплуатируемых, признать нравственным именно такое положение.

Западноевропейская художественная литература, в целом служа интересам капиталистического общества, все же дала замечательные произведения, бичующие капитализм. Например, у одного из лучших знатоков буржуазного общества — Бальзака — в его романе «Отец Горио» виконтесса Босеан внушает студенту Растиньяку: «Чем хладнокровнее вы будете рассчитывать, тем дальше подвинетесь вперед. Разите, не

давая пощады, вас будут бояться. Смотрите на мужчин и женщин, как на перекладных лошадей, которым вы предоставите издыхать на очередной станции... Но если вас захватит истинное чувство, прячьте его, как сокровище; пусть никто не догадывается о нем, иначе вы погибнете. Из палача вы превратитесь в жертву».

В России, как везде и всюду, с развитием общества менялись и моральные установки. Мораль господствующего класса в царской России покоилась на трех китах, трех устоях царского режима — «самодержавие, православие и порядок». То были три принципа наиболее реакционных слоев населения: дворян-помещиков, военной касты, чиновной верхушки и царского дома со всей его челядью — так называемого «высшего света», объединивших и возглавлявших все реакционные силы. Все усилия этого господствующего класса были основаны на том, чтобы сохранить свои привилегии и держать в повиновении народ. Между прочим, сама аристократия не так уж высоко оценивала моральное значение личности царя, что, однако, не мешало ей вести широкую агитацию в народе, что царь-де помазанник божий, что его власть есть соизволение божие и что поэтому все его решения справедливы и непогрешимы.

В противовес узкоэгоистической морали дворянско-монархической верхушки зарождались основы новой морали: ненависть к эксплуататорам, любовь к народу, любовь к родине. Лучшие люди России отдавали все свои силы, самую жизнь, чтобы помочь крестьянам освободиться от крепостной зависимости. Восстания Степана Разина, Емельяна Пугачева заставляли задумываться наиболее просвещенные умы дворянского класса, побуждали их к критической оценке положения крестьянства и произвола помещиков.

Литература XVIII века в России дала первые ростки революционной морали, отчасти под влиянием французских просветителей. Наиболее яркий представитель этой литературы — Радищев — в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» подверг уничтожающей критике крепостное право. Ярко изображая постыдные картины крепостного быта (продажу крестьянских семей оптом и в розницу, сдачу в рекруты, издевательство и насильничанье господ над своими рабами), Радищев негодуя клеил крепостничество, его жестокость, утверждал законность любых действий крестьян, отстаивавших свое право на звание человека. Он взывал к разуму своих современников:

«Земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан, нам равных, забыли в них человека. О возлюбленные наши сограждане! о истинные сыны отечества! возрите окрест вас, и познайте заблуждение ваше...

Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец! кормилец наша тощеты, насытител нашего глада; тот, кто дает нам здравие, кто житие наше продолжает, не имея права распоряжати ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит...

Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания, и частью в законе мертвы, назваться блаженным? Можно ли назвать блаженным гражданское положение крестьянина в России? Ненасытец кровей один скажет, что он блажен, ибо не имеет, понятия о лучшем состоянии...

Назовем блаженною страну, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова. О, дабы опустети паки обильным сим странам!...» (А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 313, 314, 315, 317, 1938).

Мысли Радищева о воспитании и по сей день могут считаться прогрессивными.

Мораль охватывает очень широкий диапазон чувств и для выявления их перед обществом нуждается в развитом языке. Великий русский ученый Ломоносов много потрудился над созданием русского языка, что способствовало восприятию новых идей его времени русским обществом. «Язык, — говорил Ломоносов, — которым Российская держава великой части света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту и

силу, чем ни единому европейскому языку не уступает». Он видел в русском языке «великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

Художественная литература первой половины XIX века значительно двинула вперед развитие политической мысли русского общества, познание своего народа.

Сильнейший толчок развитию и углублению революционной морали, охватившей уже более значительные массы тогдашнего общества, дали Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов. Они будили человеческую совесть, заставляли людей задумываться над жизнью, над тем, что можно сделать в ней полезного. Вряд ли кто-либо еще в истории русской литературы и публицистики так властвовал над умами людей и столь действенно поднимал их гражданское самосознание, толкая на борьбу с самодержавием, за демократическую революцию, как Белинский, Чернышевский, Добролюбов. Да и личная жизнь их, целиком посвященная развитию русской демократии, была окружена в глазах прогрессивного общества ореолом высокой морали.

Белинский писал:

«Нельзя не любить отечество... только надобно, чтобы эта любовь была не мертвым довольством тем, что есть, но живым желанием усовершенствования; словом, любовь к отечеству должна быть вместе и любовью к человечеству... Любить свою родину значит — пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и, по мере сил своих, споспешествовать этому».

Некрасов своими произведениями в каждом честном человеке возбуждал ненависть к рабовладельцам, любовь к народу, призывал к борьбе:

«Иди в огонь за честь отчизны,

За убежденье, за любовь...

Иди и гибни безупречно.

Умрешь недаром...

Дело прочно,

Когда под ним струится кровь».

Его крик души — «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» — невольно будил в широких кругах русского общества лучшие гражданские чувства, сознание моральной ответственности перед страной, перед своим народом.

...Великая Октябрьская социалистическая революция подняла мораль всех народов России на ступень выше. Она стала самой высокой моралью в человеческом обществе. Здесь нет преувеличения; это лишь объективный вывод из существующей действительности.

Разумеется, это не значило, что люди в одно прекрасное утро проснулись осененные внезапной благодатью, — новой, социалистической нравственностью. Еще Маркс указывал, что сознание людей отстает от экономического развития, что нельзя поэтому одним только революционным переворотом сразу уничтожить все пережитки капитализма.

Величие марксистского учения в том и заключается, что Маркс открыл в буржуазном обществе рабочий класс как единственную силу, которая способна преобразовать жизнь. Ленин писал, что марксизм тем и отличается «от старого утопического социализма, что последний хотел строить новое общество не из тех массовых представителей человеческого материала, которые создаются кровавым, грязным, грабительским, лавочническим капитализмом, а из разведенных в особых парниках и теплицах особо добродетельных людей. Эта смешная мысль теперь всем смешна и всеми оставлена, но не все хотят или умеют продумать обратное учение марксизма, продумать, как это можно (и должно) строить коммунизм из массового человеческого материала, испорченного веками и тысячелетиями рабства, крепостничества, капитализма, мелкого раздробленного хозяйничанья, войной всех против всех из-за местечка на рынке, из-за более высокой цены за продукт или за труд» (Соч., т. XXIII, стр. 458). И действительно, нелегко давалось

массам восприятие новой, социалистической морали. Не говоря уже о свергнутых классах, победа пролетариата и беднейшего крестьянства вначале была встречена в штыки даже большинством интеллигенции. Да и сам рабочий класс и в особенности крестьянство не могли сразу отрешиться от привычек, нравов и обычаев, привитых веками хозяйничанья помещиков и буржуазии. Не всякий рабочий понимал, что живя в капиталистическом обществе, он был бездомным пролетарием, по существу не имел отечества, и родина ему была мачехой; что лишь после Октябрьской революции он из обездоленного пролетария превратился в гражданина великой страны, в равноправного члена многомиллионного коллектива строителей социалистического государства, стал совладельцем всех богатств страны, имеющихся в наличности и потенциале.

Любовь к труду является одним из главных элементов коммунистической нравственности. Но только с победой рабочего класса труд — это незыблемое условие человеческой жизни — перестает быть тяжелым и зазорным бременем и становится делом чести и геройства... У нас, в СССР, труд и в городе и в деревне — от самого простого до квалифицированного — приобрел глубокое содержание, одухотворился великой идеей социализма, стал тем творческим началом, которое обновляет людей, воспитывает их в духе коммунистической нравственности. «Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достаемых не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских республик» (Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 342).

Это широко известное ленинское положение как нельзя лучше говорит о глубочайшем перевороте во взглядах людей на труд после победы пролетариата. И мы можем теперь с полным правом сказать, что социалистический труд в нашей стране, социалистическое соревнование, стахановское движение стали незыблемыми принципами коммунистической морали, нормами поведения советского человека.

22 июня 1941 года германская армия без объявления войны вторглась на советскую территорию. Двадцать четыре года весь наш народ работал не покладая рук. Вместе с этим он непрерывно, напрягая все силы и способности, учился, учился и учился. В борьбе за развитие промышленности, сельского хозяйства, в едином упорном стремлении поднять общую культуру, науку, технику, искусство сблизилась, сроднились все народы Советского Союза...

Война действительно явилась самым строгим экзаменом прочности государства, его экономической мощи, правильности политического руководства и устойчивости морально-политического состояния народа. Именно моральное превосходство нашей армии над немецко-фашистской армией стало одним из важнейших факторов, обеспечивших нам победу. Это ясно видно теперь, когда немецко-фашистские орды, основательно побитые и изгнанные из пределов нашей родины, стоят на краю поражения. Фашисты, придя к власти, провозгласили; «Пусть нас называют варварами, мы не хотим культуры» — и сразу сожгли 20 миллионов книг.

У нас делу культурной революции партия придавала огромное значение.

Не говоря о повседневной заботе партии и правительства о развитии промышленности, сельского хозяйства, об организации и вооружении современной армии, трудно подсчитать, сколько вложено партией и советской властью труда в развитие культуры, в просвещение народных масс.

Иностранцы наблюдатели, за редкими исключениями, при оценке уровня культуры и знаний в Советском Союзе исходят из дореволюционного времени, если же и принимают во внимание повышение этого уровня за годы советской власти, то соизмеряют его с ростом культуры в буржуазных странах. А ведь достаточно привести несколько показателей развития культурных учреждений в нашей стране, чтобы убедиться в его

необычайном размахе.

Уже в 1938—1939 годах СССР стоял на первом месте в мире по числу учащихся в общеобразовательных школах и имел в 1,2 раза больше учащихся в этих школах, чем в Великобритании, Германии, Франции, Италии, вместе взятых, и в 1,4 раза больше студентов, чем в тех же странах плюс Япония. В одном только Ленинграде до войны было больше студентов, чем во всей фашистской Германии.

К началу 1939 года в СССР насчитывалось 240 765 библиотек с общим количеством 442 миллиона 203,8 тысячи книг. По сравнению с 1914 годом число-массовых библиотек в Советском Союзе увеличилось в 6,2 раза. Одна только Государственная публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина имеет в 3,2 раза больше книг, чем Прусская государственная библиотека в Берлине.

Наша социалистическая культура зиждется на принципе, сформулированном Лениным: «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации».

И советская власть не жалела средств, чтобы сделать общенародным достоянием все лучшее, что создано человеческим разумом. Тиражом в десятки и сотни тысяч выпускались сочинения Аристотеля, Вольтера, Дидро, Гельвеция, Гольбаха, Спинозы, Декарта, Демокрита, Фейербаха, Дарвина, Ньютона, Эйнштейна, Менделеева, Мечникова, Павлова, Тимирязева. Миллионными тиражами издавались такие классики мировой литературы, как Байрон, Бальзак, Гейне, Гёте, Гюго, Диккенс, Золя, Мопассан, Ромэн Роллан, Сервантес, А. Франс, Шекспир, Шиллер.

Тиражи произведений классиков русской художественной литературы — Пушкина, Гоголя, Грибоедова, Лермонтова, Герцена, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Чехова, Горького, Маяковского — достигли уже десятков миллионов. Русский народ познакомился с классиками литературы других народов СССР — Шевченко, Ахундовым, Руставели, Ованес Туманяном, Шолом Алейхемом. Другие народы СССР приобщились к сокровищнице русской и мировой литературы.

При советском строе получили широкое распространение произведения народных певцов, поэтов, сказителей: Джамбула, Токтогула Сатылганова, Сулеймана Стальского, Гамзата Цадасы, Феклы Беззубовой, Марфы Крюковой.

Наш театр по праву занимает ведущее место не только в советской, но и в мировой культуре. Он, как и Советский Союз, по своему характеру многонационален. Если до революции у многих наших национальностей театральное искусство было лишь в зачаточном состоянии, то при советском строе оно получило всестороннее развитие и заняло почетное место в национальной культуре. Так, в Армении, Туркменистане, Таджикистане, Киргизии раньше не было профессиональных театров; теперь Армения имеет 27 театров, Таджикистан — 23, Киргизия — 21, Туркмения — 11. На Украине до революции было 35 театров, а в 1940 году — уже 125; в Грузии было 3 театра, теперь — 49, в Узбекистане был 1 театр, теперь — 49.

Даже самые маленькие национальности, которые в царское время не имели своей письменности, теперь имеют по нескольку своих театров, на базе которых развивается их национальное искусство. Огромное развитие получили в Советском Союзе клубные учреждения, кино, музеи. К началу 1939 года было уже свыше 100 тысяч клубов, в том числе 41 тысяча колхозных клубов. Число киноустановок в СССР в 1939 году по сравнению с 1915 годом увеличилось в 21,9 раза. Вообще кино как один из самых популярных в народных массах видов искусства развилось только при советском строе. До начала этой войны у нас насчитывалось 794 музея, тогда как в дореволюционное время их было едва несколько десятков, причем исключительно в столицах (Петербург, Москва). Лишь отдельные, наиболее крупные города, вроде Киева, Харькова, Тифлиса, имели свои

небольшие музеи. Теперь почти все столицы наших республик обогатились собственными художественными галереями, и буквально нет ни одного областного города, не имеющего своего музея, где собраны образцы богатств данного края или области, произведения местных мастеров искусства.

Кроме того, каждый город, в котором родился или проживал кто-либо из знаменитых писателей, музыкантов, художников, с любовью собирает все относящееся к его жизни и творчеству и создает музей его имени, усердно посещаемый не только местной, но и приезжей публикой. Так, к примеру, музей, посвященный памяти Чехова, создан не только в Таганроге — родном городе великого русского писателя, — но и в Ялте, где он провел последние годы своей жизни. Эта потребность в музеях настолько велика, что процесс их созидания не остановился даже теперь, в тяжелое для народа военное время. То и дело мелькают в прессе заметки об открытии того или иного музея в разных местах нашей страны. Совсем недавно организован литературный филиал государственного музея в Казани. В Мавританском дворце города Хивы Хорезмским областным музеем развешивается экспозиция новых материалов по истории древнего Хорезма...

Хотя все сказанное о рабочих, колхозниках, интеллигенции и молодежи относится в такой же степени к женщинам, как и к мужчинам, особо хочется отметить выдающуюся роль женщины в этой войне. Пожалуй, нигде в художественной литературе других стран женщина не занимает столь почетного места, как в русской классической литературе. Сколько в нашей литературе и в истории нашей страны имен женщин, показавших высокие образцы морального духа! Но, разумеется, все предыдущее бледнеет перед великой эпопеей нынешней войны, перед героизмом и жертвенностью советских женщин, проявляющих гражданскую доблесть, выдержку при потере любимых и энтузиазм в борьбе с такой силой и, я бы сказал, величием, каких никогда не наблюдалось в прошлом.

Комсомолка-партизанка Зоя Космодемьянская поднялась на высшую ступень патриотизма и морального величия. Она как бы впитала в себя все лучшие чувства, выработанные нашим народом в его историческом развитии. Это уже дочь не только русского, но и всего советского народа, дочь ленинского комсомола. Фашизм своей варварской жестокостью хотел унижить советскую женщину, морально сломить ее. Но это ему ни в какой мере не удалось. Моральная стойкость Зои и других советских женщин восторжествовала над фашистским зверством.

Конечно, Герой Советского Союза Зоя Космодемьянская — выдающаяся девушка. Но она типична для девушек нашей страны, ибо потенциальная готовность к подвигу жила и живет в душе большинства советских женщин. Живая жизнь сегодняшнего дня дает тысячи примеров отваги, преданности и любви к родине, так щедро проявляемых нашими женщинами в дни Отечественной войны. Вот отдельные примеры:

Ольга Тихомирова была разведчицей и медсестрой одного из витебских партизанских отрядов. Бесстрашная девушка не раз рисковала своей жизнью для спасения товарищей. В одном из боев в Шалбовском лесу был ранен командир группы. Перевязав его, Ольга сама повела партизан в атаку на вражеские блиндажи. Осколком снаряда ей оторвало правую руку. Товарищи перевязали рану; Ольга продолжала идти вперед. Ее настиг снаряд, перебивший обе ноги. Она погибла, но до последней минуты ободряла товарищей.

Много ущерба нанесла немцам партизанка-подрывник Вера Лесовая. На ее боевом счету три луценных под откос вражеских эшелона и много взорванных грузовых автомашин. Раненная в ногу, Вера попала в руки немцев. Чтобы добиться от нее сведений о партизанском отряде, немцы зажгли у нее на груди костер. Однако и эта нечеловеческая пытка не вырвала у Веры ни одного слова. Она погибла, ничего не выдав врагам.

Герой Советского Союза младший лейтенант Мария Степановна Батракова участвовала в обороне Ленинграда и Сталинграда. В августе 1943 года она вместе с ротой автоматчиков добровольно пошла в танковый десант и, когда командир десанта выбыл из строя, повела бойцов в атаку. Немецкие траншеи были взяты. В сентябре 1943 года при форсировании

реки Молочной Батракова увлекла потерявших командира бойцов в противотанковую атаку. Под командованием этой отважной девушки советские воины выдержали бой в течение 120 часов и отбили 53 контратаки противника.

Летчица-истребитель гвардии лейтенант Екатерина Васильевна Буданова обнаружила однажды 12 немецких бомбардировщиков, летевших бомбить наш эшелон. Смелая летчица врезалась в их гущу. Растерявшись, немцы сбросили бомбы в степь, но, увидев, что имеют дело только с одним истребителем, перешли в контратаку. Буданова приняла бой, сбила один бомбардировщик, а остальные вынудила убратся восвояси. На личном счету Екатерины Будановой числится 20 сбитых ею немецких машин.

Вся страна знает о том, как мать Олега Кошевого, Елена Николаевна Кошечкина, — прекрасно понимая, что грозит ее сыну и его товарищам, если они попадутся в своей подпольной работе, — все-таки укрывала героев-комсомольцев Краснодона, помогала им, чем могла.

На такие вершины морального духа возвела наших женщин жизнь в Советской стране. Вероятно, их славные дела, великие патриотические чувства, проявленные ими в эту Отечественную войну, вдохновят крупных художников пера, резца и кисти, и образы советских героинь будут достойно увековечены в искусстве и литературе.

...Защищая родину от врагов, наш народ и раньше пользовался методами партизанской борьбы.

Известный партизан Денис Давыдов писал на основании опыта 1812 года: «Огромна наша мать Россия! Изобилие средств ее дорого уже стоит многим народам, посягавшим на ее честь и существование; но не знают еще они всех слоев лавы, покоящихся на дне ее... Еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымется!»

И действительно, никогда в своей многовековой истории партизанское движение не было столь массовым, общенародным и никогда поэтому партизанская борьба не была столь организована и всеобъемлюща, как в этой войне. Очень характерно значительное участие советской интеллигенции в партизанской борьбе. Насколько оно было эффективным, видно хотя бы на примере борьбы партизанского отряда имени братьев Игнатовых из Краснодара на Кубани.

Командир этого отряда П. К. Игнатов (Батя) в своих «Записках партизана» рассказывает, что отряд в основном состоял из технической интеллигенции — в него входили инженеры, директора, экономисты, научные работники. Все это были люди города, скорее даже, как говорится, «кабинетные» работники. Но в порыве патриотических чувств они променяли удобный и привычный городской быт на несвойственную им трудную, полную невзгод и опасностей жизнь партизан в горах. Все они могли бы эвакуироваться и заниматься оборонной работой на производстве в тылу. Однако в данных условиях они сочли более эффективным использовать свои силы в непосредственной борьбе с ненавистным врагом.

Итоги этой борьбы за полгода поразительны: маленький отряд пустил под откос 155 вагонов со снарядами, с живой силой врага, с его техникой (танками, артиллерией и пр.), взорвал 8 мостов, уничтожил десятки танков, танкеток, тяжелых орудий, свыше 100 мелких пушек и минометов, убил около 2 тысяч солдат и офицеров противника, свыше 2500 тяжело ранил. Сами игнатовцы потеряли за это время 5 человек, двое были тяжело ранены.

Итоги этой борьбы, по существу, следовало бы значительно увеличить, если принять во внимание, что при отряде был организован своеобразный «минно-диверсионный вуз», готовивший минеров-диверсантов для соседних партизанских отрядов, которые вели свои собственные счета нанесенным врагу потерям.

Эффективность действий игнатовского отряда в значительной степени объясняется именно присутствием высококвалифицированных инженеров, техников, рабочих. Это дало возможность не только хорошо организовать самую партизанскую группу, но и

планомерно, я бы сказал, научно обоснованно направлять удары против врага, Не только чувства, но и свою высокую квалификацию, знания, разностороннее развитие, ум — все подчинили игнатовцы делу беззаветного служения родине.

В партизанском движении участвовали все национальности Советского Союза, особенно, по вполне понятным причинам, украинцы и белорусы. О подвигах партизан уже написаны, пишутся и будут писаться книги. Здесь же мы приведем, как иллюстрацию, только несколько примеров. Белорусские партизаны отвоевывали в глубоком тылу врага целые районы, носившие название «Партизанского края», куда немцы не смели и нос сунуть. Партизаны контролировали и другие районы, не давая оккупантам вывозить оттуда зерно и другие продукты. Так было в Барановичской области. Там народные мстители при крушении поездов, из засад и в открытых боях истребили свыше 30 тысяч гитлеровских мерзавцев.

Осенью 1943 года немцы решили расправиться с партизанской бригадой, действовавшей в Любаньском районе, Минской области. Несколько немецких дивизий во всеоружии боевой техники, с танками и авиацией, окружили лес, где скрывалась бригада. С нечеловеческими усилиями вырывалась она из окружения. Топким болотом, иод непрерывным обстрелом и бомбежкой, не имея возможности остановиться даже затем, чтобы подобрать раненых, выводил командир бригады Шашура своих партизан из окружения. Когда тяжело раненый командир упал, партизаны положили его на самодельные носилки и понесли. Нести можно было, только идя во весь рост; один за другим падали носильщики (шестеро из них были убиты), но тотчас же на их место становились новые, и раненый командир вместе со своим отрядом выбрался из окружения.

Формы партизанского движения очень многообразны. Профессор Киевского медицинского института П. М. Буйко с первых же дней войны добровольно ушел на фронт, попал в плен и бежал оттуда. Горя ненавистью к немецким захватчикам, он пошел на подпольную работу. Устроившись врачом в районную больницу города Фастова, Буйко организовал лечение раненых бойцов и командиров Красной Армии. Он спас тысячу человек местной молодежи от угона в Германию, установил связи с партизанами, переправлял к ним людей. Когда его деятельность была раскрыта, он и сам (в июне 1943 года) ушел к партизанам. Немцам в конце концов удалось захватить Буйко; они облили его бензином и превратили в горящий факел. Имя этого отважного советского патриота, лучшего представителя нашей интеллигенции, не забудется никогда.

Партизанская борьба, в которой участвовали все национальности СССР, населяющие те территории, куда вступали немцы, ярко продемонстрировала зарубежному миру народность советской власти, всенародную любовь к ней, твердую решимость бороться за ее сохранение, за независимость Советской страны. Более убедительного доказательства морально-политического единства народов Советского Союза не может быть!

1944

Голод в прошлом

(После 1861 года)

19 февраля пало крепостное право. Казалось, порвались наиболее мучительные цепи, связывающие крестьянство.

Но освобождение крестьян было таково, что крестьянин не мог рассчитывать на более или менее обеспеченное существование свое и своей земли работой на земле.

Бедность не только не уменьшилась, а увеличилась; во время народных бедствий помещик уже не был заинтересован в сохранении хотя бы минимального достатка крестьян.

Наоборот, после «освобождения крестьян» помещик пользовался моментами народных бедствий и закабалял за бесценок голодных крестьян на работу в своих хозяйствах.

Поэтому бедствия голода, которые после освобождения крестьян были не менее часты, чем в прошлом, приобрели в смысле разрушительности, пожалуй, еще более потрясающий характер для крестьянского хозяйства.

Обратимся к фактам. В 1873 году страдала от голода левая сторона Поволжья. В это же время на правой хлеб не находил себе сбыта.

В 1884 году казанские мужики ели лебеду и пухли от хлеба из сосновой коры.

В 1891 году на пространстве всей России уродилось хлеба в общем по 14 пудов на душу, то есть достаточно для пропитания в течение года всего населения, но этот год стал годом страшного голода на северо-востоке России; на юго-западе России был хороший урожай, но массы хлеба не могли быть передвинуты, и бедствие разразилось.

Правительство долго не признавало голода, и наш хлеб продолжал от голодной России уходить за границу. Лишь когда бедствия приняли огромные размеры, опасные для самого самодержавия, был официально объявлен голод.

Со стороны земства также в одних губерниях было полное признание голода, в других — отрицание его. А то в одной и той же губернии, губернское земство, признав в таком-то уезде голод, посылает туда соответствующую помощь, а уездное отрицает голод в своем уезде, и начинается война между этими органами, во время которой, разумеется, помощь голодающим не осуществляется.

Все относящиеся к голоду прошлого исторические источники единодушны в одном, что, во-первых, правительство сделало минимум того, что могло сделать; средства, ассигнуемые им, расходовались наиболее невыгодным образом для голодающих.

О голоде 91—92 гг. немного находим мы обобщающего материала. По письмам Льва Толстого и Короленко нам легко ознакомиться с внутренним состоянием голодающего, но общее положение голодающих и те ресурсы, которыми располагало государство в борьбе с голодом, трудно поддаются учету, ибо правительство не хотело полностью раскрывать размеры бедствий.

Лев Толстой рисует эту неизвестность такими словами:

«Допустим, — пишет он, — что деятельность тех людей, которые живут теперь среди голодающих, работая для них по мере сил своих, будет продолжаться так до конца и что количество этих людей увеличится; допустим, что сам народ не падет духом и будет биться с нуждой, как он теперь бьется с ней всеми отрицательными и положительными средствами, т. е. умеряя себя и усиливая энергию, изобретательность для приобретения средств к жизни; допустим, что все это сделано и делается месяц, два, три, шесть и вдруг... оказывается, что хлеба нет и что все жертвы, принесенные как теми, которые давали деньги, так и теми, которые жили и работали среди нуждающихся, были напрасной тратой средств и сил, а главное, что энергия народа потрачена даром, и сколько он ни бился, ему, то есть части его, все-таки пришлось умирать голодной смертью, тогда как мы могли знать и предупредить его».

Приведенные строки великолепно показывают, насколько были растеряны и как мало знали о состоянии голода и средствах борьбы с ним люди, боровшиеся с голодом, которые, однако, великолепно знали основные причины голода, что подтверждается во многих местах из статей о голоде Льва Толстого.

Что может быть ярче следующих слов:

«Неужели надо искать причин голода, когда все так ясно и просто, особенно ясно для самого народа, на шее которого мы сидим и едим? Ведь, это детям можно воображать, что не лошадь их везет, а они сами едут посредством махания кнута, но нам-то, взрослым, если мы не сумасшедшие, можно понять, откуда голод народа.

Народ голоден потому, что мы слишком сыты...

Разве может быть не голоден народ в тех условиях, в которых он живет, то есть при тех податях, при том малоземелье, при той заброшенности и одичании, в котором его держат... Народ всегда держится нами впроголодь, — это наше средство, чтобы заставить его на нас работать».

Насколько был велик голод и в каких формах он проявлялся, покажут несколько примеров из Короленко.

Следующими штрихами рисует Короленко первый обед вновь открытой столовой в Васильевом-Майдане:

«...Отслужили молебен, «студент» сделал переключку. То, что я увидел, теперь уже меня не удивило; убогие, увечные, старики и дети толпились у столов (две кадки с положенными на них досками), и было сразу заметно, что 40 человек — это слишком мало для села. Только начали обедать, как я услышал, что за столом оказался кто-то лишний.

— Не по закону ест кто-то, — заявил «студент». — Хлеба не хватило...

— Феська не по закону ест...

— Фесь, не по закону ты ешь, слышь, — заговорили уже кругом, толкая под локоть девочку лет 13—14, которая, однако, не обращала на эти протесты ни малейшего внимания.

Я подошел со стороны и взглянул ей в лицо. Лицо у нее было совершенно серьезно, даже, пожалуй, равнодушно. Казалось, для нее не существовало кругом ничего, кроме хлеба, который она держала в руке, и чашки, стоявшей на столе. Она торопливо откусывала хлеб и тотчас же протягивала ложку к чашке, не признавая, очевидно, никакого закона, кроме права голода, и не обращая внимания на говор, как будто замечания относились не к ней. На лицах сельской публики, пришедшей взглянуть на бесплатный обед, я прочел искреннее сожаление и соболезнование к «беззаконнице».

— Немая, что ли? — спросил я.

— Какое немая? Сирота это, дня два, чай, хлеба не видала.

— Как же ее не внесли, когда составляли список?

... — На виду не было, ну и забыли про нее».

А вот еще более мрачная картинка:

«Весной, — пишет Короленко, — я опять побывал в Пралевке. До меня побывал в Пралевке губернатор с доктором. Он сделал гораздо больше, чем мог сделать я с моими скудными средствами, прибавив ссуду десяткам тысяч людей, но когда я спросил у Савоськина, доволен ли он моей столовой и ходит ли он туда, он ответил, что не ходит. Нутро, не принимавшее раньше лебеды, теперь уже не принимало и чистого хлеба. Я испугался, тотчас же выдал денег на пшеничный хлеб, на молоко, но было поздно... «Нутро» не принимало уже ничего, и вскоре Савоськин умер».

Приведу описание записи голодающих в столовую:

«Час прошел у меня в самой тяжелой напряженной борьбе с пралевским «миром», и мне удалось внести только 5 или 6 имен. Но зато в этот час я и не заметил, как настроение толпы изменилось радикально. Ни одно имя не проходило без тяжелой борьбы; это было что-то вроде огромной давки у тесных дверей. Отказов не было, — все заявляли себя кандидатами. Эпитеты, которыми характеризовалась бедность, потеряли скорбно-юмористический характер, которым они были отмечены в других местах. Здесь в них было что-то жгуче-жестокое, устрашающее и отчаянное.

Ребра у мужика потрескались... Не дышит... разорвало от травы... шкура отвалилась... Все лысо, все помираем... — Погляди на нас, господин. Мы вот к тебе пришли. Один евши, а двое не евши».

Столь жутких картин голода можно привести тысячи. Я остановлюсь на описании общественных работ.

«...Как бы то ни было, они, во-первых, взяли в долг топоры, во-вторых, купили 6 пил (большей частью тоже в долг), по 1 руб. 50 коп., и 17 декабря вышли утром из первого участка, расположенного у Лукоянова, на восточный край уезда в Большое Болдино.

Однако пусть они говорят дальше сами (цитирую опять по официальному документу):

«До Болдина 40 верст; мы пришли в 9 часов утра 18 декабря к г-ну Пушкину, не застали его дома, и он вернулся в 11 часов вечера, а 19 декабря в 10 часов утра опять ходили к г. Пушкину, но оставались в избе, а Пимен Морозов и Тимофей Кузичкин ходили в дом и,

вернувшись, передали нам, что вас вытребовали ошибочно в Ичалковскую дачу, здесь есть и своего народу много, то есть 2-го участка много людей. Вам будет работа в Ризоватовской или Мадаевской даче после праздников, а теперь ступайте домой. Когда будет предписание от Пушкина, тогда вам велят идти (!)»

А Пимену Морозову на представленном им рапорте г-н Пушкин сделал в этом смысле собственноручную отметку, которая сдана Морозовым 20-го декабря в волостное правление.

«И мы, — продолжают свою скорбную одиссею «лентяи», — вернулись 19 числа ночью домой. Понесли убытков, продали, что имели последнее, а домой шли совсем голодные. 18 числа все стояли (в Б. Болдине) на морозе и собирали милостыню...»

Затем с чрезвычайной подробностью идет перечисление убытков: за топоры платили за поддержание, Фадеев, вернув пилу, получил убытку 50 копеек. Маркин купил пилу за 1,5 рубля, и она осталась у него, «но остальные брали пилы в долг и их взяли обратно без убытка».

Таково было блестящее начало управления г-ном Пушкиным общественными работами. Каково было их продолжение, мы уже видели. А в это время в прессе гремели обвинения против мужиков, и в это время ни один приезжий из Лукояновского уезда не мог умолчать о том, что на лесные работы народ не идет, и в это же время в другой части уезда уже стекались новые несчастливцы на новые обещания, которым опять не суждено было осуществиться (как мы видели из первого нашего примера)...»

Я привел выдержки из двух наших корифеев классической литературы, все остальные источники мало что дают нового по истории голода 91-го года, они могут служить лишь дополнением нарисованной картины. Например, в «Северном вестнике», № 3, 92-го года, следующими строками рисуют общественную благотворительность: «прежде всего во всех проявлениях наших поражает внешний -формальный характер, без всякого искреннего участия к бедствующему населению». Там же можно найти оценку участия в борьбе с бедствиями голода нашего купечества. «С особенной силой в настоящее время выяснилась изумительная алчность наших хлебных торговцев, без различия национальностей и размеров торговли. Мелкие лавочники, так же как и крупные коммерсанты, русские не менее, чем евреи, наперерыв друг перед другом старались нагреть руки на народном бедствии».

К 1-му декабря с расходами на яровые и озимые семена было израсходовано на борьбу с голодом царским правительством свыше 55-ти миллионов рублей, а к 1-му января 93-го года — 72 690 000 рублей при всей его материальной мощи.

Все это великолепно иллюстрирует отношение царского бюрократического режима к крестьянству, волокиту его органов, неспособность государственных руководителей хоть сколько-нибудь справляться с бедствиями голода.

Сопоставьте то огромное количество тысяч русских крестьян, которые погибли в муках голода, с теми сравнительно громадными возможностями, которые были в то время для борьбы с бедствием, — и картина голода в прошлом выступит достаточно наглядно.

1921

Семье Короленко

Телеграмма, председателю Полтавского Губисполкома и председателю ЦИК Украины Президиум ВЦИК просит вас передать семье покойного В. Г. Короленко от имени Всероссийского съезда Советов, что сознательные рабочие и крестьяне с глубокой скорбью узнали о кончине благородного друга и защитника всех угнетенных — Владимира Короленко.

Советская власть примет все меры к широчайшему распространению произведений

покойного среди трудящихся Республики.

1921

Демьяну Бедному

Советская Республика недавно торжественно праздновала пятилетие существования победоносной Красной армии. Победы Красной армии обеспечены были не столько технической и материальной силой, далеко уступавшей силам врага, сколько беспримерным героизмом бойцов, их революционным сознанием и беззаветной преданностью революции.

Красная армия превосходила противника сознанием правоты своего дела, дела трудящихся, — чего не могло быть в армии врага, где солдат принуждали сражаться за чуждые им интересы капиталистов.

Велика заслуга тех, кто вооружил бойцов Красной армии оружием революционного сознания, кто воодушевлял их на трудные и славные подвиги. Особо выдающиеся и исключительные заслуги ваши, как поэта великой революции, оценены по достоинству рабоче-крестьянскими массами Республики и особенно участниками гражданской войны. Произведения ваши — простые и понятные каждому, а потому и необыкновенно сильные, зажигали революционным огнем сердца трудящихся и укрепляли бодрость духа в труднейшие минуты борьбы.

Страдания, борьба, подвиги и достижения восставшего пролетариата находили в вас достойного певца. В вашем лице поэзия, быть может, впервые в истории, так ярко связала свои судьбы с судьбами человечества, борющегося за свое освобождение, и из творчества для немногих избранных стала творчеством для масс.

Ваше творчество мужало и крепло вместе с ростом сил революционного пролетариата и закалкой его воли.

Отмечая ваши исключительные художественно-литературные заслуги как в тяжкий период накопления пролетарских сил до победоносной Октябрьской революции, так и в невероятно трудное пятилетие борьбы с российской и мировой контрреволюцией, Президиум ВЦИК надеется, что и грядущие неминуемые испытания в развивающейся борьбе застанут вас на славном боевом посту поэта революции в полном расцвете творчества, посвященного народу.

Выполняя свой долг перед трудящимися РСФСР, Президиум ВЦИК награждает вас орденом «Красного знамени».

1923

О задачах деревенских корреспондентов

Товарищи, очень трудно что-либо сказать крестьянским корреспондентам, давать им советы, потому что, мне кажется, работа крестьянского корреспондента встречает особенные трудности. Вопрос в том, кто что описывает. Мне кажется, гораздо легче описать бал, дипломатический прием, митинг, чем описать обыкновенное деревенское происшествие или событие, или просто какое-нибудь новое явление, которое происходит в деревне.

Трудно описание и дипломатического приема и деревенского события, но, мне кажется, последнее все же труднее, чем дипломатический прием. Здесь определенная форма и само описание проще: такой-то человек в определенный час сказал то-то и то-то. Ему не требуется особенно ворочать мозгами, а если человек умеет мало-мальски говорить, у него и выйдет описание. Деревенское событие описать труднее. Надо, чтобы оно было с интересом читаемо, чтобы оно было не скучное, а задевало за живое. Надо, чтобы человек,

прочитавши его, не прошел просто мимо его корреспонденции, а чтобы она хватала за живое.

Сам корреспондент должен прочувствовать то, что он описывает. Я пробовал писать (я и сам написал порядочное количество корреспонденции), и там, где ты просто описываешь, — без чувства, — очень плохо выходит. Трудно. Только насилуешь себя. И когда составишь корреспонденцию, чувствуешь, что она выходит деревянная. Характерно, что тот, кто читает, поймет сразу, что она деревянная. Как будто и слова есть и написано недурно, а все-таки читатель проходит мимо. Чтобы она была хороша, нужно, чтобы корреспондент сам волновался теми страстями, о которых пишет, а это, конечно, дается не в каждый момент. Поэтому нужно описывать те события, которые серьезно задевают корреспондента.

Это раз.

Я говорю только свое мнение о тех препятствиях, которые я встречал сам при писании своих корреспонденции. Во-вторых, иному кажется, с виду... как будто бы просто: пришел в деревню и сразу описал и дом, и людей, и все явления. А как начнешь — увидишь, как это трудно. Нет тех слов, которыми, двумя-тремя, можно было бы показать лицо человека. Тут нужно большое чувство. Но нужно и огромное учение. Корреспондентом быть не так просто. Вот так — взял да и залился. Так нельзя, надо очень много учиться. Каждая корреспонденция, особенно если она длинная, — нужно, чтобы жизнь в ней видна была, а жизнь лучше всего видна в людях.

Поэтому, если я описываю лес, деревья, домашний обиход, если это все описывать, то поставь тут человека, да чтобы он был в действии, чтобы он думал, делал, чувствовал, страстями был занят. (Я не подразумеваю непременно индивидуальные страсти, я имею в виду общественные). Это вопрос самый трудный, как ввести человека в корреспонденцию. Когда я писал корреспонденции, я чувствовал, что всего труднее ввести человека. Во-первых, его надо знать, во-вторых, хотя двумя-тремя штрихами обрисовать его. Когда мы читаем Пушкина и Тургенева, нам кажется: как это все легко. Взял и написал. Но когда сам пишешь, видно, как трудно из десятка фраз чтобы читатель представил себе живое лицо. А когда ты пишешь, если ты его не обрисуешь, то и действие его не так понятно. Ты должен двумя-тремя штрихами сделать так, чтобы можно было представить лицо, которое ты описываешь, и как это лицо делает то-то и то-то. Когда к этому подойдешь, то увидишь, что это, пожалуй, не так легко. Для корреспонденции требуется огромная работа, огромное изучение. Эта профессия — одна из самых трудных профессий. Ни от одного специалиста не требуется такой выучки, как от корреспондента. Я говорю, как это мне кажется, что первое, что требуется от корреспондента, — это чтобы он умел переживать и страдать теми же страстями крестьянина, о которых он пишет. Если, например, он описывает нужду крестьянина, то чтобы она, эта нужда, его задевала. Если он описывает события, нужно, чтобы он кровно был заинтересован событиями. Это уже будет частица будущего успеха. Если будет чувствоваться, что он сам кровно заинтересован в событии, это скажется и на корреспонденции.

Вторая сторона вопроса, это та, что корреспондент должен знать предмет, который описывает. Так, с кондачка, описывать то, что не знаешь, очень тяжело. И слов нету, и сказать нечего, — выходит пустословие. А наш читатель уже теперь требует, чтобы писали не пустые слова, теперь нужно, если ты описываешь крестьянина, чтобы ты знал его портрет, и когда ты его знаешь, то и писать уже легче. Но самое главное и самое важное это — знание корреспондентом русского языка. Я очень много читал, не меньше, чем всякий интеллигентный человек, я читал лучших классиков, и все-таки я чувствую, что я плохо знаю русский язык, — и когда пишешь, то чувствуешь, что у тебя мало слов, — и так далее. Знание языка играет большую роль, и поэтому-то от корреспондента и требуется, чтобы он хорошо знал русский язык. У человека, умеющего писать, часто из пустяка выходит серьезная вещь. Например, немецкий писатель Гейне, писавший стихотворения, обладал этим искусством в высшей степени. Пусть оно — стихотворение о

носе, но написано так, что оно приводит в восхищение, вы увлекаетесь, когда начинаете его читать, как он описывает шелест листка, и вы удивляетесь, что вам не скучно читать об этом шелесте листка, вы увлекаетесь. А почему? Да потому, что он великолепно владеет языком, потому, что он описывает великолепно. По существу, корреспондент должен быть творцом в этом отношении, должен быть с искрой, он должен почувствовать, но этого чувства мало, он должен много, много учиться, и я думаю, описание крестьянской жизни совсем не означает того, что он не должен учиться.

Я вначале показал, что описывать городские официальные события легко, что для этого совсем не нужно быть особенно образованным, а для того, чтобы описывать деревенскую жизнь, нужно быть исключительно образованным. Я понимаю образование не в том смысле, что вы должны пройти университет, что вы должны заниматься математикой и т. д. Под образованием я понимаю то, что он должен уметь к каждому вопросу подойти критически, чтобы он мог разобрать его со всех сторон, чтобы у него было общее развитие, а не то, чтобы он был специалист-математик. Иногда и специалисты-математики во всех остальных вещах бывают положительными невеждами. От корреспондента требуется, чтобы он был всесторонне образован, развит, чтобы он мог из небольшого частного явления вывести общее. Например, когда вы приходите в деревню, — в деревне событий много, — например, начиная с того, что с утра доят скотину, — так вы должны, чтобы не было скучно ваше описание, уметь собрать такие факты, которые, с одной стороны, являются фактами общими, чтобы факт описанный не был исключительным фактом, так, чтобы если вы о нем расскажете, а другой крестьянин прочтет, то чтобы он понял, что корреспондент описывает все, что делается каждый день у них. И вместе с тем, чтобы это описание было сделано так, как будто корреспондент нечто новое в этой жизни подметил. Если вы повторите жизнь с внешней стороны, то вы повторите, как будто, старое. Разумеется, человек не делает каждый день все нового и нового, человек сегодня обедает и завтра обедает, процесс обеда каждый день идет, а по существу, процесс этот совсем не однообразный. Разве вы сегодня обедаете так же, как вчера, или завтра, как сегодня? Конечно, нет, сегодняшняя жизнь — это не есть вчерашняя жизнь, иначе человек бы не изменился, он был бы одинаковым, а мы сначала растем, потом стареем и умираем. Ни одну секунду в жизни человек не находится в покое. Поэтому, если мы описываем жизнь, нужно, чтобы в корреспонденции не было заметно, что она старые вещи показывает. Уловить жизнь — это самое трудное для корреспондента.

Надо описывать то, что есть в жизни, например, сейчас вы выходите на улицу и на улице видите жизнь; надо уловить эту жизнь и переложить ее на бумаге. И вот, когда стараешься переложить ее на бумаге, она получается не жизнь, а деревяшка, потому что ты не показал ее в процессе, в движении, а показал, как будто она на месте застыла, ты пишешь мертвеца, а не жизнь человека. Вот это самая трудная задача, которая стоит перед корреспондентом. Я думаю, что эта искра — уметь описывать жизнь — она вложена в природу человека, ее нельзя создать в человеке, и часто, когда человек что-нибудь описывает, у него получается так, как будто он умертвил жизнь, как будто она остановилась. И вот, когда нельзя уловить жизнь, всегда будет скучна корреспонденция, несмотря на то, что ты красиво опишешь. Это подобно тому, если бы нам предложили смотреть на живых красавиц или на самую лучшую мраморную статую. Как бы ни была красива статуя, но я думаю, что все бы предпочли смотреть на живых красавиц, 99% пойдет смотреть на живых, и это естественная вещь, потому что человек любит жизнь, здоровый человек не может не любить жизни, — смотреть на живое.

Иногда я, рассматривая корреспонденцию в 10 строчек, думаю, что человек, когда он эти 10 строчек писал, он сам волновался, кипел, так и чувствуется это в словах, ты читаешь эту корреспонденцию и восхищаешься: «Ишь, думаешь, как парень волновался». Вот задача, которая стоит перед корреспондентами. Я лично думаю, что корреспондент есть корреспондент, когда в нем искра божия заложена, а если корреспондент с искрой будет писать о крестьянских делах, его будут читать и в самых фешенебельных, самых пышных

гостиных, — жизнь везде восхищает, где бы она ни была. Специфически крестьянского творчества нет. Иной говорит, что для крестьянина нужен особый язык, слащавый, приторный. Это сказки. Крестьянин любит самый обыкновенный, хороший, нормальный русский язык. (Бурные аплодисменты.) А нормальный русский язык познается из изучения русского языка, поэтому все корреспонденты должны хорошо изучить русский язык. Я могу сказать про себя, что я много читал. Я занимаю самый высокий государственный пост, и если бы меня спросили, чего мне не хватает, я бы сказал, что я слишком слабо знаю русский язык, я все-таки чувствую, что я слишком мало его знаю. Поэтому перед каждым корреспондентом стоит задача — изучить русский язык. Многие думают, что когда он изучит русский язык, то у него потеряется крестьянская речь. Это неверно.

Крестьяне так же говорят по-русски, как и все прочие. Наоборот, кто слабо знает русский язык, тот не умеет говорить по-крестьянски.

Прочтите самых лучших русских классиков. Возьмем Пушкина. Казалось, это — писатель, который писал от «верхушек». Или — Тургенев. Прочтите его «Записки охотника» или любой из его романов. Вы увидите, как прост его язык и как понятен; прочтите такой рассказ простой, деревенской бабе, и она его великолепно поймет. Затем, не надо подделываться к крестьянину. Когда крестьянин почувствует, что к нему подделываются, то вы уже зарезались. Когда сознательно человек упрощает речь, думая, что вот, дескать, передо мною аудитория малосознательная, то он уже наполовину себя зарезал. Наоборот, когда говоришь, зная, что аудитория не глупее тебя, то все, что излагаешь, для всякого понятно, и видно, что ты с ним говоришь, как с равным по развитию, по культуре, по духу, чтобы крестьянин чувствовал, что с ним говоришь, как с равным. Если только крестьянин почувствует фальшь в языке, то такая корреспонденция крестьянами читаться не будет ни в коем случае.

Ну, вот все, что мне кажется самым главным. Я несколько раз нарочно повторялся, но я это делал сознательно, чтобы подчеркнуть, что самое главное заключается в том, что корреспондент должен быть человеком, который умеет переживать болезни тех явлений, которые он описывает. Я сам замечал, что если говоришь и волнуешься и если тебя самого задевает то, о чем ты говоришь, то хотя у тебя даже большая аудитория и у тебя плохо выходит в смысле изложения, то все-таки аудитория за тобой удивительно внимательно следит. А иногда говоришь, как граммофон, но в это время аудитория охает, ахает, чихает и так далее. Но если так обстоит дело с аудиторией, то и в корреспонденции читатель также уловит фальшь. Читатель есть самый строгий ценитель, поэтому кто начинает писать, должен знать: есть ли у него желание писать. Во-вторых, предметы, которые он описывает, он должен знать. Мы еще не знаем, вложит ли он чувство или нет. Эта искра вне нашей зависимости. Если он вымучивает корреспонденцию и если читатель уловит, что она неверна, то он потеряет свой авторитет.

В-третьих, корреспондент должен изучать русский язык, он должен уметь описывать. Я лично думаю, что это трудная задача, я пробовал описывать лес, дорогу. Едешь по Сибири, видишь такие красоты, другой написал бы горы красивых картин, а когда едешь, то видишь везде только мусор, ломаный лес, обломки, бесконечный лес, как будто нечего и описывать; но нужно обладать языком и фантазией, фантазия зависит от характера, а уж язык только должно изучать.

Теперь, что касается социальных явлений, то я на них не останавлиюсь. Я думаю, что вам столько об этом насаждали, что считаю лишним на этом останавливаться. Я думаю, что если крестьянин описывает крестьянина, то он не может не описывать крестьянских интересов. Раз вы крестьянин и живете в деревне, то главные интересы, которыми вы живете, есть крестьянские интересы, поэтому тут незачем вводить политическую искусственность. Разумеется, этим я не хочу сказать, что каждый крестьянин, каждый корреспондент не должен политически оформиться. Один, предположим, партийный, другой нет. Если человек партийный, то у него это в чем выражается? В так называемом

материалистическом миропонимании. Коммунист, это — человек, вооруженный диалектическим материализмом, мир рассматривает в непрерывном движении. Как я раньше уже говорил, весь человек изменяется: сегодня он не то, что он был вчера. Мы рассматриваем мир в его непрерывном развитии. Вот лежит камень. Каждую минуту он изменяется, но так мало, что это незаметно для нашего глаза, точно это часовая стрелка. Это развитие накапливается маленькими долями, микроскопическими дозами. Точно так же государство, общество неуловимо движется вперед, развивается изо дня в день, и это развитие накапливается маленькими, микроскопическими, незаметными частями. А потом, когда накопится достаточное количество революционной энергии и когда для этой революционной энергии нет законных форм выявления, тогда она вырывается революционным кризисом. Вот как у нас: революционная энергия накопилась, а выхода для нее не было, и она прорвалась в революционной борьбе. Если бы у нас был парламентаризм, если бы русский царизм был близок к английскому царизму, возможная вещь, что революционного взрыва у нас и не было бы, потому что у нас не было бы закаленной партии, ибо, как вы знаете, наша партия закалилась в непрерывной борьбе. Наш рабочий класс революционен потому, что ему каждое экономическое завоевание стоило огромных жертв, потому, что для того чтобы улучшить заработную плату на гривенник, рабочему нужно было устроить стачку, его сажали в тюрьмы, и постепенно у него накапливалась ненависть к правительству. Юридическое бесправие, помещичий гнет — все это накапливало ненависть, и не будь этого, может быть не было бы такой резкой формы разрешения. Революционный кризис является только результатом непрерывного накопления народного недовольства изо дня в день. Наше развитие не останавливается ни на одну минуту, сейчас мы имеем огромную разницу между настоящим нашим положением и старым, которое было у нас 10 лет тому назад. Сейчас мы стараемся внести сознательность в наше движение, мы думаем, что мы должны прийти к тому-то и к тому-то, к коммунистическому строительству, к коммунистическому производству. У нас уже есть некоторая система управления, некоторая планомерность и так далее. Стихийность у нас очень сильна, но все-таки уже с тех пор, как пролетариат взял власть, он уже в развитие своего государства успел внести известную планомерность, в то время как буржуазные государства в настоящее время не развиваются планомерно. Ни одно правительство, ни одно европейское государство не стремится вперед, оно только стремится сохранить существующий строй, сохранить то, что есть... В буржуазных государствах каждый человек только отстаивает преимущества одного человека. Так, в Англии каждый человек в отдельности стремится улучшить свое положение, и государство стремится улучшить положение отдельных лиц; таким образом, в конечном счете сумма этих стремлений и является результатом английского государства. Во всех буржуазных государствах каждый по-своему улучшает свое положение, а общего стремления нет. У нас уже заложены первичные начала стремления к улучшению общего положения. Прежде каждый человек только за себя стоял, все развивалось стихийно, и мы подчинялись стихии, а сейчас мы стараемся эту стихию превратить в общее стремление, в стремление сознательное, и это трудная задача, это исключительная задача, которая потребует, может быть, десятилетия. Если мы эту задачу решим, то это будет значить, что мы двинули дело развития человечества вперед в отношении общей культуры, искусства и даже наслаждений и страданий, которые выпадают на долю человека. Все это будет урегулировано, все это будет предопределено. Это такая грандиозная задача, которая требует длительного разрешения.

Так вот, кто коммунист, пусть он свое коммунистическое мировоззрение внесет в каждое явление жизни. Предположим, он описывает какое-нибудь маленькое событие, он сейчас же должен оценить, как коммунист, что это событие — является ли отражением старого или нового. Является ли это событие отражением старого, уже изжитого, погибшего строя, или же оно является отражением новой культурности, новой нарождающейся жизни. Коммунист, если он даже об этом и не будет говорить в своей корреспонденции,

он должен построить ее так, чтобы вы по прочтении чувствовали, что этот факт является новым фактом по своему характеру, или же старым. Ведь коммунист не может этого не дать почувствовать.

Но если корреспондент сознательно будет подчеркивать, что вот, предположим, такое-то явление является новым, то это неудачно будет, потому что этим вы хотите подсказать читателю свою мысль, навязать ему, а это менее всего удастся. Иногда ты этак пишешь, как будто ты посторонний человек, и вывода не делаешь, а читатель сам сделает вывод, и такой же, какой ты сам сделал бы. А если мы будем подсказывать что-нибудь читателю, то он может сказать: «Ишь ты, какой умник, я сам-то не могу, что ли». Он бы и сам подумал бы, а мы уже торопимся ему подсказать. Поэтому я и говорю, что, когда пишешь о классовом расслоении, не нужно на каждом слове повторять «классовая политика», «классовая политика», ведь это становится похоже на «Отче наш». Поэтому классовую линию можно вносить в газету так, чтобы она была незаметным элементом, чтобы классовые выводы вытекали сами собой из вашей корреспонденции, а если мы назойливо подсказываем читателю, то это будет плохая корреспонденция. Если я скажу, что у нас вот такой-то имеет такую-то внешность, чуть-чуть намекну на его благосостояние, как будто это невзначай, коснусь того, что он обидел такого-то, который тоже, упомяну незаметно, беден, покажу эту бедность и так далее, — выйдет как будто я так только рассказал, а сам в стороне, не напрашиваюсь с заранее сделанными и потому менее убедительными выводами.

С внешней стороны пусть кажется, что корреспондент ни к какому классу не принадлежит, а вывод пусть читатель сам сделает. Поэтому я и говорю, что когда говорят о классовой линии, ее надо с большой умелостью проводить. Если мы скажем: такой-то обидел бедняка, а по нем слезу пропустим — это не корреспондент с искрой, а просто начетчик, коммунистический начетчик. У нас их очень много. Они — плохие проводники коммунизма. Коммунизм должен проводить человек, который хотя и не говорит о коммунизме, а слушающий из его рассказа сможет сделать собственным умом вывод. Поэтому я вам здесь и не говорю о коммунизме. Если человек в душе коммунист, то он сам собою, своими воззрениями, своим подходом к явлениям проводит коммунистическую линию. Если крестьянин будет корреспондировать, у него душа крестьянская выразится сама собою. Бывают крестьяне, которые будут защищать английского лорда, но ведь, скажут, и белая ворона бывает, а я таких никогда не видел. (Смех.) Корреспондент, мне кажется, должен по своему развитию быть выше крестьянина. Описывать крестьянскую нужду больно просто, но одно описание крестьянской нужды мало дает. Надо еще выхода искать из крестьянской нужды или по крайней мере указать, что эти нужды являются по тем или иным причинам преходящими явлениями. Потому что если вы только стонете, что бедняку плохо живется, то оттого, что вы стонете, да еще, может быть, плохо стонете, ему легче не будет. Корреспондент должен находить такие перспективы, тот оптимизм и ту надежду, которые дают возможность душе быть уверенной, что эти горести, которые выпадают сейчас на бедняка, что они временны. Корреспондент должен стоять выше крестьянина. Я должен сказать, что он должен быть высокообразованный, не в том смысле, что он окончил университет, а чтобы он умел отражать крестьянские нужды. Он должен стоять выше крестьянской среды. Разумеется, он должен быть политически развит, и мне кажется, что он должен быть коммунист, — по убеждениям, если не формально, — потому что, если он будет серьезен, он придет в конце концов к коммунизму. И только коммунизм, только критическое отношение к наблюдаемым явлениям и понимание их причин и дальнейших перспектив даст ему возможность выявить эти беды, нищету, убожество, обыденность, однообразие крестьянской жизни, которые встречаются в крестьянском доме. Это не значит, что жизнь в деревне не изменяется. Нет, но мало изменяется. И это не опровержение моей, речи. Все это может задушить человека, если он не коммунист.

Вот отсюда задача, чтобы он не затягивался, не оказался простым граммофоном или

фотографической пластинкой, потому что ведь иногда можно хорошо описать крестьянскую нужду и быть просто фотографом, но фотография есть только фотография. А когда художник пишет картину, ты чувствуешь, что как будто пред тобой живой человек. Значит, художник вложил тут душу. И только коммунист сумеет объяснить причины того или иного явления, объяснить, указать пути изжития. Наша задача — не прибавать бедняка к земле, он и так беден, а мы еще будем своими корреспонденциями, плачем прибавать его еще ниже. Это бесполезно. Наша задача — каждого побитого поднять, влить в него душу, которая дала бы ему возможность бороться с нуждой. Это общая задача, которая стоит перед всеми корреспондентами. Повторяю, только фотографического описания нужды — этого еще мало, это нецелесообразно. Моя мысль такая, что, описывая отрицательные картины страдания, неприятностей, которые существуют в деревне, корреспондент должен отыскивать и пути выхода или, по крайней мере, в своих корреспонденциях перед такими людьми находить слова, которые их не прибавали бы к земле, а поднимали бы настроение. Вот, товарищи, что я хотел вам сказать. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

1924

Из работы «10 лет СССР»

В русской литературе сохранились огромные запасы письменных памятников, живописующих тогдашнее положение крестьянина и отчасти рабочего. И, несмотря на то, что в основе большинства этих произведений лежит известная доля сентиментальности (слащавости), несмотря даже на то, что в значительной своей части этим произведениям не чужды розовые краски и что нарисованные ими картины сильно приукрашены в лучшую сторону, они дают ценнейший материал.

Вот описание крестьянской «холопской жизни»:

Плач холопов XVIII века

О, горе нам, холопам, за господами жить.

И не знаем, как их свирепству служить.

А хотя кто и служит, — так, как острая коса;

Видит милость—и то, как утренняя роса.

О, горе нам, холопам, от господ и бедство.

А когда прогневишь их, так отымут и отцовское наследство.

Что в свете человеку хуже сей напасти?

Что мы наживем, — и в том нам нет власти.

Пройти всю подселенную — нет такова житья мерзкова.

Разве нам просить на помощь Александра Невского?

Как нам, братцы, не досадно

И коль стыдно и обидно,

Что иной и равный нам никогда быть не довлеет,

И то видим: множество нас в своей власти имеет.

Во весь век сколько можем мы, несчастные, пожить.

И всегда будем мы, несчастные, тужить.

бнать, прогневалась на нас земля и сверху небо.

Неужель мы не нашли бы без господ себе хлеба?

На что сотворены леса, на что и поле,

Когда отнята и та от бедных доля?

Зачем и для чего на свет нас породили?

Виновны в том отцы, что сим нас наградили.

Противны стали ныне закону господа,

Не верят слугам ни в чем и никогда.

Без выбору нас, бедных, ворами называют,
«Напрасно хлеб едим» — всечасно попрекают,
А если украдем господский один грош,
Указом повелят его убить, как вошь.
Холопей в депутаты затем не выбирают,
«Что могут-де холопы там говорить».

Трудно указать в литературе более реалистическое описание прошлой жизни крестьян, чем то, которое дали сами крестьяне в своем «Плаче холопов»; следовало бы его напечатать в крестьянских газетах полностью и хранить в красных уголках для крестьянской молодежи.

Могут возразить, что ведь эта песня-плач пелась в восемнадцатом столетии, а мы, слава богам, живем в двадцатом.

К сожалению, такое возражение имеет лишь формальное значение. Крепостное право отменено с небольшим полсотни лет назад; наши отцы еще испытывали всю его прелесть на себе.

А разве отмена крепостного права по существу облегчила положение крестьянства? Наоборот, оно стало еще нестерпимее, обострилось еще более.

Да ведь, по совести говоря, русские белогвардейцы типа Кутеповых, Евлогиев, Крупенских, Марковых и иже с ними с упоением и восторгом возвратили бы этот золотой для них век.

Это идеал их, идеал густопсового, махрового помещика.

Да только ли идеал русской черной сотни? Я думаю, не будет большой натяжкой сказать, что этому вполне сочувствуют и внешне культурные «благородные лорды» Англии. В самом деле, чем отличается только что описанное положение русского крепостного крестьянства от положения эксплуатируемого населения в таких английских колониях, как Индия, Африка, на островах Азии и т. д., и т. п.?

Попробуйте перевести эту песню на языки индусов, негров, малайцев и т. д., и можно быть уверенными, они найдут в ней многие и многие черты собственного быта.

А ведь надо сказать, что не только оголтелая буржуазия, но и так называемая «социалистическая» общественность страдают удивительной близорукостью, какой-то буквально обывательской узостью, относя факт борьбы рабочего класса за классовые задачи пролетариата лишь к немногим аристократическим странам Европы, между тем как наиболее яркая и наиболее ожесточенная борьба классов в наше время переносится именно во внеевропейские страны и преимущественно в страны восточные.

Английская забастовка углекопов в 1926 году, как великая забастовка, займет почетное место в истории рабочего движения мира, но все же ее нельзя равнять с китайской революцией, острие которой направлено в самое сердце мирового империализма. И что характерно, на этой революции более всего сказывается опыт русской Октябрьской революции и именно — руководящая роль пролетариата в революции.

Можно смело сказать, — самые блестящие страницы китайской революции вписаны китайскими рабочими. И в современных условиях рабочий сектор Китая в международном рабочем движении занял не менее ответственное место, чем рабочий сектор любой из европейских стран.

В дальнейшем китайское крестьянство, в особенности китайская беднота, на собственном опыте убедится, что его победа возможна лишь под руководством китайских рабочих. И этого сознания, что завоевание достигнуто кровью рабочих и крестьян Китая, никто отнять не сможет.

На эту тему можно было бы писать и говорить бесконечно, тем более что материала для этого более чем достаточно.

Но перейдем от народного эпоса (былин) XVIII столетия к художественной картине последних годов крепостного быта.

Из записок крепостного времени

«Когда молодой барин к нам приехал, их и узнать было нельзя: очень выросли, возмужали, отрастили большие усы и сделались еще красивее прежнего...

Егор Петрович все по комнатам с матерью ходили и расспрашивали о хозяйстве да о своих мужиках.

С виду наш барин казался таким строгим, что, кажется, я бы и подойти к ним не посмела; а наша Дунька была девка отчаянная, — все шмыгала по тем комнатам, где можно было повстречаться с молодым барином. Я тоже раза два (за делом) мимо барина пробежалась, только они меня тогда не заметили — были заняты, с матерью разговаривали.

Наша барыня перед сыном была смиренная и ему тихо отвечала:

— Откуда, Егорушка, я тебе денег возьму? У меня в короткое время было трое похорон, я и Пашу на свой счет хоронила, и эти оба года был неурожай.

В кабинете господина о делах разговаривали, а в девичьей Дунька придумывала, как бы пошутить с барином, — на ночь под одеяло им крапивы положить. А мы с ней ругались, говорили, что она нас всех подведет под господский гнев.

— Не вы будете стлать постель, а я, — говорила Дунька, — я одна буду и в ответе.

Тут я Дуньке сказала:

— Пожалуй, и я помогу тебе рвать крапиву, только, смотри, меня барину не выдавай.

Малаша услышала мои слова и засмеялась:

— Не смотрите, — говорит, — на нашу Акульку, что ей шестнадцать лет, она всех девок перехитрит: из-за чужой спины с молодым барином заигрывает.

Из-за этих слов я с Малашкой начала ругаться, и тут в девичью вошла Ольга Ивановна.

— Вы, — говорит, — девки, не подеритесь из-за молодого барина, лучше посмотрите, какой он мне платок ковровый привез.

Когда Малашка с Аксюшкой начали рассматривать платок, Дунька меня толк в бок и шепчет:

— Сбегай, Акулька, в сад, нарви крапивы... Вечером, когда мы легли спать, я уже знала, что моя крапива лежит в ногах у молодого барина. И вот, лежу я на постели, а у самой от страха сердце бьется: что-то, — думаю, — завтра нам будет.

Дунька рядом со мной лежала, вижу — она встает.

— Куда ты? — спрашиваю.

— Не ложится, — говорит, — хочу посмотреть, спит ли молодой барин.

Я тоже пошла с Дунькой. Шли мы по комнатам в одних рубашках, босиком и на цыпочках. У барина огонь был потушен, а дверь комнаты неплотно приперта; мы к ней сбоку подкрались и заглянули.

В комнату барина месяц смотрел, и от него по всему полу свет лежал.

Барин спал на кровати, покрывшись шелковым одеялом, а возле кровати на полу накинута наша крапива. Посмотрели мы на барина и той же дорогой пошли назад.

На другой день, утром, когда мы, девки, все были в девичьей, вошел молодой барин, остановился на пороге и спрашивает:

— Которая из вас, девок, мне стлала постель? Дунька поднялась из-за пялец и говорит:

— Это я!

От Дуньки я не захотела отстать, подошла к барину и говорю:

— Крапиву я рвала.

Барин сначала взглянули на меня, потом на Дуньку и, усмехнувшись, сказали:

— Какие вы обе смелые — не побоялись своего барина окрапивить! Чем мне вас наказать?

Тут барыня помешала, пришла сына звать чай пить.

— Охота, — говорит, — тебе, Егорушка, с этими дрянными разговаривать.

А сын ей на это:

— Я, маменька, смотрю на ваших девок, между ними есть и красивые, вот хоть бы эта, — и барин указал на меня, — сама беленькая, как снежинка, а глазенки темные и блестят, словно угольки.

А барыня на меня сейчас и накинулась.

— Зачем, мерзавка, без работы стоишь? Если нет глаженья, садись за пяльцы и вышивай, — и, взявши сына под руку, барыня пошла из девичьей.

Потом все утро она ко мне придиралась, под конец, приказала в девичьей затопить печку и выгладить ее новый капот.

Капот был хороший, батистовый; девки вышивали его ровно два года. Я за это время уже выучилась хорошо и скоро гладить и теперь в какой-нибудь час выгладила больше половины капота.

В печке стояло несколько утюгов: один утюг простывал, брала другой. Когда же в капоте мне осталось выгладить только один перед, где была сплошная гладь, в это время мимо окон девичьей шел наш молодой барин; на них было надето черкесское платье, и в руках они держали хлыст.

Я загляделась на барина и забыла, что у меня в руках горячий утюг, прижала его к капоту; когда барин прошел, я вспомнила об утюге и увидела на капоте черное, сожженное пятно; тут я как ахнула!..

— Пропала, — говорю, — я, девушки, погибла я, несчастная, до смерти запрет меня барыня!..

Девки выскочили из-за пялец посмотреть на сожженный капот, а Малашка уже шмыгнула за дверь доложить барыне.

Вижу, что все равно мне погибать.

— Пропустите, — говорю, — меня, девушки, на чердак: я там повешусь.

Уйти я не успела, барыня, как пуля, влетела в девичью и прямо к гладильной доске. Я повалилась ей в ноги.

— Ночей, — говорю, — сударыня, не буду спать, исправлю все, что испортила.

Барыня меня не слушает и только кричит девкам, чтобы те меня раздевали.

Девки мигом с меня стащили набойчатое платье, и я осталась в одной рубашке. —

Скиньте с нее и рубашку, — кричит барыня, — и держите Акульку ко мне спиной.

Девки скинули с меня и рубашку; я осталась как мать родила.

Девки держат меня за руки и за ноги; барыня схватила с гладильной доски горячий утюг, да как им полоснет по моей спине.

Не взвидела я божьего света и заорала на весь дом.

Во второй раз барыня не успела меня полоснуть, — вбежал молодой барин, вырвал утюг из рук матери, швырнул его в угол комнаты, да как закричит на мать:

— Зачем вы, маменька, портите такое красивое тело? Это тело нужно не жечь, а сечь.

Потом барин и на девок закричал:

— Не держите Акульку, выпустите ее руки и ноги.

Девки из своих рук меня выпустили. Я хотела убежать; барин дорогу мне пересек и со всей силы ударил меня хлыстом по груди.

Я взвизгнула и бросилась в угол.

Барин — за мной и опять хлестнул меня.

От барина я бегала то в один угол, то в другой, а барин все хлестал меня и хлестал. Я хотела спрятаться между девок, которые стояли, прижавшись к стене, и дрожали от страха, а те от себя меня отпихивали.

Я пряталась и за барыню, а та сама меня толкала под хлыст. Мое окровавленное лицо и обожженная спина уже так болели, что мне стало томно, и я повалилась на пол.

Очнулась я на кровати у молодого барина. Ольга Ивановна стояла возле меня и прикладывала к моей обожженной спине мокрую намыленную куделю; барин ходили по комнате и говорили:

— Смотри, нянька, хорошенько лечи Акульку, чтобы от ожога пятна не осталось».

Хотя крепостное право формально уже окончилось свыше шестидесяти лет назад, все же типы повести не покрылись тлением истории.

Наоборот, последняя гражданская борьба наглядными картинками показала, что потомки помещиков умеют драться не хуже своих отцов и дедов, но только девственный дедовский

прут они заменили более культурной, а следовательно, и более чувствительной плетью, а спокойное наслаждение предков зрелищем порки перешло в иступленную ненависть потомков к рабочим и крестьянам.

И чем короче у них руки, тем большая жажда охватывает белогвардейцев расправиться со своими вековечными классовыми врагами, т. е. с рабочими и крестьянами.

Когда об этом «далеко прекрасном прошлом» с умилением говорят потомки крепостников, это понятно: паразиты не могут существовать сами по себе, — они тоскуют по живому народному телу, на котором они питались, развивались и которое терзали целые столетия, для них это вопрос жизни или смерти.

Но ведь в одном военном лагере с ними находятся меньшевики и все так называемые народнические партии — от Мякотина до Чернова, от Чернова до крайних левых эсеров включительно, — партии, мнящие себя монополистами по охране так называемой «демократии». Неужели же кто-нибудь всерьез поверит, что союзники меньшевиков справа являются вместе с этими меньшевиками защитниками «демократии»? Таких наивных людей в Союзе сейчас вряд ли найдешь.

Крепостничество — их идеал, за который они борются по силе возможности.

Всякий, входящий с крепостниками-белогвардейцами в то или иное политическое соглашение, тем самым принципиально считает их идеал для себя более приемлемым, чем советский строй, — как бы этого ни опровергали наши «демократические» противники.

Партии меньшевиков и эсеров, когда-то, в пережитом прошлом, революционные, на словах борются за демократию, а на деле вступают в теснейший контакт с реакционерами и крепостниками всех мастей, как русских, так и международных, т. е., иными словами, оправдывают, защищают, содействуют крепостничеству, независимо от перемены внешней формы крепостничества.

Враги Советов заорут, что мы хотим пугать старым призраком, что о крепостном строе не помышляют не только мелкобуржуазные, но даже и крайние реакционеры Кутеповы, и что поэтому нечего зря шевелить покойников.

Конечно, правильно, что мертвого не воскресишь, как бы этого многим ни хотелось. Но дело в том, что именно по этому-то мертвом плачут и мечтают политические друзья меньшевиков и эсеров.

Оставим и мы крепостной быт, ведь он нами только "И приведен в напоминание, к чему стремятся и чем дышат в своей злобной мстительности и крепостнической ненависти к народной «черни» реакционеры.

Перейдем к так называемому пореформенному периоду, который близок не только нашим отцам, но и непосредственно нам.

Я останусь столь же скупым на картины и этого времени, чтобы никому не представилось излишнее сгущение красок недавнего прошлого.

«— Вы пашни больше берите, — увещевал он крестьян: — в ней вся надежда. За лесом не гонитесь, а я сучьев на протопление и валежнику на лучину хоть задаром добрым соседям отпущу. Лугов тоже немного вам нужно, — у меня пустошей сколько угодно есть. На кой мне их шут, только горе одно... хоть даром косите.

Словом сказать, так обставил дело, что мужику курицы выпустить некуда. Курица глупа, не рассуждает, что свое, а что чужое, бредет туда, где лучше, — за это ее сейчас в суп.

Ищет баба курицу, с ног сбилась, а Конон Лукич молчит.

— Вы, что ли, Конон Лукич, курицу взяли? — пристаёт она к барину.

— Не знаю; видел я давеча курицу у себя в огороде, а твоя ли, моя ли, — Христос их разберет.

— Куда же она девалась?

— Должно быть, в суп ко мне попала. Не ходи в огород, — за это я не только чужой, но и своей курице потачки не дам.

Что бабе делать? Не судиться же из-за курицы. Обругает барина, да он уже обтерпелся. В глаза его «мучителем» зовут, а он только опояску на халате обдергивает.

И полеводство свое он расположит с расчетом. Когда у крестьян земля под паром, у него — через дорогу овес посеян.

Видит скотина — на пару ей взять нечего, а тут же чуть не под самым рылом целое море зелени. Нет-нет, да и забредет в господские овсы, а ее оттуда кнутьями, да с хозяина штраф. Потравила скотина на гривенник, а штрафу рубль.

— Хоть все поле стравите, мне же лучше, — ухмыляется Конон Лукич: — ни градобитиев бояться не нужно, ни бабам за жнитво платить.

Однако он настолько добр, что денег за штрафы не требует.

— Мне на что деньги, — говорит он; на свечку богу да на лампадное маслице у меня и своих хватит. А ты вот что, друг: с тебя за потраву следует рубль, так ты мне вместо того полдесятинки вспаши да сдвой, а уж посею я сам. Так мы с тобой по-хорошему и разойдемся.

— Мучитель вы наш, Конон Лукич.

— Ты говоришь «мучитель», а я говорю: правило такое есть — на чужую собственность не заглядывайся. Я к тебе не хожу, ты ко мне не ходи. Знаешь ли ты, что такое собственность? Ею, друг, государство держится. Потому всякому своего жаль, так, стало быть, и чужого касаться не следует. Все друг о дружке живут; я тебя берегу — ты меня, потому что у каждого есть собственность. А ежели кто это забывает, значит, тот и государству изменник, да и вообще... ну, просто, значит, ничего не стоящий человек. Словом сказать, и потравы и порубки не печалят его, а радуют. Всякий нанесенный ему ущерб оценен заблаговременно, на все установлена определенная такса. Целый день он бродит по полям, по лугам, по лесу, ничего не пропустит и словно чутьем угадает виновного. Даже ночью одним ухом спит, а другим прислушивается.

На первых порах после освобождения он завалил мирового посредника жалобами и постоянно судился, хотя почти всегда проигрывал дела. Но крестьянам даже выигрывать надоело; выиграешь медный пятак, а времени прогуляешь на рубль. Постепенно они подчинились; отводили душу, ругая Лобкова в глаза, но назначенные десятины обрабатывали исправно, не кривя душой. Чего еще лучше.

Другое подспорье, это — система так называемых одолжений. У мужика к весне и хлеб и сено подошли, а Конон Лукич всегда готов по-соседски одолжить.

— Одолжили бы, сударь, пудика два мучки до осени! — кланяется мужичок.

— С удовольствием, друг! И процента не возьму: я тебе два пуда, и ты мне два пуда — святое дело.

Известно, за благодарность ты что-нибудь поработаешь... Что бы, например, ну, например, хозяйка твоя с сношеньками полдесятинки овса мне сожнет. Ах, хороша у тебя старшая сноха... я-адренная.

— Помилуйте, Конон Лукич, полдесятинки овса сжать, — мало-мальски два с полтиной отдать нужно.

— Это ежели деньгами платить, а мне — за благодарность. Я ведь не неволю: мне и гуляючи отработаете. Наступит время, поспеет овес, бабыньки-то твои и не увидят, как шутя полдесятинки сожнут.

За первым мужичком следует другой, за другим — третий и т. д. У всех нужда, и всех Конон Лукич готов наделить. Весной он обеспечивает себе обработку и уборку полей. С наступлением лета он точно так же обеспечивает уборку сенокоса.

Здесь ему приходит на помощь третье, отличное подспорье — пустошь.

— Берите у меня пустоша... — советует он мужикам, — я с вас ни денег, ни сена не возьму, — на что мне. Вот лужок мой всем миром уберете, — я и за то благодарен буду.

Вы это тут на гулянках сделаете, а мне — подспорье.

— Всё на гулянках, да на гулянках. И то круглый год гуляем у вас, словно на барщине, — возражают мужички: — вы бы лучше, как и другие, Конон Лукич, за деньги, либо исполу...

— Что вы, Христос с вами, да мне стыдно будет в люди глаза показать, если я с соседями

на деньги пойду. Я — вам, вы — мне, вот как по-христиански следует. А как скосите мне лужок, я вам ведро поставлю да пирожком обделю, — это само собой. Словом сказать, благодаря подспорьям, гуляют у него мужики на работе, а он пропитывается».

Но дальше, дальше от крепостного времени.

Дадим себе небольшой отдых, передышку на временах так называемых «великих реформ». Наверху шли реформа за реформой по благодетельствованию крестьянства, превращению его в равноправного гражданина России, а на низах...

«Пропустивший «сроки» распясовец ослаб духом совершенно; он, очевидно, потерял все... Закончив долголетнюю историю своего терпения и бедности сознанием своего ничтожества, такого ничтожества, которое может быть во всякое время выкинуто вон, как сор, распясовец чувствовал внутри себя полный разгром и стал пропивать все, что оставалось, стал воровать, — до того, что прямо подходил к проезжему купцу и говорил: — Ну, что ж, купец, давай на чаек-то!

— За что?

— А за разговор. Мало тебе этого. Вынимай-ка желтую бумажку!

И вот в такую минуту падения, грозившего потопить распясовца в море самой крайней нищеты, однажды по осени, в самое трудное для распясовцев время, когда приходилось вносить недоимки, — в маленькой тележке, запряженной добрым меринком, появился Иван Кузьмич вместе с управляющим.

Они, очевидно, объезжали и осматривали «округу». Меринок шел свободно и весело по дороге. Иван Кузьмич просто и прямо оценивал: «что чего стоит», и скоро стало известно, что «купец снял» у барина «все» — и лес дремучий, и реки, и поля, все, все до нитки.

Скоро новорас-поясовцы узнали, что и их Иван Кузьмич тоже «снял» всех до единого: полтина в сутки пешему и рубль конному: «кто хочет по этой цене идти на станцию за пятнадцать верст принять оттуда паровик — иди».

Такова была прокламация Ивана Кузьмича к народу».

Капитализм делал свое дело: на низу шло первоначальное капиталистическое накопление, с одной стороны, усиленным темпом выращивало кулачешкий деревенский слой, а с другой разоряло рядовое крестьянство. Сотни тысяч самостоятельных крестьян превращались в пауперов (нищих), в бесхозяйственных крестьян, массами направляющихся в города, на окраины России и в эмиграцию. В то же время в городах и отдельных селах на дешевой рабочей силе шло развитие фабрик, заводов, крупных кустарных ремесел.

Между деревней и фабрикой росли связи по рабочей линии. Борьба рабочих, очень быстро перешедшая от простой экономической борьбы за свои непосредственные цеховые интересы в политическую борьбу с царизмом, не могла не отразиться на крестьянстве.

Расстрелы на Обуховском заводе в Петербурге, огромные южные забастовки вызвали довольно сильное крестьянское движение, которое в Харьковской губернии вылилось в разгром помещичьих имений. Окончилось оно печально: тысячи крестьян были выпороты харьковским губернатором, князем Оболенским, и высланы в северные губернии; разумеется, традиционная порка не только не уменьшила революционного движения, а, наоборот, расширила и углубила его.

Начиная с девятисотых годов, в числе политических ссыльных нередко стали появляться и крестьяне, не только за участие в аграрных беспорядках, но и за «систематическую противоправительственную работу...»

В деревне повеяло новым духом.

Все больше стало появляться людей, задумывающихся над общественными вопросами и предпринимающих те или иные шаги в разрешении так называемых «проклятых вопросов», т. е. вопросов исключительно тяжелого экономического положения крестьянства и его политического бесправия.

Из этого общественно-высшего слоя крестьянства в значительной степени выходили

прозелиты, новые люди революционных партий.

В атмосфере запахло грозой.

Приближался пятый год, предвестником которого появился «Буревестник» М. Горького; между прочим, Горьким же отмечено и появление новых революционных типов в деревне. Война с Японией дала новый толчок развивающейся революционной мысли в деревне. Сотни тысяч крестьян наглядно увидели внутреннюю гниль царского режима, и, наконец, наступил пятый год, когда пролетариат в кровавой схватке потряс до основания остов царизма.

Говорят, что деревня не пришла своевременно на помощь пролетариату, а это и послужило главной причиной поражения революции пятого года.

Конечно, эта точка зрения — верная, но если учесть всю совокупность тогдашних деревенских условий, то станет понятным опоздание аграрного движения.

Во всяком случае запоздание крестьянского движения от рабочего и необходимость их сочетания для свержения царизма и остатков крепостничества дали возможность сказать тогда Ленину:

«Действительный мелкобуржуазный характер современного крестьянского движения в России не подлежит сомнению; мы должны разъяснять это всеми силами и беспощадно, непримиримо бороться со всякими иллюзиями всяких «социалистов-революционеров» или примитивных социалистов на этот счет.

Особая организация самостоятельной партии пролетариата, стремящейся через все демократические перевороты к полной социалистической революции, должна быть нашей постоянной, ни на минуту не упускаемой из виду целью. Но отворачиваться поэтому от крестьянского движения было бы самым безнадежным филистерством и педантизмом.

Нет, революционно-демократический характер крестьянского движения несомненен, и мы должны всеми силами поддерживать его, развивать, делать политически сознательным и классово-определенным, толкать его дальше, идти вместе с ним, рука об руку до конца, — ибо мы идем гораздо дальше конца всякого крестьянского движения, мы идем до полного конца самого деления общества на классы.

Вряд ли найдется другая страна в мире, где бы крестьянство переживало такие страдания, такое угнетение и надругательство, как в России.

Чем беспросветнее было это угнетение, тем более могучим будет теперь его пробуждение, тем непреоборимее будет его революционный натиск.

Дело сознательного революционного пролетариата всеми силами поддерживать этот натиск, чтобы он не оставил камня на камне в старой, проклятой, крепостнически-самодержавной рабьей России, и чтобы он создал новое поколение свободных и смелых людей, создал новую республиканскую страну, в которой развернется на просторе наша пролетарская борьба за социализм».

Здесь, собственно говоря, новы не мысли, высказываемые Лениным (он их придерживался и развивал их с самого начала своей революционной деятельности), а сама обостренная форма их постановки, — обычная манера Ленина: дать постановку, лозунг, которые по своей ясности не могли бы подвергаться различному толкованию.

Филистерством и педантизмом, т. е. близорукостью и чисто формальным подходом к крестьянству: раз, мол, крестьянское движение в основе своей мелкобуржуазно, то рабочему не с кем тут связываться в своей классовой борьбе. Против такого формального толкования мелкобуржуазной сущности крестьянского движения Ленин и боролся в то время с меньшевиками.

Меньшевики запугивали рабочий класс, что он останется одинок, без союзника. По существу, меньшевики толкали этим рабочий класс к революционному бездействию, к неверию в совместную победу с крестьянами.

Так партия пролетарского авангарда, в лице Ленина, ребром поставила вопрос: если крестьяне хотят выбраться из царистско-капиталистической кабалы, то для них выход только один — не оставить камня на камне в старом мире.

Интересно посмотреть, как сами крестьяне к этому времени смотрели на положение вещей.

Вот как пишет писатель Муйжель, излагая жалобу помещика Лаптева, обращающегося к старшине и его писарю:

«— Не дойдет. Вы говорите, не дойдет. Нет-с, уже дошло. Да-с, я вам говорю, что дошло. Извольте поглядеть: аренды не берут, надеются на что-то, слухи разные ходят, слова разные говорят: «Ты, — говорит, — где живешь — на небе, ай на земле? Уши у тебя золотом завешены».

— Да-с, значит, мысль, намерение, т. е., есть.

— А, недалеко ходить, и действия проявляться стали-с?

— Третьего дня, — Лаптев умолк на минутку, как бы собираясь поразить эффектом, — третьего дня у меня с Тимкина Лога — запащиков я туда послал — сохи и бороны в болото закинули... Да-с. Это — не дойдет. А вы, начальство, сидите, смотрите, — злорадно добавил он, сорвав очки, снова стал крепко и сердито протирать их.

— Я доложу, — забеспокоился старшина, и по сузившимся, ушедшим внутрь карим глазкам его Лаптев видел, что он напугался, — я доложу господину земскому начальнику... Это что же такое, это самоуправство, это действительно уже началось... Я обязательно доложу... Как вы думаете, Василь Иваныч, надо доложить, а? — обратился он к писарю.

Писарь помолчал, пожевал губами и солидно промолвил:

— Да, дело серьезное... Доложить требуется.

— Так нельзя, — говорил старшина, ерзая на твердом деревянном диване и беспомощно оглядываясь, — эдак они действительно... Батюшка давно говорил... И слухи тоже. Вон, в Сонинской-то...

Лаптев поднялся.

— А вы, со своей стороны, Петра Мосеич, — говорил старшина, — уж будьте добры, увидите господина земского начальника, уж не забудьте сказать... Я от себя, а вы от себя... Действительно, эдак они...

— Я скажу... Или я напишу ему лучше, — успокоил его Лаптев, — а покуда что...

— До свиданья, до свиданья... Так вы уж не забудьте, — твердил старшина, провожая его на двор, и в маленьких едких глазах его бегало трусливое беспокойство. — Ну, времена настали!.. Лаптев только махнул рукой в ответ и сел в дрожки.

В тот же вечер он отправил с Мишуткой, двенадцатилетним внуком кухарки, земскому начальнику письмо, в котором, жалуясь на мужиков, он, как дворянин и собственник, считает своим долгом предупредить, что от них можно ожидать всего. К тому же в народе ходят разные превратные толкования, и, памятуя пример соседней губернии, где бунты разрослись до того, что у помещиков были сожжены хлеб и амбары, он имеет честь доложить о вышеизложенном господину земскому начальнику.

Старшина, очевидно, со своей стороны доложил, потому что результат вышел самый неожиданный и для старшины, и для Лаптева, и для добрывичских мужиков, напугавших всех, как начало чего-то нового и страшного, нарушившего течение привычной жизни.

В деревню были вызваны казаки».

Несмотря на относительную мягкость тонов, которую дает своему описанию Муйжель, в них все же чувствуются огромные вождедения крестьян насчет помещичьей земли: желание взять ее захватным порядком и расправиться по-плебейски с помещичьим классом. Как видно, за 25— 50 лет произошел огромный сдвиг.

1927

Речь на торжественном заседании, посвященном юбилею А. М. Горького

С чувством глубокой радости я исполняю поручение ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР, передаю самый горячий привет Максиму Горькому. Я не стану перечислять того, что сделал Горький за сорок лет своей литературной, общественной и политической деятельности в интересах трудящихся. Сделано им много и сделано хорошо. Наше горячее пожелание, чтобы эта деятельность Горького продолжалась еще долгие и долгие годы. Да здравствует Максим Горький!
1932

Молодежь в прошлом

Из книги «Славный путь комсомола. (К 20-летию ВЛКСМ)

Юношеские годы считаются лучшим периодом в жизни человека. Да это и естественно. Ведь в эти годы роста организма человек особенно чувствует избыток физических сил и гибкость тела, быстрым темпом обогащается ум, расширяется горизонт его познания. Интенсивная физическая и психологическая жизнедеятельность влечет человека к героике, к товариществу, к желанию бороться за счастье людей. Гордое стремление овладеть «истиной мира»...

...жду от духа слов и сил,
Чтоб мне открылись тайнства природы,
Чтоб не болтать, трудясь по пустякам,
О том, чего не ведаю я сам,
Чтоб я постиг все действия, все тайны,
Всю мира внутреннюю связь;
Из уст моих чтоб истина лилась —
Не слов пустых набор случайный!

Но эти присущие молодежи черты подвергаются сильнейшему влиянию окружающей среды. Народ это отметил поговоркой: «С кем поведешься, от того и наберешься». Классовая принадлежность, как правило, кладет свой отпечаток на характер человека, на его поступки, на его отношение к людям, и потому на окружающую обстановку он смотрит через призму интересов своего класса.

Всем известно, что в прошлом молодежь даже господствующих классов была более революционна, чем взрослое поколение этих классов, из ее среды выходило значительное количество бойцов за дело народа. Да и вообще я не знаю ни одной революции, ни одного народного движения, в котором бы молодежь активно и в значительном количестве не принимала участия. Чем это можно объяснить?

Сущность классового общества дает этому достаточное объяснение. Классовое общество базируется на угнетении трудящихся господствующим классом. Поскольку господствующий класс непосредственным насилием укрепляет свое господство над угнетенными, значит и вся надстройка классового общества — от аппарата государственной власти до бытовой обстановки в самом господствующем классе — приспособлена к угнетению, которое в известных формах распространяется и на молодежь, и потому у нее чаще всего проявлялась тревога за смысл существующего.

Молодой Н. Огарев выразил это словами:

Чего хочу?, чего?.. О! Так желаний много,
Так к выходу их силе нужен путь,
Что кажется порой — их внутренней тревогой
Сожжется мозг и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвигов хочу,
Еще хочу любить с безумною тоскою,
Весь трепет жизни чувствовать хочу!

И сейчас в классовом обществе молодежь господствующих, эксплуататорских классов находится далеко не в лучшем положении. Даже государство к ней относится недоверчиво, подозрительно. Недаром в самых демократических странах капитала при выборах, в особенности в верхние палаты, возрастной ценз повышается до сорока лет. Служба начинается с самых незначительных должностей, и, чтобы двигаться вперед, молодой человек должен обладать качествами прислуживания, внешнего благоговения перед старшими чинами. В русской литературе такой тип чиновника ярко выведен Грибоедовым в «Горе от ума» в лице Молчалина, который говорит:

Мне завещал отец:

Во-первых, угождать всем людям без изъятия;

Хозяину, где доведется жить,

Начальнику, с кем буду я служить,

Слуге его, который чистит платье.

Швейцару, дворнику, для избежания зла,

Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Впоследствии это имя стало нарицательным, как чиновника — подхалима и пролазы, который считает, что:

В мои лета не должно сметь

Свое суждение иметь.

Чиновники типа Молчалина пользуются поощрением и поддержкой сильных мира во всех капиталистических странах.

В быту молодежь подвергается еще большему угнетению. Мораль господствующих, эксплуататорских классов — это мораль рабовладельца, крепостника, капиталиста. В ней столько преступлений и грязи, что она неизбежно захватывает своими отвратительными чертами людей своего класса, в том числе молодежь. Почти все молодое поколение находится в материальной зависимости от главы семьи. Эта материальная зависимость распространяется не только на детство, но и на многие годы зрелого возраста. Богатые отцы смотрят сквозь пальцы, когда так называемая золотая молодежь бросает тысячи на разгул, на разврат. Но попробуй сын такого отца израсходовать гроши на революционное дело, — из ста случаев в девяносто девяти он лишается средств, подвергается остракизму. Невежественная родительская власть над юношеством исключительно ярко выражена в комедии Фонвизина «Недоросль», где Простакова говорит: «Мне очень мило, что Митрофанушка вперед шагать не любит. С его умом, да залететь далеко, да и боже избави!.. Митрофанушка, не учишь этой дурацкой науке... Друг мой, коли ученье так опасно для твоей головушки, так по мне перестань».

...Современник Фонвизина А. Н. Радищев — протестант, мужественный поборник свободы и «рабства враг», как называл его Пушкин. Хотя в то время молодому человеку было более чем трудно бороться с Простаковыми — Приплодинами — Скотининными и вообще «проти против начальственного режима», Радищев показал изумительную нравственную чистоту и самоотверженность в борьбе с «зверями алчными и пиявицами ненасытными». Это он со страстью изобличал крепостное право: «Се жребий заклепанного во узах, се жребий заключенного в смрадной темнице, се жребий вола в ярме!» Это он открыто выступал против царского самодержавия и заявил во всеуслышание, что «самодержавство есть наипротивнейшее человечеству состояние». Вот эти причины толкали и до сих пор в капиталистических странах толкают наиболее даровитую и честную молодежь на протесты, на революционные действия. Их можно проследить и в русской истории. Например, восстание декабристов в 1825 году было отчасти навеяно идеями молодого офицерства, побывавшего во Франции в кампанию 1813—1814 годов. Но все эти протесты и революционные действия имели в виду лишь изменение форм и методов эксплуатации и классового господства, а не уничтожение всякой эксплуатации и классов вообще.

Разночинная молодежь — дети попов, дьячков, мелких чиновников, торговцев, крестьян,

учителей, врачей и т. п. — выдвинула из своей среды замечательных борцов за народное дело, которые зачастую выступали тогда одновременно «поэтами и социалистами». Такие разночинцы, как Белинский, Чернышевский, Добролюбов, заняли выдающееся место и в литературе и на арене классово-борьбы. Они были настоящими властителями дум передового общества своего времени. Уже в двадцатилетнем возрасте Чернышевский объявил себя «партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев». Он был глубоко уверен в том, что в России «скоро будет бунт», он был готов «непрерывно участвовать в нем», его не смущали ни трудности народной революции, ни ее зигзаги, ни кровь и беспощадность гражданской войны. Вместе с ним Добролюбов громил царский режим и трусливо-угодливый либерализм. Они были революционными демократами и вождями крестьянской революции.

Дикие драмы вражды «отцов» и «детей» описывает Максим Горький, опираясь на свои многолетние наблюдения жизни и быта мещан. «Как только в юноше того времени пробуждался серьезный интерес к вопросам жизни и обнаруживалось естественное стремление в сторону критики тяжелого, темного быта, — вокруг «критически мыслящей личности» создавалась атмосфера враждебной настороженности отцов, возникали подозрения в «измене старине», затем следовало «внушение истины» кулаком, палкой, вожжами, розгами. Кончалось это «внушение» чаще всего тем, что человека забивали в «первобытное состояние», то есть отцы делали из него «себе подобного» мещанина. Если же молодой критик оказывался упрямым, — его вышибали из семьи в пространство, где он очень редко находил место и время для дальнейшего развития критического отношения к действительности и где у него не было защитника, какого он имел бы теперь в лице рабочего класса».

«...Помяловского за время его учения в семинарии секли розгами около 400 раз. Левитов был выпорот в присутствии всего класса; он рассказывал Каренину, что у него «выпороти душу из тела» и что живет он, «как будто чужой сморщенной душой». Кушевский написал рассказ об одном литераторе, которого отец отпускал в столицу «на оброк» — так же, как помещики отпускали крепостных, и если сын не присылал ему денег, он требовал его в деревню и там сек. Сам Кушевский работал грузчиком на Неве, упал в воду, простудился, написал свой роман «Николай Негорев, или благополучный россиянин» в больнице, ночами, покупая огарки свечек на больничный паек, затем он спился и умер, не дожив до 30 лет».

В семидесятых — восьмидесятых годах в подпольных революционных кружках рядом с разночинцами стала появляться и рабочая молодежь. Классы нового, капиталистического общества в России все больше и больше дифференцировались, зарождалось классовое самосознание пролетариата, в развитии которого огромную роль сыграла молодежь из социалистической интеллигенции, выступившей с проповедью учения Маркса и Энгельса. В 1883 году Плеханов создал в Швейцарии группу «Освобождение труда», которая теоретически обосновала социал-демократию и сделала шаг навстречу практическому рабочему движению в России.

1938

О некоторых вопросах агитации и пропаганды

Речь на совещании секретарей обкомов комсомола по пропаганде 28 сентября 1942 г.

Товарищи! Я не стану касаться организационных вопросов работы комсомола, — это уж ваше дело, вы сами решите, какая форма работы вам лучше подходит, — я же коснусь вопроса о формах агитации и пропаганды на сегодняшний день.

Сейчас я смотрю на комсомол несколько иначе, чем прежде. До войны я смотрел на комсомольцев как на зеленую молодежь, которой хочется погулять, повеселиться и не особенно хочется затруднять голову очень умными вопросами, как на молодежь, которая

должна расти и физически укрепляться, чтобы стать в свое время зрелыми людьми и чтобы старость наступила возможно позднее.

Но вот началась война. Ясно, что теперь у комсомола, да и не только у комсомола, но и у всех людей, жизненный опыт приобретается гораздо быстрее. Поэтому, если сравнить наш комсомол с комсомолом других стран, то, конечно, наш комсомол гораздо более зрелый, и эта зрелость повышает возраст. В самом деле, теперь семнадцатилетние ребята должны уже готовиться в армию. Я говорю — готовиться. Когда их призовут — это другой вопрос, но они уже думают о вступлении в ряды Красной Армии.

А вся окружающая обстановка? Ведь агитация должна приспособливаться к окружающим условиям. Сейчас в нашей стране, особенно в деревне, комсомол является весьма сильной общественной организацией. Ясно, что комсомол сейчас принимает куда большее участие в общественной, политической, экономической и культурной жизни страны, а главное он в массе участвует в войне и, само собой разумеется, в агитации и пропаганде. И все это ему приходится проводить не только среди молодежи, но и среди всего населения. Таким образом, вы видите, что политическое значение комсомола сейчас выше, чем это было до войны. И поэтому комсомол должен вести большую работу по агитации и пропаганде и лучше овладевать ее формами.

Каждый исторический момент требует своей особой формы агитации и пропаганды.

Несомненно, что в настоящее время у нас формы агитации не могут быть такими же, какими они были, предположим, два года тому назад. И это естественно. Если мы придем сейчас в массы с такими же формами агитации и пропаганды, как прежде, то они окажутся малодейственными, они не создадут у населения того впечатления, какое производили до войны. Например, если бы мы пришли на колхозное собрание какого-либо большого села и там выступили бы с речью, пересыпанной веселыми вставками, анекдотами или напыщенной, то два года тому назад эту речь, может быть, и встретили бы с удовольствием, посмеялись бы, поаплодировали, народ остался бы и доволен. А можно ли сейчас выступить с такой речью? Конечно, нельзя. Сейчас народ переживает большие невзгоды; много людей, которые потеряли близких им лиц; население сейчас выполняет огромную и очень тяжелую работу, а удовлетворение его потребностей сильно ограничено. Жизнь стала суровой. Люди стали сосредоточеннее, задумчивее.

Следовательно, агитация и пропаганда должны соответствовать сложившейся обстановке и настроению людей.

Но какие же должны быть формы агитации и пропаганды и где их искать руководителям комсомола по агитации и пропаганде? Где их искать, на каких примерах следует учиться? Надо сказать, что наша пресса небогата еще новыми формами агитации и пропаганды; она начинает только все более и более выявлять их. А где же больше учиться, как не у прессы, где выступают наиболее квалифицированные люди? Разумеется, самым лучшим материалом для агитаторов сейчас являются военные корреспонденции. Это естественно: ведь сейчас нет жизни вне войны. У населения нет переживаний, не связанных в той или иной мере с войной, с ее успехами и неудачами. В связи с этим и вы, руководители пропаганды среди молодежи, свое главное вдохновение в агитации и пропаганде должны черпать и из этих источников.

Есть ли такая возможность, имеются ли образцы для использования в агитационной работе?

Я считаю, что есть, хотя их и немного. Но с каждым днем в прессе появляется все больше зрелых статей, из которых уже можно черпать материал, можно до известной степени подражать им, учиться на них. Разумеется, когда я говорю — подражать, то речь идет не о механическом подражании: это малодейственный способ, а подражать нужно с известной переработкой, применительно к местным условиям, к данной категории населения, к характеру той аудитории, перед которой вам приходится выступать.

Я считаю статьи Тихонова и Симонова хорошими, например, военными корреспонденциями; в военных изданиях есть материал агитаторам. Вот вы все хотите

приехать в Москву и получить тут помощь и указания, как агитировать. Но ведь трудно указать это, да и как можно передать, показать формы агитации? Каждый человек по-своему строит ее. Я считаю, что главный источник, где можно учиться агитации и пропаганде, — пресса. Я уже не говорю об официальных статьях, которые определяют содержание и общеполитическую линию пропаганды, очерчивают круг тех вопросов, которые стоят перед нами, — укажу лишь на те новые формы, которые появляются в нашей печати. Не знаю, читали ли вы последнюю статью Симонова «Дни и ночи». Я должен сказать, что она хорошо построена. Вообще его статьи дают реальную картину боев. В последней статье соблюдены все пропорции и соотношения. Статья написана сдержанно. С внешней стороны это как будто бы сухая хроникерская запись, а по существу — это работа художника, картина, долго не забываемая. Надо отдать должное — Симонов первый написал о борьбе сталинградских рабочих, особенно рабочих Тракторного завода, а ведь это имеет большое общественно-политическое значение. Привожу его текст:

«В городе нет теперь просто жителей — в нем остались только защитники. И что бы ни было, сколько бы заводы ни вывезли станков, цех всегда остается цехом, и старые рабочие, отдавшие заводу лучшую часть своей жизни, оберегают до конца, до последней человеческой возможности эти цехи, в которых выбиты стекла и еще пахнет дымом от только что потушенных пожаров.

— Мы здесь не все отмечали, — кивает на доску директор. Он начинает рассказывать о том, как несколько дней назад немецкие танки прорвали в одном месте оборону и устремились к заводу. Известие об этом поступило на завод. Надо было чем-то срочно, до ночи, помочь бойцам и заткнуть прорыв. Директор вызвал к себе начальника ремонтного цеха. Он приказал как можно скорее закончить ремонт тех нескольких танков, которые были уже почти готовы. Люди, сумевшие своими руками починить танки, сумели в эту рискованную минуту сесть в них к стать танкистами.

Тут же, на заводской площадке, из числа ополченцев — рабочих и приемщиков — было сформировано несколько танковых экипажей. Они сели в танки и, прогрохотав по пустому двору, прямо через заводские ворота поехали в бой. Они были первыми, кто оказался на пути прорвавшихся немцев у каменного моста через узкую речку. Их и немцев разделял огромный овраг, через который танки могли пройти только по мосту. Но как раз на этом мосту немецкую танковую колонну встретили заводские танкисты.

Завязалась ожесточенная артиллерийская дуэль. Тем: временем немецкие автоматчики стали переправляться через овраг. В эти часы завод против немецкой пехоты выставил свою, заводскую — вслед за танками в овраге появились два отряда ополченцев. Одним из этих отрядов командовали начальник милиции Костюченко и декан кафедры механического института Пащенко, другим управляли мастер инструментального цеха Попов и старый сталевар Кривулин. На обрывистых скатах оврага завязался бой, часто переходивший в рукопашную. В этих схватках погибли старые рабочие завода: Кондратьев, Иванов, Володин, Симонов, Момотов, Фомин и другие, имена которых сейчас повторяют на заводе.

В этот день окраина заводского поселка преобразилась. На улицах, выходивших к оврагу, появились баррикады. В дело пошло все: котельное железо, броневые плиты, корпуса разобранных танков. Как в гражданскую войну, жены подносили своим мужьям патроны, и девушки прямо из цехов шли на передовые и, перевязав раненых, оттаскивали их в тыл. Многие погибли в тот день, но этой ценой рабочие ополченцы и бойцы задержали немцев до ночи, когда к месту прорыва подошли новые части».

Разве не хороша эта правдивая картина боев за Сталинград?

«Пустынны заводские дворы. Ветер свистит в разбитых окнах. И когда близко разрывается мина, на асфальт со всех сторон сыплются осколки выбитых стекол. Но завод дерется так же, как дерется весь город. И если к бомбам, к минам, к пулям, к опасности вообще можно привыкнуть, — то, значит, здесь к ней привыкли. Привыкли так, как

нигде».

В этой же статье товарищ Симонов показал переживания людей. Вот один эпизод с девушкой-санитаркой из Днепропетровска, которая сопровождает транспорты раненых через Волгу. «Рядом со мной на краю паром сидела 20-летний военфельдшер — девушка-украинка по фамилии Щепеня, с причудливым именем Виктория. Она переезжала туда, в Сталинград, уже четвертый или пятый раз...

Паром уже приближался к сталинградскому берегу.

— А все-таки каждый раз немножко страшно выходить, — вдруг сказала Виктория. — Вот меня два раза ранили, и один раз очень тяжело, а я все не верила, что умру, потому что я же еще не жила совсем, совсем жизни не видела. Как же я вдруг умру?

У нее в эту минуту были большие грустные глаза. Я понял, что это правда: очень страшно в 20 лет быть уже два раза раненной, уже пятнадцать месяцев воевать и в пятый раз ехать сюда, в Сталинград. Еще так много впереди — вся жизнь, вся любовь, может быть даже первый поцелуй — кто знает! И вот ночь, сплошной грохот, горящий город впереди, и двадцатилетняя девушка едет 128 туда в пятый раз. А ехать надо, хотя и страшно. И через 15 минут она пройдет среди горящих домов и где-то на одной из окраинных улиц, среди развалин, под жужжание осколков будет подбирать раненых и повезет их обратно, и если перевезет, то вновь вернется сюда в шестой раз».

Писатель мог бы представить храбрую девушку, не знающую ни страха, ни сомнений, как у нас обыкновенно бывает, но он показал человеческие чувства, человеческие переживания. Данная картина — замечательный материал для агитаторов и пропагандистов.

Характерно отметить, как в этой статье поставлен вопрос о славе и героизме. Я беру это для сравнения с тем, как подходят к этому вопросу другие корреспонденты.

Симонов пишет:

«Да, здесь (в Сталинграде) трудно жить, и даже больше того: здесь невозможно жить в бездействии. Но жить, сражаясь, жить, убивая немцев, — так жить здесь можно, так жить здесь нужно, и так жить мы будем, отстаивая этот город среди огня, дыма и крови. И если смерть у нас над головой, то слава рядом с нами: она стала нам сестрой среди развалин жилищ и плача осиротевших детей».

Агитаторы и пропагандисты должны отыскивать животворящие зерна русского слова и мысли и нести их народу.

Интересно и поучительно описание бойца нашей армии, борющегося на улицах за Сталинград. Петр Болото, один из четырех, не пропустивших отряда в 30 танков и подбивших противотанковыми ружьями 15, вспоминая о бое, когда они подбили 15 танков... вдруг улыбается и говорит:

— Когда на меня первый танк шел, я уже думал — конец света наступил, ей-богу. А потом ближе танк подошел и загорелся, и уже вышел не мне, а ему конец. И между прочим, знаете, я за тот бой сигарок пять скрутил и скурил до конца. Ну, может, не до конца — врать не буду, — но все-таки скрутил пять сигарок. В бою так: ружье отодвинешь и закуришь, когда время позволяет. Курить в бою можно, только промахиваться нельзя. А то раз промахнешься — и уже больше не закуришь — вот какое дело...

Петр Болото улыбается широкой, спокойной улыбкой человека, уверенного в правоте взглядов на свою солдатскую жизнь, — жизнь, в которой иногда можно отдохнуть и перекурить, но в которой нельзя промахнуться».

Есть здесь материал для пропагандиста и агитатора? Я считаю — богатый материал. Надо только прочесть его, продумать и умело передать аудитории. Разумеется, хорошие статьи удаются корреспондентам не часто, пожалуй, преобладают корреспонденции вроде «На берегу Терека». В наших газетах часто появляются статьи в такой форме:

«К вечеру, когда бой стал утихать, когда сотни немецких трупов остались в долине, когда догорали немецкие танки и оттягивались в тыл немецкие полевые орудия, все узнали... что

старший сержант Рахальский, хорошо замаскировав пулемет, открыл уничтожающий огонь по наступающим немецким колоннам и уложил 50 человек. Честь и слава старшему сержанту Рахальскому!

Все узнали, что сержант Тупотченко, пренебрегая смертью, отбил у фашистов четырех раненых бойцов и вынес их с поля боя. Честь и слава сержанту Тупотченко!

Все узнали, что в рукопашном бою красноармеец Жиенко убил шестерых немцев. Честь и слава красноармейцу Жиенко!»

Вот вам совершенно другая форма изложения. Я бы не советовал следовать этой форме. Автор, как разгулявшийся богачей, раздает честь и славу, как вяземские пряники. (Смех.)

Это неуважение к людям, проявившим подлинный героизм, неуважение и к читателю.

Ибо автор как раз и не показал людей. Он перечислил по служебной записи: такие-то сделали то-то и добавил два слова: «честь и слава». Для чего эти выкрики: «честь и слава, честь и слава»? Славой играть нельзя. Красноармеец стреляет из винтовки, пулемета, он отбивает натиск немцев и убивает их, он должен это делать, как всякий боец в условиях боевых действий.

Совинформбюро — орган правительства, отмечая героические действия тех или иных бойцов и командиров, не раздает честь и славу, как это делают некоторые наши корреспонденты. Мне думается, что эти люди не придают должного значения смыслу слов русского языка. Они не понимают, что слава не раздается, а завоевывается. Сталинград, огромный, имеющий исторические боевые традиции город, уже два месяца в жестокой борьбе сдерживает орды врагов, нанося им такие потери, которые по существу стабилизировали остальной фронт. Здесь героическое происходит ежедневно. Это надо показывать на фактах, без риторики и громких фраз. Наши бойцы не нуждаются . в похвалах от репортера, — для них лучшей похвалой есть правдивое описание их действий. В агитации и пропаганде следует всячески избегать шумихи. Теперь не то время, чтобы аудитории можно было преподносить шумливые речи, риторику и поучительную дидактику. Это сейчас мало воспринимается. Если прийти сейчас на рабочее собрание или на собрание колхозников и начать произносить высокопарные речи, поучать, то могут сказать: «Что это вы нас поучаете?» Теперь нужно толково и терпеливо разъяснять людям то, что происходит в жизни, правдиво говорить о переживаемых людьми трудностях.

Если вы будете выступать с агитационно-пропагандистскими речами без выкриков, без риторики, без наставлений и поучительности, — я понимаю, конечно, что это трудновато бывает, — то, несомненно, ваша агитация и пропаганда будет иметь более действенный характер.

Особое место в нашей агитационной литературе занимают статьи Эренбурга. Я считаю, что у него можно по-учиться и многое извлечь для агитации.

Как нужно относиться к статьям Эренбурга? Эренбург ведет рукопашный бой с немцами, он бьет направо и налево. Это горячая атака, и он бьет немцев тем предметом, который ему в данный момент попался в руки: стреляет из винтовки, вышли патроны — бьет прикладом, бьет по голове, куда попало. И в этом главная военная заслуга автора.

Можно ли из его статей пропагандисту и агитатору извлечь хороший материал?

Безусловно, можно. Конечно, надо брать не одну какую-либо статью, а взять три-четыре-пять фактов, продумать их и использовать применительно к определенным условиям.

Нельзя только подражать тому, что сказано, а нужно всякий материал проработать в своей голове.

Как видите, материал в нашей печати все-таки имеется. Есть ряд неплохих военных статей, особенно в «Красной звезде», которые могут быть вполне использованы. Они хорошо написаны и могут послужить неплохим материалом для агитатора и пропагандиста, в особенности комсомольца. Я хотел бы вам посоветовать в агитации и пропаганде избегать употребления вычурных слов. У нас любят иногда к этому прибегать. Например, в прессе часто встречается выражение «сверхметкий стрелок». Некоторые

люди, вполне владеющие русским языком, задавали мне вопрос: «Скажите, как же он стреляет, что он сверх цели, что ли, стреляет?». Конечно, такой вопрос звучал ядовито. Кто-то употребил это вычурное выражение, и оно пошло гулять по газетам. Но это слово не выражает определенного смысла. Ведь если охотнику, который очень метко бьет дичь, сказать, что он сверхметкий стрелок, то он на это только рассмеется. В самом деле, что может означать такая «сверхметкость»? Что данный человек выполняет что-то сверх плана, сверх 100 процентов? Имейте в виду, что при этом теряется мерило меткости. Это выражение неправильно как с точки зрения русского языка, так и по существу. К тому же оно и просто вредит делу. Почему? А вот почему. Предположим, сверхметкий стрелок дает 100 процентов попадания, ведь сверх 100 процентов попадания дать нельзя, тогда, значит, человек, имеющий 80, или 90 процентов попадания, будет метким стрелком, при 70 процентах — хорошим, при 60 процентах — удовлетворительным. Вот к чему это приводит. А все это происходит оттого, что люди не придают значения смыслу слов, и употребление таких слов, как «сверхметкий», показывает лишь стремление к вычурности, а в результате приводит к бессмысленности. Агитаторы и пропагандисты должны избегать надуманных слов, — они ни к чему.

Нередко в газетных заметках можно встретиться с хвастовством. Недавно я прочел в газете описание одного боевого эпизода, в котором говорится, как командир роты лейтенант такой-то провел наступление в соответствии с возможностями роты и взял населенный пункт. Рассказав о всех стадиях боя, корреспондент добавляет, что лейтенант взял данный населенный пункт по-суворовски. Можно ли в данном случае так сказать? Можно, конечно, но все же термин «по-суворовски» нужно применять очень осторожно. Если мы будем применять этот термин к каждому относительно небольшому боевому действию взвода, роты, то этим мы снижаем его значение. Выходит, что действия Суворова — великого полководца, прославившегося в ряде блестяще проведенных военных кампаний, — корреспондент приравнивает к важному, но относительно ограниченному по своим масштабам боевому действию. Мы должны лейтенантов поднимать до Суворова, а тут вдруг за одно удачное действие сразу окрестить — «по-суворовски». Получается как будто бы хлесткое выражение: ах, по-суворовски, кажется и коротко и хорошо, а слушателя вряд ли вы этим удовлетворите. Надо, чтобы слова были действенными, чтобы выражения, оценка поступков человека были поскромнее, чтобы люди, которым вы их говорите, чувствовали, что слова сказаны не под настроением, а продуманно слово за словом.

Я хочу обратить ваше внимание еще на одно выражение, которое довольно часто употребляется в корреспонденциях. Поскольку это выражение встречается почти каждодневно, оно может крепко запасть в память, а между тем оно также не совсем правильно и кое-кого путает. Корреспонденты сообщают: данная часть не отступила ни на шаг. Раз так сказали, два сказали, и пошло. И в то же время читают корреспонденцию с фронта, в которой говорится, что часть осталась на своих позициях, и думают: тут не сказано, что не отступили ни на шаг, а может быть, они все же отступили. (Смех.) Так вот, товарищи, когда говоришь или пишешь, особенно когда пишешь, надо думать не только о том, как сам понимаешь то или иное событие, а и о том, как его воспримут другие. В то же время призыв «ни шагу назад» имеет большой смысл, так как именно опасен первый шаг отступления, за которым неумолимо идет дальнейший отход.

К слову нельзя относиться небрежно. Небрежность в выражениях будет только мешать влиянию агитаторов и пропагандистов.

Все это я говорил о военной пропаганде. А как обстоит дело с нашей агитацией и пропагандой в тылу?

В том же номере «Красной звезды», где была помещена статья Симонова, о которой мы говорили, была также помещена статья К. Финна: «Женщины города Иваново». Должен сказать, что все мы сейчас так заражены мыслями и переживаниями, связанными с войной, что не всегда читаем статьи, в которых излагается жизнь и работа в тылу. А

статья хорошая. Конечно, как и вся наша жизнь, она связывает тыл с фронтом. Автор рассказывает, как он встретился в сквере с женщиной лет тридцати, которая рассказала ему о постигшем ее горе, о том, как она это горе восприняла и переносит.

— Я вчера известие получила. Мужа моего убили на фронте. Вечером пришло письмо. Я только с работы явилась...

Она прожила с мужем двенадцать лет душа в душу. Детей у них не было.

— Так он мне и как муж, и как сын. Как-то я его любила особенной любовью. Если бы вы знали, какой он...

Она не могла произнести слово «был». Так, избегая этого слова, страшась его и вместе с тем страшась также говорить о муже, как о живом, смятенно, рваными фразами, похожими на выкрики, но без единой слезы, она рассказала о том, как, получив письмо, потеряла сознание, а когда пришла в себя, бросилась бежать из дому. Куда? Она не знала. Она шла по темным улицам Иванова, по городу, где родилась, где знала каждый камень, каждый дом. Было темно, но она нашла все те места, где раньше бывала с мужем, вспоминала о том, что говорил юн ей вот тут, на углу Социалистической улицы, или вот тут, на скамейке сквера у городского театра. И на мгновение ей казалось, что ничего не случилось, что вовсе не было никакой войны, что ее Вася жив, что он с ней. А потом снова приходило горе.

— А сегодня я вышла на работу. Я на толстом банкаброше работаю. Боялась, что не выйду, сил не хватит. Поборола себя. Сама себя уговорила: «Иди на работу, Маруся. Для него иди, для него, для Васи. Он одобрит». Я работала сегодня и чувствовала, что он, мой родной, стоит около меня. А подруги смотрят на меня, так виду не показывают, а за спиной моей тихонько плачут. И вот иду я сейчас с работы. И представьте себе: боюсь, как бы не пройти мне теми местами, где мы с Васей ходили».

Или вот повесть автора о том, как зародилась связь между батареями и ивановскими комсомолками:

«Дуся Лебедева в числе других работниц ездила на фронт, отвозила подарки бойцам и командирам. Ей пришлось побывать на одной из батарей.

— Очень хорошенькие там и молоденькие ребята.. Проворные. А как действуют замечательно! Когда я таш была, они немецкую кухню полевую разбили, а с ней вместе двенадцать фрицев. «Пожалуйста, — говорят мне, — Дуся, вот вам и большой подарочек в честь вашего приезда». А что меня поразило, так это чистота. Орудия у них прямо-таки языком вылизаны. Вообще большая аккуратность чувствуется на батарее.

И тогда же Дусе пришла мысль в голову о том, что стоит поближе связаться с артиллеристами, связать с ними свою бригаду девушек узами подлинной сердечной дружбы. Но Дуся тогда постеснялась сказать это артиллеристам. Только приехав в Иваново, посоветовавшись со своими девушками, она решилась и написала письмо бойцам батареи, которым предлагала соревноваться: «Вы бейте фрицев, а мы будем перевыполнять план».

Не правда ли, написано правдиво, а значит и хорошо,, лишь сумеете так же и использовать. Это для агитатора прямая находка.

Или вот, например, автор описывает, как установилась переписка этих девушек с теми батареями, которые не получают писем. Агитатор не должен пройти мимо этого» факта, столь важного в обстановке войны.

«Однажды девушкам написал новый военком батареи тов. Мальцев. Вот конец его письма: «Да, еще одна, просьба (по секрету). У меня есть бойцы, довольно хорошие ребята, не имеющие переписки с домом по причине,, сами представляете какой. Они довольно тоскуют, особенно, когда приходит почта, а письма им нет. Это действительно тяжело. Прошу вас, Дуся, продумать это и прислать мне хотя бы три-четыре адреса ваших девушек. Это даст мне возможность дать моим бойцам эти адреса и избавить бойцов от томительного ожидания. Прошу не посчитать это за грубость, а принять как просьбу для общего дела. А там уж бойцы сами предпримут направление этой переписки».

Дуся послала адреса. Завязалась переписка. И сейчас, когда приходит почта на «нашу батарею», письма получают не только те, кто имеет близких людей, а и те, чьи родные дома и села разрушены проклятым врагом.

Наверно, и бойцы «нашей батареи» в часы досуга говорят про девушек из далекого Иванова и называют их «наши девушки».

Затем автор приводит еще ряд эпизодов из жизни ивановских работниц. Описывает их жизнь и работу конкретно, реально, чувствуется, что здесь дан кусок подлинной жизни. Ничего нарочито не подчеркнуто, не натянуто. Это полезная статья для пропагандиста и особенно для агитатора. Вы считаете меня опытным агитатором. Я-то себя не считаю таким (смех), но я не смогу столько вам дать, сколько дадут эти статьи, если вы к ним серьезно отнесетесь и продумаете.

Такие статьи и все то новое, что появляется у нас в печати, с моей точки зрения, ценное и новое, вырабатывающее те формы агитации, которые наиболее действенны на сегодняшний день, появляются, скорее, в военной прессе. Видимо, военная пресса ближе к тем переживаниям, которые связаны с фронтом.

Вот, товарищи, и все, что я вам хотел сказать.

Как же сформулировать итоги нашей беседы? Я думаю так: наша пресса дает достаточный материал, нужно только умело его использовать. У нас есть способные авторы. Я останавливался только на статьях, вышедших за последние дни. Я не останавливался на пьесе Корнейчука «Фронт»; она имеет большое значение, дает ориентировку во многих вопросах, дает материал, над которым стоит подумать. Время, которое мы переживаем, очень суровое. Люди, как я уже говорил, выполняют огромную работу, которая поглощает все их силы. А вместе с тем жизненные условия, бытовая обстановка людей понизилась. Геройства, мужества, стойкости в нашем народе столько, что нет никаких оснований что-то создавать искусственно, что-то рекламировать; достаточно только брать материал из жизни народа, армии и говорить с чувством полного сознания о тех трудностях, которые несет народ, и о необходимости во что бы то ни стало побить врага. Если вы будете с такими материалами выступать перед народом, то я ручаюсь, что такой способ агитации будет наиболее действенным и будет иметь наибольшее влияние. (Аплодисменты).

О корреспондентах и корреспонденциях

Из бесед с корреспондентами газеты «Известия» и Всесоюзного радиокomiteта

В современном обществе газета, радио, кино играют огромную роль. Как орудия пропаганды и агитации/они оказывают значительное влияние на формирование общественного мнения людей. Поэтому велики и требования, предъявляемые к их работникам.

Известно, что буржуазная пресса, кино, радиовещание любят изображать себя якобы независимыми, объективными, стоящими выше всяких узкогрупповых интересов. На самом же деле они стоят на страже капиталистического устройства общества и, с этой точки зрения, сугубо партийны, пристрастны и зависимы от верхних слоев и групп, политику которых проводят в каждом вопросе. Надо признать, что делают они это очень умело, хотя задача их не из легких.

Грубо говоря, и печать, и радио, и кино в буржуазном мире призваны восхвалять, приукрашать существующий уклад общественно-экономической жизни и соответствующие ему порядки, внушая массам повседневно и по любому поводу ту мысль, что этот уклад и эти порядки вполне согласуются с природой человека и потому «естественны», что этот уклад и эти порядки являются лучшими. Большую озабоченность и нескрываемые опасения вызывает у вдохновителей и подлинных хозяев этих институтов доктрина коммунизма, против которой (доктрины) они направляют все силы ума и

таланта своих литераторов, артистов, музыкантов и других работников искусств и печати. Перед нашей прессой, перед нашим радио и кино стоят более возвышенные цели и, я бы сказал, неизмеримо более широкие задачи: служить не отдельным, сравнительно ничтожным по своей численности группам привилегированных людей, а всему народу, целому обществу, которое сплочено единством своих кровных интересов и коренных устремлений; развивать, просвещать, воспитывать широкие массы, внедряя в их сознание благороднейшие и самые гуманные принципы человеческого общежития. Поэтому велика и ответственность, лежащая на их работниках; почетна и роль, выполняемая ими. Это принципиальное различие ставит работников нашей прессы, нашего радио и кино в совершенно иные условия по сравнению с теми, в каких находятся их коллеги по профессии в буржуазных странах. Но ведь, кроме того, существует глубокое различие еще в приемах, методах и формах работы наших и буржуазных работников печати, радио, кино.

Там дело поставлено в этом смысле довольно просто. В буржуазной прессе, в буржуазном радио, так же и в кино, большую роль играют сенсация, забавный эпизод, уголовный эксцесс, политический скандал, семейная передряга среди высокопоставленных лиц и т. п. Все это благодарный материал для журналистов, радиокорреспондентов, охотно принимаемый редакциями газет и радиостудиями как средство привлечения новых покупателей газет, новых радиослушателей, а вместе с тем и как способ отвлечения людей от анализа и осмысливания существующей действительности.

Не то, совсем не то в нашей прессе, в нашем радиовещании, которым эти приемы чужды. Наоборот, они стремятся приучить людей зорко следить за явлениями действительной жизни, осмысливать эти явления и направлять их в общее русло закономерного развития нашего советского общества, которое, как известно, поставило себе целью — сделать всех своих членов действительно свободными, обеспеченными материально и культурно. Но это вовсе не значит, что наши газеты и радио обязательно должны стать менее популярными и интересными, что доктрина коммунизма как таковая непременно должна ограничивать их жизненную полнокровность, сочность, многоцветность, яркость и красочность, что их преобладающей формой неизбежно является дидактическое или моралистическое изложение. Ничего подобного! Напротив, именно такой подход, именно марксизм-ленинизм открывает нашим работникам печати и радио неограниченное поле для вдохновенного творчества на базе действительного понимания социального развития человечества.

Если буржуазный журналист, радиокорреспондент, подходя к частному явлению, берет его изолированно, вне всякой зависимости от общего, если он поступает так даже тогда, когда видит и понимает связь частного с общим (а поступает он именно так потому, что это предписывается ему узкоэгоистическими интересами обслуживаемых верхних слоев общества), — то советский журналист, радиокорреспондент, наоборот, должен искать зависимость каждого частного явления от общего, единства части и целого, что как раз и соответствует действительному развитию общественной жизни людей. Давая самый разносторонний материал — от корреспонденции об успехах колхоза до глубоко научной статьи, от репортерской заметки до высокохудожественного произведения; отображая в этом материале все разнообразие нашей повседневной жизни, и все, я бы сказал, изгибы человеческой души, работники советских газет и радио при таком подходе будут неизбежно и вместе с тем как бы непроизвольно раскрывать торжество ленинско-сталинских идей на практике, которые являются выражением объективных закономерностей общественного развития.

Известно, что классическая русская литература считается одной из лучших литератур в мире потому прежде всего, что она является одной из самых реалистических литератур, т. е. по своему содержанию и форме она наиболее полно отражала современную ей русскую действительность. Но (и здесь я особенно подчеркиваю это «но») она не фотографировала существующую действительность, — иначе это был бы не реализм, а натурализм, — нет,

она художественно воспроизводила ее, как живописец, во всей жизненной реальности. Потому классическая русская литература так интересна. И корреспонденция, если она построена реалистически, будет интересна. Но, к сожалению, многие наши корреспонденты больше занимаются фотографированием, чем живописанием. Некоторые из них поэтому ближе к натурализму, чем к реализму. А разница между реализмом и натурализмом такая же, как между живописью и фотографией. Хорошо написанный портрет в общем и целом тождествен с фотографией, но вместе с тем он совершенно не то, что фотография: в нем чувствуется живой человек со всем его динамизмом. Таким образом, говоря о реалистическом методе творчества, нельзя сводить дело к одному лишь внешнему сходству, совпадению, тождеству. Ведь и русская классическая литература славна не только и, я бы даже сказал, не столько этим, сколько внутренней своей жизненностью, своей идейной направленностью и, можно смело сказать, борьбой за освобождение человека от кабалы. С этой стороны все лучшие произведения нашей классической литературы эстетически называли «тенденциозными». Мы не боимся этого слова. Каждый советский работник на всех поприщах, а тем более в журналистике, должен обладать определенной направленностью и, прямо скажу, партийностью.

Но главный камень преткновения лежит не здесь. Нельзя сказать, что у советских корреспондентов недостает понимания необходимости определенной направленности, партийности. Нет, главный камень преткновения в том, что многие из них не научились творчески выражать — эту направленность, партийность. Нужно каждый художественный очерк, корреспонденцию, радиопередачу сделать реалистическими, пропитанными идейным содержанием не в смысле того, чтобы в конце или в начале статьи были сказаны слова «партийность», «социализм» и т. п., а чтобы сами факты, само действие приводило читателя к партийности. Иначе говоря, описывается частный факт с полной объективностью, но впечатление от этого описания, его воздействие на читателя должны приводить к партийности. Это, конечно, самая трудная задача. Наша классическая литература тем и славна, в том и заключается ее величие, что она в совершенстве решала эту задачу. Вот если бы наши работники печати и радио добились хотя бы частично такого же совершенства в применении реалистического метода творчества, то это уже было бы большим достижением.

Обыкновенно люди ждут больших художественных произведений, образов, которые стали бы нарицательными. Но такие вещи случаются не часто. Великие писатели не рождаются каждодневно. А мы здесь говорим о корреспондентах, о тех работниках, которые изо дня в день выступают перед широкими массами, как собиратели общественного мнения сегодняшнего дня. Но они не только и не просто собиратели. Вместе с тем и, я бы даже сказал, в первую очередь они организаторы общественного мнения, они направляют и оформляют общественное мнение на сегодняшний день. Вот почему каждому из них необходимо совершенствование в своей области.

Особенно необходимо такое совершенствование для тех из них, кто работает в области радиовещания. Ведь радио обслуживает гораздо больше людей, чем газеты. И это получается уже по одной той причине, что газет у нас сейчас не хватает и, вероятно, еще долго не будет хватать. А, с другой стороны, многие люди (и, мне кажется, гораздо больше, чем это принято думать) так привыкли к радио, что вполне удовлетворяются радиоинформацией. Радио по своему охвату, по своей массовости является, пожалуй, самым сильным средством пропаганды и агитации.

Сейчас мы по всем линиям бьем в одну цель — мобилизуем все силы и средства для фронта, для скорейшей победы над врагом. И, пожалуй, можно сказать, что сейчас работать в Радиокomiteе и в газетах легче, чем это будет в мирное время. Сейчас только подавай информацию с фронта — слушатели и читатели всегда найдутся. Большой интерес существует также и к иностранным телеграммам, но опять-таки прежде всего потому, что сейчас война. А внутреннюю информацию по вопросам, прямо не связанным с войной, читают и слушают уже меньше. Мне кажется, что главная беда тут в форме: уж

слишком иногда однообразно и сухо подается эта информация. Следует обдумать, как поставить эту работу, особенно в области радиовещания, какую избрать форму, чтобы сделать информацию интересной.

Но дело не только в информации. Работа газеты и радио не ограничивается одной информацией. И вот тут возникают еще большие трудности, а потому требуется еще большее умение в проведении партийности. Чтобы яснее понять мою мысль, возьмем для сравнения, с одной стороны, работу журнала, а с другой — работу газеты и радио. В журнале обычно помещаются статьи пропагандистского характера, хотя имеются и агитационные статьи, но все же больше поднимается теоретических вопросов. По радио и в газете материал излагается более кратко, в более популярной форме и, я бы сказал, агитационно, а по особо актуальным вопросам — ударно.

Существо и там и здесь одно и то же, а форма разная. Возьмем еще один пример. В связи с юбилеем Грибоедова ему было посвящено несколько специальных радиопередач, а в газетах было напечатано о нем много статей, газеты давали даже целые полосы. Мы стремились здесь не только отметить этот юбилей сам по себе, но и сблизить Грибоедова с современностью. На нашей прошлой истории мы учили, как подходить к вопросам сегодняшнего дня, учили людей благородству, прививали им стремление к идейности, а попутно и просвещали, знакомя их с данным писателем. Наше население в целом довольно грамотно, но, может быть, кое-кто не знает или мало знает Грибоедова. Однако само по себе просвещение здесь не ставилось как задача. Если бы Радиокomitee или редакция «Известий» задалась лишь целями просвещения как такового, то вряд ли у них что-нибудь вышло, или получилась бы сплошная дидактика. А вот по поводу Грибоедова можно подготовить и были подготовлены интересные радиопередачи, можно написать и были написаны статьи, в которых имелись элементы просвещения, которые прививали уважение к нашей прошлой истории, знакомили с нашей литературой того времени и ее современниками. Но разве это не есть в то же время и проведение ленинско-сталинских идей на практике?

Или вот еще такой пример. По радио передавали и в газетах печатали разные беседы, советы и статьи для огородников, — очень хорошее дело, хотя и сезонное. Я знаю, что многие охотно их слушали и читали, обсуждали между собой и даже спорили по отдельным вопросам. Как видно, материал этот отвечал насущным потребностям широких слоев населения наших городов, он был для них интересен. Значит, и здесь нашли подходящую форму для проведения партийной линии. Наконец, бывают у нас иногда неплохие радиопередачи для молодежи. Нашу молодежь надо систематически знакомить с научными новинками, с разными изобретениями и открытиями. И тут неплохо выпускать к микрофону крупнейших представителей нашей науки и техники. Если такой ученый или инженер расскажет о своей работе, о новых изобретениях или открытиях в своей лаборатории, то это будет интересно само по себе и внесет некоторое разнообразие в программу радиопередач. Да к тому же выступления таких лиц будут очень удобны и для самого Радиокomitee: когда говорит сам автор, тогда и ответственность за научную сторону ложится на него.

Словом, при желании можно найти интересную форму, только не всегда у нас об этом заботятся. Нередко корреспонденты показывают строительство, промышленность, сельское хозяйство, культуру и т. д. чисто протокольным языком. Так не годится.

Корреспонденты должны добиваться того, чтобы их информация, очерки и статьи были привлекательны по форме. Описывая, скажем, успех колхоза или завода, надо как-то заинтересовать радиослушателей и читателей, может быть, если хотите, даже заинтриговать их, чтобы слушатель не выключал радио, а читатель не бросал газету. Если корреспондент сумеет увлечь, заинтересовать радиослушателя или читателя сюжетом или интригой своего произведения, то уж, будьте уверены, он не оторвется от репродуктора или от статьи.

Я великолепно понимаю, что такой совет легко дать, но нелегко его выполнить, особенно

радиокорреспондентам, потому что они должны дать каких-нибудь 15—20 строчек и для этого ухлопать несколько часов, а, может быть, даже 2-3 дня, и потому еще, что ведь не каждую корреспонденцию можно снабдить интригой, — тогда, пожалуй, и интриг-то не хватит. Но читабельность всегда должна приниматься во внимание авторами.

К сожалению, у нас даже в больших газетах создан такой тип корреспонденции, по которому все дело сводится к описанию одних только материальных достижений человека. Видимо, сторонники этого типа считают, что тем самым исчерпывается описание всего человека. Конечно, этого мало. Жизнь наша усложняется, народ становится культурнее и больше требует для души. Поэтому надо показывать не только материальную, но и психологическую сторону жизни людей. Возьмите роман: если там мало психологических, душевных переживаний, то он не производит впечатления. Как будто бы роман и неплохой сам по себе, а все-таки чего-то в нем недостает. Так вот. по-моему, надо обязательно показывать человека и с психологической стороны, показывать его душевные переживания, работу его мыслей, его культурность, его общественную и, может быть, даже научную значимость, его работоспособность, подчеркивая при этом, что его достижения не являются случайностью, а что они результат систематического напряжения его духовных сил, его убежденности в общественной полезности своего труда, результат, я бы сказал, его одухотворенности, т. е. понимания того, что его труд не есть простое физическое усилие, но вместе с тем это — удовлетворение его душевных потребностей.

Я понимаю, что писать так корреспонденции, писать их с таким глубоким пониманием жизни наших людей, очень трудно. Это требует от корреспондента огромной собственной культуры. И наши корреспонденты должны быть культурными людьми. Но для этого им надо очень много и упорно работать над собой. Культурность корреспондентов Радиокomiteта и «Известий» должна быть, во всяком случае, не ниже среднего уровня культуры людей той области, края или республики, где они работают. Ну, а так как они москвичи, люди из общесоюзной столицы, то желательно, чтобы их культурность была несколько повыше, иначе их авторитет будет невысок.

Работа каждого корреспондента и в особенности радиокорреспондента очень трудоемка. Он может написать десятки корреспонденции, а поместят в газете или пустят в эфир каких-нибудь пять-шесть заметок. Ясно, что корреспондентам платят из месяца в месяц не только за те несколько корреспонденции, которые от них примут, а еще и за то, что они представляют на местах Радиокomiteт и газету «Известия», наблюдают и добросовестно изучают местную жизнь. Это очень важно для редакции и Радиокomiteта. Вот иногда американские газеты и радиокорпорации поручают своим корреспондентам написать корреспонденцию по тому или иному актуальному вопросу и сообщают, что готовы принять от них соответствующего материала на 300 строк или на 30 минут. Считается, что тем самым корреспонденту дается большой простор для размаха, ибо газета или радиокорпорация по другим вопросам, которые для них менее интересны, обычно принимают материала не более, чем на 50 строчек или на 5 минут. И наш Радиокomiteт или редакция газеты могут поручать своим корреспондентам в срочном порядке осветить с места тот или иной важный вопрос. Вот этим-то и полезны для Радиокomiteта и газеты их корреспонденты на местах.

Но мало быстро откликнуться по тому или другому актуальному вопросу: большое значение имеет хорошее оформление материала. В 90 случаях из 100 даже ординарная мысль, будучи хорошо оформлена, попадет в печать и в эфир, а хорошая мысль, если она плохо оформлена, не будет напечатана, потому что над ней еще надо работать редактору, надо с ней возиться и т. д. Я считаю, что культурное оформление — это одна из важнейших функций наших газет и Радиокomiteта.

Оформление должно быть тщательным, вплоть до абсолютного вытравливания грамматических ошибок. В этом отношении корреспондентам и редакторам не зазорно будет поучиться у наших классиков. Такие русские писатели, как Гончаров и Тургенев,

уделяли очень большое внимание родному языку, кропотливо отделявая каждую фразу своих произведений. Во Франции, скажем, такие выдающиеся писатели, как Флобер и Мериме, в свою очередь, придавали такое значение стилю, что принимали во внимание даже самую расстановку отдельных слов в предложении. Для наших корреспондентов и редакторов это имеет тем большее значение, что советские люди с каждым годом становятся все более и более требовательными. Надо сказать, что молодежь у нас сейчас выходит из школы более грамотной, чем в предыдущие годы.

Но если культурное оформление столь важно для газетных корреспонденции, то еще более важно оно для радиокорреспонденций. И в этой связи мне хотелось бы немного остановиться на специфике работы наших радио-корреспондентов. Это сложный и вместе с тем интересный вопрос. Специфика работы радиокорреспондентов состоит в том, что их заметки, статьи, очерки и т. п. не читают, а слушают. Когда читаешь газету, то выхватываешь обычно самое важное и отбрасываешь несущественное. Это делается глазами. А когда слушаешь, то тут многое зависит от звучания каждого слова, от того, как оно воспринимается на слух. Если при чтении играет роль зрительное восприятие, то при слушании решает успех слуховое восприятие, звучание того, что передается. Дело в том, что далеко не всегда одну и ту же мысль можно одинаково эффектно выразить для чтения и для слушания. Очень часто для слушания это надо сделать совсем иначе, чем для чтения. И вот когда радиокорреспондент пишет что-нибудь для передачи по радио, то он должен обязательно попробовать, как оно звучит, как воспринимается на слух при чтении самым заурядным диктором, а не то что мастером художественного чтения или таким артистом, как, например, Качалов; проверить, хотя бы в своей семье, слуховое впечатление: хочется ли, слушая такую передачу, выключить радио или, наоборот, подкрутить репродуктор, сделать передачу слышнее и дослушать ее до конца. Но это — далеко еще не все. Радиокорреспондент должен уметь, как никто другой, писать коротко. Если верно вообще, что краткость есть родная сестра всякого литературного таланта, то это вдвойне верно для радиокорреспондентов. Им придется много и упорно поработать над собой, чтобы научиться писать коротко. Учебников по этой отрасли литературного творчества нет, так как радио — молодое дело. Но все-таки учиться есть у кого. Можно посоветовать нашим радиокорреспондентам, да и вообще корреспондентам, почаще обращаться, например, к Чехову. Конечно, писать так коротко, как он писал, особенно в бытность свою журналистом, — это очень трудно. И чем короче писать, тем труднее, ибо надо не только выжать всю воду, но и добиться того, чтобы написанное было предельно ясно и доходчиво.

Но тут перед корреспондентами опять встает вопрос о необходимости собственной большой культуры и прежде всего хорошего знания русского языка и форм речи. При этом они должны постоянно помнить, что пишут не для газеты, а для радио, т. е. не для читателей, а для слушателей, что они как будто «говорят». Следовательно, требуется глубокое понимание того, как это воспринимается на слух.

Правда, «говорят» радиокорреспонденты в пустоту, а это в свою очередь трудно. Когда говоришь перед видимой аудиторией, то обычно смотришь на сидящих перед тобой людей, как-то связываешься с ними, создаешь непосредственное взаимодействие, и тогда аудитория для тебя безразлична. Ну, а если аудитория для тебя безразлична, то и ты для нее будешь безразличен. Совсем другое дело — радиоаудитория: тут, во-первых, очень много слушателей, а, во-вторых, никого не видеть. Как связаться с такой аудиторией, сделать ее по отношению к себе безразличной, овладеть ее вниманием? Для этого каждый радиокорреспондент должен уметь представлять себе свою аудиторию, так сказать, «видеть» и «чувствовать» ее перед собой, равняясь главным образом, как говорят американцы, на «среднего» человека. Не знаю, насколько правильно я понимаю, но мне кажется, что наше радио, давая много полезных сведений, информируя население широко и обстоятельно, при всем том, однако, работает так, будто выполняет чисто служебную роль, не завязывая интимных связей с аудиторией.

Возникает вопрос: как же это изжить?

Мне рассказывали, что в Радиокomiteт ежедневно поступает много писем, в которых одни жалуются на то, что их «измучил» хор имени Пятницкого, а другие, наоборот, говорят, что слишком редко выступает этот хор; одни говорят, что не следует выпускать «театр у микрофона», а другие, напротив, осуждают за то, что мало бывает таких передач и т. д. Словом, столько разноречивых мнений и оценок, что всего и не передашь. Это естественно, так и должно быть. Но не следует ли нашему Радиокomiteту хотя бы раз в неделю выпускать нечто вроде обозрения таких писем? В этом обозрении можно было бы рассказать о поступивших письмах, разобрать их, сказав примерно, что вот такие-то радиослушатели требуют от нас того-то и того-то, что, дескать, это — «справедливое» требование, но мы получили и такие письма, в которых наши радиослушатели требуют совершенно обратного, что, по-своему, тоже как будто «справедливо», а в конце обозрения попросить у радиослушателей совета: что же, мол, тут делать и как поступить при построении программы? Тем самым Радиокomiteт познакомил бы радиослушателей со своими установками. Это сблизило бы наше радио с радиослушателями. По крайней мере, они узнали бы, что их письма читаются в Радиокomiteте, — и то хорошо. Правда, тут есть опасность: я ручаюсь, что это вызовет еще больший поток новых писем. Но это нестрашно. Радиокomiteт располагает достаточными силами и средствами, чтобы справиться с такой работой. Во всяком случае, над этим следует подумать.

Некоторые радиокорреспонденты поднимали вопрос о введении разных тематических обзоров. Что же, это — полезное дело. С некоторых пор у нас стали давать международные обзоры. Неплохо будет давать внутренние обзоры по отдельным областям, краям и республикам. Почему бы в самом деле радиокорреспондентам не поставить перед собой такую задачу? Эти обзоры должны быть краткими, самое большое — 15—20 минут, и передавать их следует, конечно, не ежедневно, а раза два-три в месяц. Ведь дают же иногда радиокорреспонденты небольшие очерки! Что представляют собою такие очерки? Это — более или менее художественное обозрение того, что делается в каком-то конкретном месте. Вот, например, Киев. Разве Киев не заслуживает того, чтобы, допустим, раз в квартал рассказать, чем живет эта столица одной из крупнейших наших союзных республик? Обзоры можно давать также и по отдельным отраслям техники, науки, литературы, искусства, народного хозяйства и т. д. Конечно, чтобы получился интересный обзор, для того придется серьезно поработать. Но попробовать следует. Кроме повседневной, текущей информации, обзоров, очерков и т. п., радио имеет такую выигрышную сторону, как музыкальные передачи. Обычно музыку, передаваемую по радио, воспринимают просто как удовольствие, но, кроме того, люди тут незаметно для себя обучаются правильности напевов, усваивают новые мелодии, развивают свой музыкальный вкус, поднимают свою музыкальную культуру.

Суммируя все сказанное, приходишь к выводу, что назрела потребность в каких-то особых жанрах радиолитературного творчества. Мало у нас таких корреспондентов, обозревателей, очеркистов и других радиолитераторов, которые создали бы себе прочное имя среди радиослушателей. А, например, о радиофельетонистах (очень необходимых представителях сатирической литературы) нечего и говорить — их совсем у нас не слышно. Нельзя ли нашему Радиокomiteту подобрать и вырастить таких радиокорреспондентов, радиообозревателей, радиоочеркистов, радиофельетонистов и тому подобных радиолитераторов, которые создали бы себе прочное имя среди радиослушателей, которых бы слушатели хорошо знали? Это поможет еще теснее сблизить радио со слушателями.

Некоторые корреспонденты спрашивали: как надо писать? Гейне говорит, что бесстрастно высказанная мысль не увлекает людей. И это правильно. Белинский писал 100 лет назад, но до сих пор не утратил своего огромного влияния на читателя. А сколько раз можно перечитывать Ленина!

Говоря об этих образцах, я имею в данном случае в виду не столько глубину содержания

их произведений, сколько то огромное чувство, я бы сказал, кровь, которую вкладывали они в свои произведения. Мы, люди средние и как бойцы Советского Союза, должны вкладывать всю душу в свою повседневную работу, что и делает ее живой, действенной. Если это можно сказать о работе вообще, то тем более это относится к журналистам и особенно к корреспондентам.

Задавали вопрос: о чем должен писать корреспондент? Но разве можно здесь ответить на этот вопрос? Корреспондент должен писать о том, чем наиболее занята и живет данная область. Например во время хлебозаготовок, ясно, он будет писать о хлебозаготовках, даст об этом даже статью или очерк. Но и то и другое должно быть написано со знанием дела.. Статья может быть короткой, но сам корреспондент свою тему должен знать хорошо, чувствовать себя в этом деле, как рыба в воде.

Но, разумеется, если корреспондент будет писать только о хлебозаготовках, то этого будет мало. В кор-респонденциях требуется отражение не только процесса хлебозаготовок как такового, но и участия колхозной общественности в этой кампании, ее активности или слабости. Ведь корреспондент не может забывать, что все важнейшие мероприятия правительства и партии в Советском Союзе проводятся при активном участии общественности, что обязательно должно быть отражено в корреспонденциях и, в свою очередь, сделает корреспонденции реалистичными. Сейчас в деревню возвращается много раненых красноармейцев, демобилизованных из армий. Это люди новые, для корреспондентов очень интересные. Не мешало бы поэтому корреспондентам позорче приглядеться к ним и отметить то новое и положительное, что они вносят в практическую жизнь колхозов или учреждений.

Корреспондент должен вращаться в различных кругах советского общества, быть знакомым с теми актуальными вопросами, которые их занимают, и, хотя бы раз в год, написать об этом. Но все это, разумеется, должно быть к чему-то «пришито», — ну, скажем, к какому-нибудь собранию работников умственного труда, к выпуску студентов, к защите диссертации, к профсоюзному собранию и т. д. Радиокорреспондент и корреспондент газеты в той или иной области должен знать эту область и освещать ее жизнь с разных сторон, постоянно имея в виду самое главное.

Отдельных товарищей интересовал вопрос: каково должно быть лицо нашего корреспондента на местах? По-моему, самый этот вопрос был поставлен неправильно. Может ли киевский или ярославский корреспондент получить свое лицо в редакции и Радиокomitee? Зачем же его тогда посылать в Киев или Ярославль? Только наблюдателем? Корреспонденты — не наблюдатели. Ярославский корреспондент должен показывать лицо Ярославской области, а киевский корреспондент — Киевской области. Может ли корреспондент, приехав на место, рассматривать все местные дела как заезжий гость из Москвы? Нет, не может. Тогда у него ничего не выйдет или выйдут очерки путешественника, случайно попавшего в эти места. Корреспондент с места тем и ценен, что он показывает местные интересы. А уж дело редакции и Радиокomitee — направить его так, чтобы эти местные интересы не выходили из общего направления их работы. Очень важно, чтобы наши корреспонденты специализировались в каком-нибудь вопросе. Хотя их задача — давать общее освещение жизни области, но желательно, чтобы в каком-то вопросе, важном для данной области, они были специалистами. Скажем, в Донбассе важные вопросы — металлургия и уголь. Так вот, мне думается, что там корреспондент должен быть знаком с этими вопросами не меньше, чем директор завода или секретарь обкома и председатель облисполкома. Во всяком случае, он должен быть хорошо знаком с процессом производства. (Разумеется, у каждого человека есть что-то, присущее ему самому, приятное его душе. Если он любит удить рыбу, то хорошо бы ему написать пару статей о рыболовстве, потому что это вышло бы от души. Я имею в виду художественные очерки, повести, рассказы.)

Можно ли корреспондентам участвовать в местной работе? Я считаю, что можно. Если корреспондент несет какую-то другую работу или участвует в каком-нибудь

общественном начинании и т. д. как частное лицо, ну, предположим, принимает непосредственное практическое участие в сборе средств на танковую колонну, то он лучше может описать эту кампанию, с большим знанием дела представить весь ее процесс, показать активность общественности, широкое проявление местной инициативы или же организационные недостатки, может показать конкретных людей, участвовавших в этом деле.

Итак, если можно резюмировать то, что требуется от корреспондента, то, во-первых, его культурный потолок ни в коем случае не должен быть ниже среднего культурного уровня людей данной области, а желательно, чтобы он был выше. Имейте в виду, что все наши видные писатели, не говоря уже о классиках, были очень культурными людьми своего времени. Буржуазные газеты выигрывают на сенсациях, а мы к сенсациям не прибегаем, и поэтому, для того чтобы корреспонденции были интересными, надо, чтобы в них было интересное содержание и чтобы они были культурно оформлены.

Во-вторых газетные статьи не должны быть многогранными. Если в газетной статье поставить 5—6 вопросов, то она потеряет свою силу. Газетная статья должна быть посвящена одному вопросу. Корреспонденту дается небольшое количество строчек, и если он поставит несколько вопросов, то разбросается и у него ничего не получится. Вот, например, когда газеты пишут о докладе товарища Сталина, то обычно в каждой статье освещается один какой-нибудь вопрос. Тогда можно хорошо показать многогранность доклада и подробно разобрать основные его положения.

В-третьих, корреспонденты должны пробовать свои литературные силы. Пробуйте писать очерки и фельетоны! Может быть, из 100 ваших фельетонов и очерков 99 будут выброшены и только один попадет в печать, но для вас это будет очень полезно. Без труда тут не обойдешься.

Каждый корреспондент должен приобретать литературные навыки и пробовать свои литературные силы.

Полезное с этой точки зрения дело — переписка корреспондентов с редакцией. В своих письмах корреспонденты могут касаться таких вопросов, о которых не всегда напишешь в статье. В этих письмах, я считаю, они могут и должны писать обо всем, о чем думают. Редактор может их обобщить и с успехом использовать такие обобщения. Статью не всегда можно поместить, даже если она очень хорошо написана. А письма представляют большие возможности для корреспондента, для развития и оформления его мыслей, для тренировки, упражнения в литературной работе.

В-четвертых, каждый из корреспондентов должен участвовать в жизни и работе местных советских и партийных организаций. Иначе быть не может: ведь они состоят на учете и входят в состав местных партийных организаций, они там, на месте, избирают Советы и осуществляют все свои права, как советские граждане. Мне думается, что их голос должен звучать в местной партийной и советской жизни и звучать так, чтобы к нему прислушивались.

В-пятых, сейчас все корреспонденции, о чем бы они ни говорили, должны быть направлены на помощь фронту. Все для фронта, все для победы!

В заключение скажу, что у корреспондентов одно из интересных занятий, которое развивает человека, — и серьезная, добросовестная их работа никогда не пропадет даром. Что же касается до морального удовлетворения, то вряд ли найдется много таких видов работы, которые приносили бы такое удовлетворение, как работа корреспондентов.

1945

О советском театре

Из речи на Всесоюзном съезде работников искусств

...театр должен идти вперед вместе с населением, отражая те процессы, которые происходят в самой жизни. В этом отношении театр, несомненно, отстает. Тут вина не одного только театра. Виноваты композиторы, музыканты, театральные художники, писатели и т. д.

Но вот в нынешнем году, как мне кажется, советский театр сильно подвинулся вперед. Я не разбираю качества пьес, это дело соответствующей критики. Но показателем хорошего качества уже служит то, что некоторые пьесы идут по восемьдесят раз, захватывая зрителя. Это показывает, что театр начинает входить в жизнь. Зрительное искусство начинает захватывать население. Это следует считать первым шагом на пути к возрождению нашего театра.

В настоящий момент Советская республика является, пожалуй, лучшей лабораторией для наблюдения и для творчества художника. С одной стороны, в нашей стране имеются обломки старого буржуазного общества, а с другой стороны — сильный сдвиг интеллигентских слоев; в нашей стране имеются, кроме того, огромные массы, которые рвутся к строительству. Ни в одном государстве нет возможности таких широких наблюдений, как у нас. Причина того, что у нас нет достаточно подходящих пьес, заключается отчасти в том, что наши художники, воспитанные на нашей старой художественной литературе, еще не освоились с новой обстановкой.

Последний театральный сезон показал, что театр уже не живет сам по себе, отдельно от масс. Вероятно, и внутри самого театра начинает кипеть подлинная революционная жизнь. Революция в театре началась потому, что сама жизнь этого требует. Последний театральный сезон показал, что при советском строе роль искусства возросла. Ведь в дореволюционное время сотое представление какого-нибудь спектакля было подлинным театральным праздником. У нас же за один сезон такая пьеса, как «Любовь Яровая», была показана восемьдесят два раза. Все это говорит, что театр вступает в новую полосу. В современных пьесах мы видим хотя бы осколки современной жизни. Эти пьесы уже ценны тем, что они новы и отражают хотя бы отчасти события последних лет. Ведь нужно помнить, что последние десять лет равны по меньшей мере пятидесяти годам мирного времени...

Очевидно, что успех театра и культурное его влияние на массы зависит от того, насколько он сумеет окунуться в жизнь. Мне кажется, что с нынешнего сезона театр все больше начинает втягиваться в гущу нашей жизни. А если он втянется в жизнь, найдутся и художники, и артисты.

Театр начинает влиять на широкие массы. Но и массы, с другой стороны, начинают влиять на театр. Я должен сказать, что наши артисты играют пьесы революционного содержания хорошо, умело. Взаимодействие зрителя и артиста друг на друга оздоровит наш театр, сделает его лучшей ценностью современного советского искусства.

Я думаю, что в течение ближайших 4—5 лет советский театр, несомненно, получит мировую известность. Советский театр будет лучшим выразителем революционной массовой самодеятельности населения СССР. Перед вами стоит огромная благодарная задача, — задача выявления творчества масс, и раз история возложит на вас эту задачу, то вы ее, конечно, выполните.

1927

Речь при вручении орденов работникам украинского и казахского искусства

Сегодня ордена получили работники искусств Украинской и Казахской республик. Выступления украинского и казахского театров в Москве были встречены трудящимися столицы исключительно восторженно. Тысячи людей изо дня в день посещали Большой театр и его филиал, где выступали украинский и казахский оперные театры. Это доказывает, что люди приходят в театр не только для того, чтобы отдать долг вежливости,

не только из любопытства, а потому, что им близко само искусство.

Московская публика аплодировала оперным спектаклям, шедшим на национальных языках, так же усердно, как и украинская и казахская. Почему это? Потому что народное искусство близко любому народу, хотя бы оно и демонстрировалось на незнакомом языке. Я присутствовал на спектаклях казахского и украинского театров, присутствовало на них много знакомых товарищей, и все они, как я, считают игру артистов великолепной, все они смотрели спектакли с большим удовольствием.

У нас иногда под народным искусством понимают примитив, и когда говорят — народное, так это слово берут в кавычки. Это грубейшая ошибка. Несомненно, самым высоким видом искусства, самым талантливым, самым гениальным является народное искусство, то есть то, что запечатлено народом, что народом сохранено, что народ пронес через столетия. Вы понимаете, что в народе не может сохраниться то искусство, которое не представляет ценности. Народ — это все равно, что золотоискатель, он выбирает, сохраняет и несет, шлифуя на протяжении многих десятилетий, только самое ценное, самое гениальное. И вот казахи и украинцы приехали к нам, в Москву, со своим народным творчеством и были поняты нашей публикой, которая оказала им самый восторженный прием.

Огромные завоевания дала Октябрьская социалистическая революция всем народам. Она дала возможность выявиться и ярко заблестеть талантам и народному творчеству всех национальностей.

Я не сомневаюсь, что социалистический строй в ближайшем будущем позволит всем нашим национальным республикам на основе соревнования между собой выдвинуть еще больше талантливых руководителей и великолепных творцов в разных областях искусств; я не сомневаюсь, что и народ в целом еще плодотворнее будет создавать и отшлифовывать действительно высокохудожественные и гениальные произведения.

Я от души приветствую первых представителей национального народного искусства — товарищей украинцев и казахов. Их приезд в Москву, инициатива, проявленная в этом деле, имеют огромное значение. Их выступления показали родственную близость между народами Советского Союза. В этом их исключительно большая ценность. Я надеюсь, что и другие наши республики покажут Москве немало великолепного в своем искусстве.

Еще раз поздравляю украинцев и казахов с получением высокой награды и рассчитываю, что они будут регулярными и желанными гостями в советской столице. (Шумные, продолжительные аплодисменты. Награжденные устраивают в честь М. И. Калинина и присутствующих членов правительства горячую овацию.)

1936

Речь при вручении орденов награжденным работникам грузинского искусства

Заседание Президиума ЦИК СССР 20 января 1937 г.

Товарищи, я поздравляю награжденных грузинских деятелей искусств. Они оказались в условиях, благоприятных для развития своего творчества. Грузинское искусство в советских условиях вышло на широкую арену своего творчества. До советской власти творчество грузинского народа было сковано, и только после Октябрьской революции оно получило все возможности для своего полного развития. И не случайно, что при советской власти получило особо широкое развитие именно театральное искусство.

Театральное искусство — это такое искусство, которое лучше всего воспринимается широкими массами. Естественно поэтому, что расцвет демократии сопровождается самым пышным расцветом театрального искусства. Пожалуй, ни один вид искусства не получил за это время такого большого развития, как театральное искусство. Причина этого в том, что народы Советского Союза, массы рабочих, крестьян, городского населения очень любят театр, эти массы принимают, если не прямое, то косвенное участие в развитии

театрального искусства. В самом деле, нет ни одного, мало-мальски уважающего себя завода или коллектива, который не имел бы своей труппы, своего клуба, не выдвигал бы из своей среды новых работников искусства. Вот почему театральное искусство является тем видом искусства, которое теснейшим образом связано с массами и через которое всего сильнее можно влиять на массы, через которое можно поднимать культуру масс. Поэтому сегодняшнее чествование в связи с награждением значительного числа артистов грузинского театра не является случайным, — оно целиком отвечает тому настроению народных масс, которое существует в действительности у нас. Я думаю, нет ни одной страны в мире, даже среди самых культурных и богатых, которая бы хоть чуть-чуть приближалась к нашей стране по количеству посещающего театры населения. Вот это отношение масс к театру, это, если можно так выразиться, слияние масс со сценой, оно заражает артиста, придает его творчеству большую силу. С одной стороны, оно способствует выдвижению талантов из народа, а с другой стороны, нам, как работникам среди масс, это особенно знакомо, это отношение масс к театру оказывает на артистов огромное влияние, благотворно действует на творческие силы театральных деятелей. Театральное искусство — большое искусство. В чем его сила? Почему советское правительство столь благоприятно относится к работникам театрального искусства? Можно смело сказать, что ни одно правительство так не расположено к театральному искусству, как наше. Это тоже не случайно. В капиталистических странах правительство представляет собой кучку людей, внешне пресыщенных культурой, а по существу боящихся этой культуры. Наше правительство — молодое правительство, правительство молодого класса, который с исключительной силой жаждет культуры, который, как сухая губка, впитывает культуру. А удовлетворение жажды культуры в очень большой степени дает театр — один из могучих факторов поднятия культурного уровня масс, интеллектуального развития человека. Ведь театр лучше, чем литература, чем роман, новелла, чем газета, он проще, естественней, популярней, театр может показать все внутренние переживания человека. Как ни хороши пьесы Горького, но когда мы видим их на сцене, они становятся ближе и понятней, чем при чтении, и чем талантливей они показываются на сцене, тем большее количество людей их воспринимает. Поэтому мы и говорим, что театральное искусство — одно из самых могучих средств для воспитания людей, для поднятия культурного уровня всего нашего населения. А культура нам нужна. Это первое. Второе: Советский Союз — страна многонациональная. С одной стороны, мы говорим: мы — шестая часть мира. Но вместе с тем мы только шестая часть мира, окруженная капиталистическим миром. Если бы была еще хоть одна, даже небольшая социалистическая страна, — это было бы гораздо лучше. (Ворошилов: «Хоть еще одна седьмая».) Да, это было бы хорошо. Господствующие классы капиталистических стран спят и видят, как бы разгромить эту шестую часть мира, социалистическую часть. Все-таки мы находимся, если можно так выразиться, в осажденной капиталистами крепости. И вполне естественно, что народ, если не вполне сознательно, то инстинктивно, понимает, что над ним всегда висит опасность военного нападения. Все народы Советского Союза невольно жмутся друг к другу, русские беспокоятся за грузин, грузины за русских и т. д., наши народы понимают, что каждая присоединенная к нашему лагерю единица увеличивает сопротивление. В Испании сейчас два лагеря борются за каждого бойца. То же самое в замаскированном виде происходит и у нас: идет борьба между Советским Союзом и всем капиталистическим миром. И вот здесь сценическая культура помогает цементировать народы Советского Союза. Ваш приезд роднит, сближает грузинский народ с русским народом. А ведь целые столетия царизм разъединял народы. Ваш приезд поэтому имеет очень большое значение. Ну, вас здесь мы здорово потрепали в том отношении, что, видимо, вас замучили. Работали вы тут раза в 3—4 больше, чем в Тбилиси, но вы уж должны «претерпеть» до конца (смех), твердо понимая, какую огромную работу вы несете. Те чувства восхищения, радости, похвалы, которые здесь раздавались по вашему адресу, — я их не буду здесь

повторять. Я бы только пожелал вам одного: не стоять на одном месте. Если вы через год приедете сюда с этими достижениями, это уже будет плохо. Стоять на одном месте даже мы, старики, при советском строе не можем. (Возгласы одобрения, аплодисменты.) Мы должны двигаться вперед. Правда, мы не можем двигаться с такой же быстротой, как он (показывает на т. Ворошилова), между армиями идет ожесточенное соревнование, но все же мы должны двигаться вперед, и двигаться достаточно быстро.

Я от души пожелаю грузинским деятелям искусства, чтобы они — у нас говорят в таких случаях — «не успокаивались», чтобы их творческие силы росли, как цветы, на самой благоприятной почве, и росли непрерывно. А чтобы они так росли, надо опираться в своей работе на творчество народа, черпать силы из народного творчества. Если грузинская опера и балет, грузинская драма будут находить корни в народном творчестве, их дальнейший расцвет и подъем обеспечены. Да и как этому не быть? Грузинский народ при самых тяжелых невзгодах сумел сохранить свою культуру, свое искусство, его творчество явилось питательной средой для театрального и музыкального искусства.

Разрешите мне от имени советского правительства, от имени партии и от имени самого московского населения (бурные аплодисменты) сказать, что мы гордимся тем, что не только в Москве, но и в «аших братских республиках народы Советского Союза высоко держат знамя советского искусства. Я и пожелаю вам, чтобы это высоко поднятое вами знамя не опускалось, ибо это дело чести не только вас, как работников искусства, это дело чести всего грузинского народа и всех народов Советского Союза, неотъемлемой частью которого является грузинский народ. (Горячие, долго не смолкающие аплодисменты.) Я не случайно в своем докладе на съезде сказал: вот мы сколько выдвинули людей, которые не только у нас, но и в мировой культуре имеют крупнейшее значение. Вы должны добиваться того, чтобы грузинская наука и грузинское искусство приобрели большое значение в мировой культуре. Давайте почетное место, завоеванное вами, расширять на мировой арене искусства. Пожелаю вам в этом полного успеха. (Шумные, продолжительные аплодисменты, награжденные устраивают горячую овацию в честь партии и правительства.)

А теперь два слова о Яблочкиной. Я вас от души поздравляю. Мне трудно говорить о русском искусстве. (Ворошилов: «Ты, что — лучше грузинское искусство знаешь?») Общий смех.) Нет, но мы на русском искусстве воспитывались. Хотя мы считаем себя потомственными почетными русскими пролетариями, но, по существу говоря, мы с русской интеллигенцией с ранних лет были связаны, очень рано с нею познакомились и заражены многими ее грехами и хорошими качествами.

Я от души вас поздравляю и думаю, что эта награда — вполне заслуженная награда. (Горячие аплодисменты по адресу А. А. Яблочкиной.)

Речь при вручении орденов группе бойцов Красной Армии, работникам «Правды» и Московского Художественного театра

Заседание Президиума ЦИК СССР 7 мая 1937 г.

Товарищи, разрешите поздравить всех вас с высокой наградой. Я думаю, первое приветствие нужно отнести к бойцам нашей Красной Армии и тем, кто получил награду за боевые подвиги. Мы любим Красную Армию, и любим не случайно. Это единственная в мире армия, которая призвана защищать первое государство трудящихся, которая не только родственна своему народу, но которая и защищает этот народ, оберегает его мирный труд. Поэтому, когда награждают наших бойцов за их доблестные дела, то этому награждению радуется не только тот боец, который награждается, не только та часть, в которой этот боец служит, но радуется весь народ Советского Союза, ибо эта награда свидетельствует о росте мощи и доблести нашей Красной Армии. Поэтому разрешите передать первый привет всем награжденным, связанным с нашей Красной Армией.

(Шумные аплодисменты.)

Сегодня урожайный день по награждениям. Мы награждаем сегодня работников нашего центрального органа — «Правды». Мне трудно говорить о «Правде», потому что «Правда» для нас, людей, — я боюсь сказать старых, — для людей старшего возраста, «Правда» для нас, что ружье для верного солдата, которое, по старому выражению казаков, он ни на что не променяет.

«Правда» — именно такое оружие, которым каждый коммунист исключительно дорожит, не может не дорожить. Ведь, товарищи, в нашей стране у власти стоит пролетариат, он завоевал власть. Если вы взглянете поверхностно на историю завоевания пролетариатом власти, то вы увидите только поражения рабочих, стачки, столкновения, кровопролитие, и в конце концов — Октябрьскую революцию. Но это будет чисто внешняя история, а ведь под поверхностью этой борьбы происходит колоссальнейшая идейная борьба, которая и направляла, по существу говоря, все эти физические удары. Ведь потому массы и жертвовали своей жизнью, всем дорогим, что у человека есть, что они защищали высокие идеи, которые историей предназначено было провести в жизнь пролетариату. И вот «Правда» есть тот орган, который 25 лет просвещал пролетариат, спланировал его, организовывал, который вместе с массами дрался за проведение этих идей в жизнь. Если бы нашлся художник, близкий по своему масштабу Шекспиру, он сумел бы в исключительно ярких красках показать историю этой борьбы, где столько было идеализма, где тысячи людей погибали в борьбе за высокие идеалы. Что может быть благороднее, честнее, где больше заложено внутреннего идейного содержания, чем в этой борьбе русского пролетариата, в руководстве которой принимала столь большое участие «Правда»?! 25-летний юбилей, который мы сейчас празднуем, получается, я бы сказал, бледным: практические задачи социалистического строительства, повседневная наша борьба, заботы, связанные с капиталистическим окружением, — все это не дает полной возможности по-настоящему нарисовать картину этой великолепной борьбы. Но я не сомневаюсь, что недалек тот день, когда появится крупнейший художник, который на этом благодарнейшем материале создаст величайшую драму, по своему идейному содержанию несравненно более высокую, чем величайшие произведения величайших мировых художников.

Поэтому вполне естественно, что награждение «Правды» есть наш общий праздник. Я от души посылаю привет и самые искренние поздравления руководителю «Правды», ее фактическому редактору т. Мехлису. (Шумные аплодисменты.) Мне бы хотелось передать привет и всем тем работникам, которые создают, печатают и распространяют «Правду». Многие наши люди, особенно из молодежи, ищут, как они выражаются, большой идейной, организационной работы. Я, говорит, не пойду на техническую работу, техника есть техника, а у меня внутренняя одухотворенность, поэтому мне хочется другой работы. Я таким людям не верю, которые технику отделяют от большой работы. Вопрос состоит в том, что ты под техникой подразумеваешь. В капиталистической стране чистить сапоги капиталисту — это есть техника для куска хлеба. А в социалистическом государстве — что бы ты ни делал, какой бы ни была узкой технической работа, скажем, брошюровка «Правды» — самая механическая работа, но для того, чтобы она не была технической работой, человек должен знать и понимать, что «Правда» является идейной руководительницей, могучим отрядом мирового пролетариата — советским отрядом. Если человек понимает технику не как простую технику, а связывает ее со всей социалистической работой, то и техника ярко пронизывается самым большим идейным содержанием. Разве не было техникой, когда люди шли в подполье, чтобы печатать подпольные брошюры? Ведь это была техника, и люди эти назывались техниками. Однако люди шли на это, отдавая свою жизнь, шли из-за этого на каторгу. Смешно, чтобы люди за простую технику жертвовали жизнью. Поэтому мой второй привет будет всем работникам «Правды», техническим ее работникам. И я хочу, чтобы они усвоили эту мысль, что они выполняют громадную идейную работу, тогда их техническая работа будет проникнута

громадным идейным содержанием, будет самой лучшей и интересной работой. Теперь третья группа награжденных — это Московский художественный театр, его работники. Их наградили как лучших представителей русского искусства. Что же, характеризовать Московский художественный театр излишне, его все знают, даже те, кто не ходит в этот театр. Весь Союз не может ходить в этот театр, однако этот театр знают все. Мне кажется, что эта награда является всенародной наградой. А что это значит? Ведь это в старой истории — небывалое явление. В старое время люди, конечно, ходили в театр, даже очень часто ходили, ценили, аплодировали и цветы подносили крупнейшим артистам, певцам, музыкантам. Но все-таки тех отношений, какие установились между советским обществом, между советским правительством и театром, таких отношений никогда раньше не было и не могло быть. Раньше театр был сам по себе, он вел частное культурное дело так, как оно ведется во всякой капиталистической стране. Мало того. Так как капиталистический мир переживает сумерки своего существования, он сейчас так уже не нуждается в таких культурных очагах, и поддержка такого культурного очага, каким был Художественный театр, она шла от отдельных капиталистов-чудаков и со стороны радикальной интеллигенции, а за границей и этого не было.

У нас, в советском государстве, театр является могучим фактором просвещения масс, театр входит величайшей составной частью в дело образования масс, в дело внедрения культуры среди масс. Вот почему правительство и партия так серьезно относятся к театру. С одной стороны, они реагируют на неудачные, контрреволюционные постановки, с другой стороны, они поддерживают те театры, которые идут в ногу с культурным развитием страны. Ведь культура многогранна, она имеет бесконечное количество источников, и театр — это один из лучших источников культуры.

Я от души поздравляю вас, товарищи, с высокой наградой. Эта награда означает, что Художественный театр имеет успехи и в этом отношении идет в ногу с нашей страной, с народом, который добился огромных успехов во всех областях строительства и жизни. Нигде в мире театр так не посещается, как в нашей стране. Вероятно, московские рабочие посещают за год больше театр, чем посещают, скажем, в Англии рабочие всей страны. Я об этом часто говорю приезжающим к нам иностранным рабочим делегациям. Театр тесно связывается с массами, соответственно этому сильно растет и влияние масс на театр. Мне кажется, те успехи, которые вы сейчас имеете, это только начало. Выражаясь старым языком, вы входите только на паперть храма величайшего социалистического искусства. Правильно сказал Немирович-Данченко, что театр ждет величайшего драматурга, крупнейших произведений. Но вы, как великая культурная сила, должны подталкивать это дело. Я не сомневаюсь, что не очень пожилые доживут до появления величайших художественных произведений.

Поздравляя вас сегодня с высокой наградой, я вместе с вами невероятно оптимистически смотрю на завтрашний день. Хоть вы и большое культурное дело делаете, но все-таки это еще на базе старой культуры достигнуто. Этим я не хочу охаивать старую культуру, я сам — человек старого закала. Но мы только вступаем в социалистическое общество. Надо думать, что в ближайшем будущем должны появиться наши драматурги, которые сумеют создать ярчайшие драматургические и оперные произведения, выразив в них высокие идеи рабочего класса и лучших представителей интеллигенции. Тогда действительно развернутся наши театральные силы и тогда наш театр будет, конечно, в десятки раз более народным, наш театр намного превзойдет те старые классические театры и представления, которыми когда-то пользовался весь народ, как это было в Греции.

Еще раз поздравляю Художественный театр с успехами и надеюсь, что земля наша не оскудела, что земля наша в ближайшие годы даст огромное количество талантов, новых творческих сил среди театральных деятелей. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

Речь при награждении деятелей искусств Узбекской ССР

Заседание Президиума ЦИК СССР 2 июня 1937 г.

Товарищи, сегодня у нас хороший день: получают награды от рабоче-крестьянского правительства, от партии, от народов Союза Советских Социалистических Республик художественные работники, художники одной из наших национальных республик — Узбекистана. Товарищи, это событие с внешней стороны как будто бы не особенно большое: что же, несколько десятков получают награду. Событие, так сказать, ординарное. Но здесь надо принять во внимание следующее. Товарищи, каких-нибудь полсотни лет назад, только полсотни лет, шла завоевание русскими солдатами территории Узбекистана. Была невероятная вражда. Имя русского солдата наводило ужас, ненависть на население Узбекистана. Какая разница на расстоянии 50 лет! Чего говорить о пятидесяти, 20 лет назад отношение туркменских народов, в том числе и Узбекистана, не было хорошим. А сейчас? Сейчас идет невероятное сближение народов, растет чувство взаимной симпатии, сейчас, я не сомневаюсь, каждая мало-мальски культурная девушка-комсомолка, да и не-только комсомолка, а просто колхозница — она считает огромным счастьем побывать в Москве. Где бы я ни ездил, когда я спрашиваю, хотите ли вы побывать в Москве, они отвечают: «Ой, как хотим!» Что значит эта разница? Почему все народы Советского Союза стали так тянуться в Москву, хотят увидеть Москву? Только потому, что Москва в настоящий момент является сосредоточением пролетарской культуры. Только потому, что Москва является центром пролетарской власти, т. е. той власти, которая дает полное равенство всех народов, т. е. той власти, которая уничтожает всякий гнет в каких бы то ни было формах и проявлениях. Крестьянство, рабочий класс увидели, что только эта власть дает возможность культурно расти, развиваться и с каждым годом все больше и больше улучшать материальное положение рабочего класса и крестьянства.

Ваше появление здесь, вы заметили, ведь не только правительство, не только газеты, но и московский народ с большим весельем, с большой радостью встречал. А что может быть для артиста, для художника ценней? Сейчас правительство вам вручает ордена, ценные подарки. Конечно, каждый из вас этот день запомнит и будет гордиться этим. Но я не сомневаюсь, что для вас еще более ценно было, как вас принимала московская публика. Ведь горячий прием московской публики это и есть народный прием, это и есть те отношения русского народа к узбекскому народу — новые отношения. То, что вы наблюдали в театре, это только в театре, но по существу эти отношения, которые вы наблюдали в театре — аплодисменты, симпатия, крики «ура», выражение восторга, чувства радости, которыми встречали талантов узбекского народа, то, что вы наблюдали в театре, — это и есть действительные отношения между народами Советского Союза. Вот то новое, что в настоящий момент есть. Это новое, оно и радует нас, оно и поднимает настроение. Оно роднит народы. Народы говорят на разных языках, народы развивают свою национальную культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию, но вместе с тем это народы роднит, делает их действительно братьями, но братьями не по названию, а действительными друзьями, братьями, сотоварищами, соучастниками великой социалистической стройки.

Мы здесь вас приветствуем как один из передовых отрядов социалистического строительства в Средней Азии. Мы великолепно понимаем, что если Москва находится в центре стран социалистического строительства, то Ташкент находится на границе огромных азиатских народов, где следят за вашей культурой, где, вероятно, с исключительным вниманием, с подозрительностью смотрят: а как развиваются азиатские народы под советским уклоном. Товарищи, вот эти успехи, несомненно, резонансом раздаются по огромным равнинам, горным вершинам азиатской земли. Товарищи, вы получаете первую награду, но это только первые шаги ваших успехов. Вас здесь много хвалили. Я сам, откровенно вам скажу, был только на одном спектакле позавчера, но это потому, что-у меня плохое зрение, и, хотя я театрал и не особенный,, но мне понравилось,

и что особенно мне понравилось, что у вас много жизни. Но я должен сказать, что все-таки это первые шаги, товарищи. И я думаю — награда эта первая, но это только первые шаги, только первая: ступень. Я считаю, что узбекский народ, культурный, жизнерадостный, умеет настойчиво работать. Вряд ли есть еще такая республика и такая национальность у нас, которая бы выше стояла по упорности в труде, чем узбекский народ. Я думаю, что он сумеет создать и театр-и национальную культуру, которая будет спорить с самыми передовыми европейскими странами, которая будет наравне с ними. (Бурные аплодисменты). Но это только начало.

Социалистическая культура должна далеко опередить капиталистическую. И если западноевропейские страны отстанут в области социалистической перестройки своих стран, я не сомневаюсь, что они отстанут и в области культуры.

Товарищи, вперед со всеми народами Советского Союза, вперед к новым культурным завоеваниям! (Бурные, продолжительные аплодисменты.) Желая всем награжденным счастья и успехов в вашей работе! (Продолжительные аплодисменты, крики «Да здравствует товарищ Калинин!»)

Речь при вручении наград работникам Большого театра Союза ССР

Заседание Президиума ЦИК СССР 7 июня 1937 г.

Товарищи, я от души поздравляю коллектив Большого театра. Я думаю, что вы уже ждали, так сказать, этого награждения психологически раньше, чем были награждены. Так мне кажется.

Большой театр занимает у нас выдающееся место в Советском Союзе, и требования, которые к нему предъявляются, разумеется, гораздо более повышенные, чем к любому другому оперному театру Союза. Поэтому вполне естественно, что награждение Большого театра вызовет чрезвычайно большой резонанс среди работников искусств.

Нельзя сказать, что мы имеем очень большие успехи в области оперного искусства, может быть отчасти и потому, что наши оперные театры в художественном отношении стояли на высоком уровне и раньше. Нам нечего скрывать того, что было в действительности.

Поэтому нашим оперным театрам идти вперед теперь довольно трудно. Вы сами понимаете, что завоевывать успехи там, где они были сравнительно невелики, гораздо легче, чем там, где эти успехи достаточно высоки, где таланты и дарования находили прежде некоторые возможности работать. Наши оперные театры и прежде признавались чуть ли не лучшими в Европе. Естественно поэтому, что добиться здесь новых успехов — задача нелегкая. У нас были разговоры с т. Головановым, кажется лет 10 тому назад. Я говорил: «Вы — хороший музыкант, не выйдет ли у вас опера? Попробуйте». Но мы знаем, что оперы так быстро не создаются. На мировых сценах имеется каких-нибудь три десятка опер, сохранившихся в современном репертуаре. Поэтому работа в области оперного творчества требует, очевидно, огромного музыкального таланта. А огромные музыкальные таланты, они появляются не так часто. Мы, мол должны ждать появления такого таланта. Так рассуждают некоторые товарищи. Талант, конечно, в значительной степени — врожденное качество, некоторые зачатки талантливости человек получает при самом рождении. Но помимо этого, главное и основное — это среда, как прежде говорили, окружение, это бурная жизнь, это творчество народных масс. Чем больше музыкальное творчество будет прививаться народу, чем больше людей будет участвовать в этом творчестве, тем, по простой теории вероятности, скорее появятся музыкальные гении.

Сколько гениев пропало впустую в прежнее время! У людей были врожденные качества для гениальной работы, но обстановка душила проявления гения. У нас условия совсем иные. Мы стремимся и должны растить, развивать, выявлять эти таланты. Наша музыкальная молодежь недавно поехала за границу и довольно быстро побила своих соперников. Мы сегодня награждаем т. Ойстраха и всех остальных. Это, за исключением

т. Ойстраха, самая зеленая молодежь. Да и Ойстрах по заграничным понятиям — очень молод. Но каждое явление имеет две стороны. Они поехали и побили всех. Это может говорить о том, что у нас очень высокий уровень музыкальной культуры. Но, может быть, там очень плохие музыканты? Капиталистический мир переживает столь тяжелое состояние, что новому, социалистическому миру, его представителям очень легко их побить, в капиталистическом мире не осталось талантов, которые могут соревноваться с нашими талантами? Можно и так рассуждать. Это, конечно, еще далеко не так. Во всяком случае нам придется большую работу проделать, чтобы в этой области занять выдающееся положение. Не случайно, что Большой театр почти последним получает награду из всех остальных театров, последним по времени. Это потому, что Большой театр — одна из самых тяжелых махин. Успехи его должны отозваться на всем музыкальном мире Советского Союза. Маленькие, повседневные успехи этого коллектива, они проходят сравнительно незаметно, — слишком большие масштабы у него самого, слишком большие требования к нему предъявляются, слишком высокое место он сам занимает. Вы понимаете, что если выпускает свое произведение какой-нибудь крупнейший писатель, то требования к нему совсем другие, чем к произведению писателя молодого, малоизвестного. Так и здесь: требования к Большому театру гораздо выше, чем требования ко всем остальным оперным театрам. Можно поставить так вопрос: чем же виноват театр, дирекция театра, его коллектив, что нет новых талантливых опер? Театр, мол, сам опер не делает, он только стремится лучше оформлять оперы, как можно лучше их исполнять. Такая постановка вопроса возможна, но она правильна только отчасти. А скажите мне: какой другой коллектив в Советском Союзе может так сильно влиять на музыкальное творчество, на работу композиторов? Если Большой театр по этой линии не направит свою инициативу, если он не будет давить на нарастающий слой композиторов, тогда, я считаю, театр не выполнит своей задачи. Работа такого театра, как Большой, и работа композиторов — эта работа является в значительной степени общей, в особенности у нас, в Советском Союзе. В старом, капиталистическом мире, вы знаете, что Бородин из материальных соображений занимался химией, а по душевной симпатии писал оперы. У нас в этом отношении положение совсем иное. У нас есть все возможности не только человека освободить, но и прийти ему на помощь со всей мощью такого коллектива, как Большой театр, прийти к нему с государственной поддержкой. Поэтому я считаю, что успокаиваться на том, что появление оперы является «счастливой случайностью», успокаиваться на этом нельзя. Оперный коллектив должен настаивать, должен толкать наших композиторов на творчество, на создание новых опер, полноценных опер. А есть ли у нас материалы, сюжеты для опер? дает ли современная наша жизнь возможность написать широкие музыкальные, драматические картины? Я считаю, что наша современная жизнь и наше недавнее прошлое дают возможность написать тысячи картин, по своему драматизму не уступающих картинам из исторического прошлого капиталистических стран. Нужны только люди, которые сумели бы музыкально оформить эти замечательные по своему драматизму картины.

Большой театр получил самую высокую оценку со стороны партии и правительства. И самый объем награды совсем иной, нежели по другим театрам. Я думаю, что эта награда вызовет со стороны коллектива Большого театра и соответствующий творческий отклик. Надо во что бы то ни стало добиться того, чтобы наше оперное творчество, наше музыкально-вокальное творчество получило новое мощное развитие. Прошло 20 лет. За это время мы в основном пробавляемся старыми, давно написанными произведениями. Я не сомневаюсь, что если Большой театр проявит в этом деле инициативу, он поможет создать новые советские оперы, не уступающие в музыкальном отношении лучшим старым операм и гораздо более высокие в идейном отношении. По существу, опера, несмотря на свою внешнюю отвлеченность от жизни, оформляет те огромные чувства, которые проявляются в народе. А разве мало в советском народе чувств? Да возьмем путешествие на Северный полюс. Ведь это путешествие переживается миллионами

советских людей! Гражданская война в Испании или гражданская война в Советском Союзе — все это переживается и переживалось миллионами наших людей. Поэтому если вы оформите то или иное музыкальное произведение, выражающее чувства народа, — такое произведение должно произвести величайшее впечатление.

Поздравляя вас от души с высокой наградой, я очень хочу, чтобы у нас в этой области были такие же завоевания, какие мы имеем и в других областях нашей жизни.

Товарищи, музыкальное искусство, вернее, наслаждение музыкой, конечно, не первичное, не самое основное чувство человека. Сначала человек хочет есть, хочет одеться, чтобы не было холодно. Но если он сыт и одет, тогда музыка занимает очень крупное место. В нашей действительности музыка занимает все больше и больше места, играет все большую роль в культурном воспитании народа. Поэтому ответственность за это большое дело будет все больше увеличиваться. А ведь вы в этом отношении стоите на очень большой вышке. Каждый музыкант, где бы он ни начинал свое музыкальное образование, он всегда будет смотреть и измерять свои успехи по Большому театру.

Я очень хочу, чтобы наше музыкальное искусство росло и чтобы роль Большого театра в развитии этого искусства не уменьшалась, а увеличивалась, чтобы он не сдавал своих позиций и не только держался на вышке, но чтобы эта вышка все больше и больше росла. (Шумные аплодисменты.)

Наших юных скрипачей и пианистов я от души поздравляю. Не знаю, как у вас, а у меня такое впечатление — наша молодежь поехала за границу и показала — знай наших!

(Возгласы одобрения, горячие аплодисменты по адресу музыкальной молодежи.)

Несомненно, что хорошо. Это показывает, что музыкальная жизнь начинает у нас бурлить. От всего сердца пожелаю им дальнейших успехов. Вручая им награду, я пожелаю, чтобы весь коллектив награжденных оказался в будущем достойным новых наград, чтобы сегодняшние награды не оказались случайными. (Аплодисменты.)

Разрешите поблагодарить товарищей педагогов, которые сумели воспитать нашу талантливую советскую музыкальную молодежь. (Бурные аплодисменты.)

Разрешите приветствовать товарищей, награжденных за особые боевые заслуги. (Горячие, продолжительные аплодисменты.) Товарищи, мы вами так же гордимся, как и музыкантами. (Бурные аплодисменты.) Заслуги ваши почетны и поднимают авторитет Советского Союза. (Аплодисменты.)

А теперь разрешите пожелать всем вам счастья и успехов в индивидуальном порядке. (Последние слова Михаила Ивановича покрываются бурей аплодисментов.)

Речь при вручении орденов товарищам Чкалову, Байдукову и Белякову и работникам Малого театра

Заседание Президиума ЦИК СССР 27 сентября. 1937 г.

Товарищи, поздравляю в первую очередь наших героев тт. Чкалова, Байдукова и Белякова с успешным завершением их очень ответственной задачи. Сегодняшнее вручение им орденов есть окончательное завершение этой задачи. Как здесь сказал т. Чкалов, мы примемся за разрешение новых задач. Задач очень много, в особенности в воздушном флоте. В нашей стране есть где проявить волю, настойчивость, умение и таланты. От души пожелаю славной тройке полного успеха в их новых начинаниях. (Горячие аплодисменты.)

Сегодня мы вручили ордена Малому театру как целому коллективу и значительной группе его работников. Я вместе со всем коллективом театра радуюсь, что партия и правительство наградили Малый театр.

Настоящую награду можно рассматривать не только с точки зрения непосредственной оценки работы Малого театра. Я думаю, что эта награда вместе с тем является как бы символом того, как старшее поколение молодеет, делается ближе, роднее советскому

строю, оно входит в рать этого борющегося строя. Вы сами понимаете, что двигатель советского строя — это молодежь. Наше правительство в настоящее время не есть самое молодое, но во всяком случае одно из самых молодых правительств во всем мире. Наш руководящий состав во всех областях нашей деятельности — самый молодой руководящий состав. Лучшим подтверждением этой мысли может служить состав Героев Советского Союза, этих наиболее выдающихся представителей наших лучших людей. Среди нас присутствуют получившие сегодня награды три Героя Советского Союза, и самому старшему из них — т. Чкалову — вероятно не более 35 лет.

И вот Малый театр, я считаю, завоевал советскую молодежь, завоевал наиболее активную, живую, стремящуюся вперед часть населения, которая наиболее способна к героическим поступкам, проявляющимся наиболее горячо и непосредственно. Малый театр в настоящее время становится не только любимым театром людей зрелых, но и любимым театром нашей молодежи. Я считаю, что это одно из самых больших завоеваний театра (аплодисменты), это лучший показатель того, что театр идет в ногу с нашим общим движением, что театр идет в ногу с лучшими стремлениями наиболее активной части населения.

И вот, я от всей души поздравляю как Малый театр в целом, так и награжденных артистов театра. (Аплодисменты.)

Я полностью солидаризируюсь с выступавшими здесь орденосцами, что развернуть творческие силы у нас есть где. Конечно мы, люди старшего поколения, росли большей частью на критике, на обрисовке отрицательных сторон старого мира. Мы увлекались таким писателем, как Чехов, который рисовал среднего обывателя старой России, причем рисовал его бесподобно, лучше, чем кто бы то ни было. И вот, перестраиваться с этого критического и скептического отношения на отношение иное — к новому периоду, к новым условиям — довольно трудно. Ведь наш советский строй есть полная противоположность строю старому. В наших условиях миллионы людей активно участвуют в социалистическом строительстве, в самообразовании, в политических действиях, в нашем народе есть стремление, желание, жажда совершить большие дела, быть участником нашего громадного строительства, и эта жажда проявляется в бесчисленном количестве видов и случаев. Я сегодня прочитал письмо пионера, в котором он просит зачислить его в пограничные войска и говорит: «Хочу быть героем». Это письмо не является чем-то случайным, проявлением активности отдельного человека. Это письмо есть выразитель стремления масс к героизму. В этом отношении оно характерно. Когда читаешь о Великой французской революции, видишь, как много было там героических речей, сколько красивых жестов. Разумеется, было много великих и красивых дел. И насколько скупа на жесты с внешней стороны наша революция, как мало вот этой исключительно блестящей по форме декламации. Самые агитационные речи в моменты самого высокого подъема —| возьмите Ленина—проникнуты строго практическими требованиями. Но под этими строго практическими требованиями таятся величайшие идеалы освобождения людей от гнета. Идеи нашей коммунистической партии, идеи коммунизма —они не нуждаются в этой искусственной декламации, в этом искусственном подогреве. Само дело, за которое борется партия, оно столь высоко, столь идеально, что какой бы скучной прозой его ни рассказать, но если человек понял суть дела, оно уже будет великим. Сейчас у нас в стране идет гигантская стройка, и весь тот героизм, который проявляется в этой стройке, он создает величественную картину. Если взять каждое отдельное дело, — оно строго практично, строго материально. Однако в нем заложены самые высокие идеалы, способные затронуть самые глубокие струны человеческого сердца, и это дело заражает миллионные массы нашей страны, эти идеалы облагораживают всю нашу работу, начиная от работы колхозника и кончая работой самого высокого художника. Сейчас колхозник, когда он нажал лишний центнер хлеба, считает это героическим делом, государственным делом, потому что он связывает свою работу с нашим общим делом, пронизывает ее нашими идеалами, считает — и

совершенно правильно, что этим он укрепил на столько-то коммунизм. Вот почему его работа проникнута пафосом, вот почему он с гордостью говорит о своей работе. Он знает, что лишней центнер хлеба укрепляет Советский Союз, власть трудящихся, силу нашего государства на международной арене. Ничего этого прежде не было и не могло быть. Вот как изменилось положение в наших условиях по сравнению с условиями капиталистического общества!

И я думаю, товарищи, что реалистическое направление, являющееся традиционным для Малого театра, обогащенное 20-летним опытом пролетарской революции, обогащенное громадным распространением коммунизма, даст в будущем возможность еще больше развернуть вам могучие творческие силы. Я думаю, что молодые силы, работающие в Малом театре, будут достойными наследниками великих артистов Малого театра. Но они будут куда счастливее великих артистов прошлого, ибо они служат народу (бурные аплодисменты), ибо они вместе с народом повышают культуру, ибо они вместе с народом борются за Советский Союз, ибо они вместе с народом укрепляют коммунизм и, я думаю, вместе с народом добьются полной победы коммунизма во всем мире!

Речь при вручении орденов работникам Ленинградской консерватории

Товарищи! Поздравляю всех награжденных с получением высокой награды, награды безусловно заслуженной. Я хочу остановиться сегодня особо на награждении Ленинградской консерватории и ее работников.

Я от души приветствую награждение Ленинградской консерватории самой высшей наградой — орденом Ленина. Это награждение говорит о том, что Рабоче-Крестьянское Правительство и партия очень высоко оценивают те успехи и достижения, которых добилась Ленинградская консерватория. Вы знаете, что за пределами Советского Союза всюду кричали и кричат, да и у нас в темных углах говорят о том, что при власти рабочих и крестьян культура неминуемо должна упасть, что эти «низшие» классы не умеют ценить науку и искусство. Но практическая жизнь показывает иное. Только 20 лет существует Советский Союз, — с исторической точки зрения это буквально одно мгновение, — но за эти 20 лет, в продолжении которых рабочие и крестьяне нашей страны должны были отвоевывать свою власть, укреплять ее, налаживать хозяйство страны, заниматься в самых тяжелых условиях созданием социалистического государства, — за это время мы сумели значительно поднять и науку и искусство. (Бурные аплодисменты.)

Что это значит? Какие причины заставляют рабочих и крестьян нашей страны уделять такое большое внимание науке и искусству? Объясняется это тем, что действительным ценителем науки и искусства является только народ.

Вы, вероятно, знаете историю буквально всех талантов, и не только у нас, но и во всем мире. Можно с уверенностью сказать, что нет в капиталистическом мире ни одной страны, где бы таланты ценились по-настоящему. Капиталистический мир перед талантливым человеком раскрывает только один путь — путь самой непроизводительной растраты его таланта, путь наживы, путь приспособления своего таланта к дешевым вкусам буржуазной публики. Этой сытой, бездеятельной буржуазной публике настоящая культура не нужна. Наши помещики еще при Гоголе умели по-французски говорить, они удивлялись, когда бывали во Франции, что там даже извозчики умеют говорить по-французски, а в России на этом языке разговаривают только помещики. (Смех.) Но усваивали они этот язык только механически, потому что это было модно, на их уровень культурного развития это никак не влияло. Так и в странах капитализма. Только нужда, только состояние производительных сил, а не добрая воля господствующих классов заставляет развивать науку и искусство. Сами господствующие классы в этом не нуждаются. На концерт какого-нибудь крупного музыканта 90 процентов публики идет потому, что плата высокая, что музыкант модный.

У нас иначе, у нас деятели искусств получают оценку своих творений со стороны народа, а народ не подкупишь, народ не развратишь. Развратить можно отдельные группы, коррумпировать их, а весь народ развратить нельзя. Наше искусство служит народу, должно ему служить. У нас слушают концерты видных музыкантов, смотрят картины художников десятки тысяч людей, и они дают свою оценку. Может ли быть их оценка ниже оценки буржуазной публики? Не может быть ниже. Почему? Мы знаем, что самые даровитые поэты, самые талантливые композиторы становились гениями в своем творчестве только тогда, когда они соприкасались с народным творчеством, когда они обращались к его истокам. Вне этого нет гениальных людей. Возьмем поэтов. Песни действительно великих поэтов народ поет, не может не петь в силу своей музыкальности. А почему народ музыкален? Потому, что музыка есть один из могучих факторов увеличения производительности труда. Возьмите народные напевы, — все они связаны с трудом. Возьмите пляску народную, мы ею все восхищаемся, — народ, отбирая лучшее, показывает трудовые процессы в пластической форме. И песни и пляски создавались народом на протяжении десятилетий и даже столетий, народ оставлял в них только самое ценное, бесконечно совершенствовал и доводил до законченной формы. Ни один великий человек не может за свой короткий век проделать такой работы, — это доступно только народу. Народ является и творцом и хранителем всего ценного. Наши великие художники оставили напевы, которые поются народом. Но вся жизнь, вся обстановка толкала их творчество в другом направлении. Прежние управители сметали таких художников, а мы привлекаем художников. У нас художник, чтобы стать великим, должен пойти в народ; если его произведения не захватывают десятки тысяч людей, он останется незаметным. Поэтому в наших условиях связь искусства с народом гигантски возрастает. Нельзя сказать, что мы полностью охватили искусством весь народ и что творцы нашего искусства сами непосредственно вышли из народа. Этого мы еще не можем сказать. Но уже сейчас можно сказать, что наши музыкальные мысли, наши художественные идеи из года в год пускают все более глубокие корни в народные массы и уже начинают здесь давать свои цветы и плоды. Вот почему особенно ценна эта награда. Правительство при награждении организаций и людей искусства учитывает увеличение связи народа со служителями искусства.

Здесь директор Ленинградской консерватории, говоря о нашем мирном труде, совершенно правильно подчеркнул, что мы находимся во враждебном окружении. Мы наслаждаемся 17 лет миром, но скрежет зубовой наших врагов раздастся из всех стран капиталистического мира. Нельзя думать, что капиталистический мир примирился с нашим существованием, дескать, пускай себе живут спокойно. Это далеко не так, и мы не случайно уделяем такое большое внимание Красной Армии, ее росту, повышению ее культурности и квалификации. И, товарищи, связь искусства с Красной Армией — это такая же связь, как связь искусства с трудом. — Искусство еще более усиливает нашу Красную Армию. Посмотрите на такую маленькую страну, как Испания, там все видные деятели искусства несут свое творчество революционной армии, и сами идут в эту армию как ее бойцы. У нас этот союз должен быть исключительно тесным, и тогда музыка, искусство будут иметь исключительное значение. С внешней стороны может создаться впечатление, что искусство будто бы становится прикладным. Но это глубоко неверно. Представьте себе, что музыкант дает концерт отправляющейся на фронт дивизии. Я ручаюсь, что даже у среднего музыканта, особенно если он патриот нашей родины, это вызовет величайший творческий подъем.

Сегодняшняя награда есть констатация крупнейших успехов Ленинградской консерватории. Разрешите мне пожелать, чтобы Ленинградская консерватория не только полностью оправдала эту награду, но чтобы она сделалась светочем, центром мировой музыкальной культуры, центром нашей музыкальной культуры, чтобы за пределами Советского Союза каждый музыкант знал и чувствовал, что если есть где подлинный расцвет музыки, так только в Советском Союзе. (Бурные, продолжительные

аплодисменты.)

1938

Речь при вручении наград работникам кинематографии и деятелям азербайджанского искусства

Товарищи, разрешите поздравить всех награжденных с получением высокой награды — орденов.

Я от души приветствую русских художников — товарища Толстого и других, по праву получивших эту награду, и надеюсь, что их успехи будут и в дальнейшем развиваться, что эта награда, которой они отмечены народом, волеет в них новые творческие силы.

Сегодня у нас основной группой награжденных являются участники декады азербайджанского искусства. Только что прошедшая в Москве декада азербайджанского искусства — это очень большое и культурное и политическое явление.

Европейские народы всегда смотрели на азиатские народы свысока, и, если европеец ехал на Восток, так он ехал посмотреть экзотику, главный интерес проявлял к экзотике Востока. А в чем эта экзотика заключалась?

В огромной отсталости стран Востока. И представители господствующих классов европейских стран отводили душу в условиях этой отсталости.

У нас положение совсем иное, у нас эта отсталость ушла уже в прошлое. Искусство азербайджанского народа, как и других народов Советского Востока, выходит на широкую дорогу.

В чем же состоит главное завоевание Азербайджанского оперного театра в Москве?

Конечно, не только в том, что вас чествовало правительство, не только в том, что вы получили ордена, — это все-таки частность, — а в том, что московская публика вас встретила восторженно, как художников, как артистов. Это, я считаю, самое главное ваше завоевание! (Голоса: Совершенно верно.) И я думаю, что восторженная встреча вашего театра московской публикой будет самой главной зарядкой для артистов, для художников, для всех работников театра.

Ваши победы вселяют радость в сердца московской публики, они увеличивают чувство гордости за Советский Союз: вот Советский Союз — громаднейшая страна, ее населяет множество различных народов, но народное творчество во всех его проявлениях цветет по всему лицу советской земли. Это сплачивает не только культурные силы нашего государства, но и увеличивает вообще силы Советского Союза. Это способствует еще большему сближению народов Советского Союза, росту взаимного уважения друг к другу, росту родственных чувств между народами Советского Союза. Ибо ведь что сплачивает, сближает народы между собой, делает их родными? Помимо общности экономики, культурное творчество — самое мощное средство такого сближения. Разрешите поздравить вас с заслуженным успехом, ибо при самой скромной оценке можно безусловно сказать, что вы имеете заслуженный всенародный успех.

(Награжденные устраивают горячую овацию в честь тов. Калинина, в честь руководителей партии и правительства.)

1938

Об искусстве плаката

Вопрос о том — искусство плакат или не искусство, по-моему, праздный вопрос. И сама постановка этого вопроса принципиально неправильна.

Среди плакатов наших художников есть и мазня, но есть и шедевры, образцы такого мастерства, что они являются настоящим искусством. Нельзя сказать, что вот это —

процесс искусства, а это — ремесло, потому что, делая одно и то же дело, его можно делать и ремесленно и как образец искусства. Так и плакат можно дать как хорошее искусство.

Вспомните рисунки Кукрыниксы или Ефимова, — когда люди видят их подпись, то на самый рисунок смотрят пристальнее. Это искусство, мастерство? Безусловно. Правильно говорят, что и сапожник может быть художником, и художник может быть сапожником. Человек делает замечательные вещи не потому, что он работает в сфере искусства, или, вернее, не только поэтому, а потому, что его работа выше ремесленной, что его работа художественна.

Ремесленная работа—это работа по трафарету. Так в старину работали богомазы — они писали иконы по трафарету. Но даже среди этих людей были художники, поднимавшиеся до вершин искусства.

Я считаю поэтому, что нельзя отрывать искусственно живопись от плаката. Плакат — это тоже живопись, но живопись, имеющая свои особенности: рисунок должен бросаться в глаза, приковывать к себе внимание. Если позволительно такое сравнение, то я бы сказал, что картина — это пропаганда, а плакат — агитация. Но ведь агитация не менее нужна, чем пропаганда, особенно в военное время.

Плакат — это массовое искусство. Плакат добивается того, чтобы человек не прошел мимо него, а обязательно остановился. А мимо обычного художественного произведения человек может пройти, не остановившись. Его надо подтолкнуть на то, чтобы он посмотрел и понял, что находится перед ним. Плакат же рассчитан на массы. Идет мимо колхозник, вдруг увидел плакат и надолго перед ним остановится и станет разбирать, что там изображено. И чем пристальнее народ будет смотреть, тем большего эффекта этот плакат достигнет.

Выбор темы плаката во многом зависит от характера самого художника: один любит героику, находит ее и изображает, другому более свойственна сатира, и он работает в этой области. Незачем ставить вопрос — то или другое, героика или сатира? Мне кажется, надо использовать все, что поддается плакатному изображению в том духе, который наиболее свойствен тому или иному художнику, и даже теми средствами, которые ему предпочтительнее: карандашом, маслом, акварелью и т. д. Нужно все использовать, и не следует ставить какие-нибудь искусственные ограничения. Все должно быть пущено в ход; ведь плакат — искусство массовое, с ним художники идут в народ. Но надо сказать, помимо того, что искусство достигает известной цели в области политики: влияния на народ, на армию, поднятия боевого настроения,— оно несет просвещение в массы средствами живописи.

Сейчас подготовлена, если можно так выразиться, вспаханная, удобренная почва для внедрения в народ живописи. Посмотрите, театр у нас сейчас стал буквально народным искусством. Если в деревеньке имеется каких-нибудь 20—30 дворов, там уже обязательно есть свой драматический кружок. А живопись в массы проникает еще с большим трудом. Часто приходится слышать, что настенных картин выпускается мало, у колхозников в избах их нет. Это верно. Такие нарекания справедливы.

Когда я просматриваю картины многих современных художников, то мне кажется, что их культура слабовата. Я говорю не о живописной технике, а об общей культуре.

Спрашивается, может ли быть художником, настоящим, большим художником, человек не высокообразованный? Можно представить себе гениального художника, у которого феноменальная чуткость к цвету и сочетаниям цветов и к форме рисунка. Он может изобразить человека, как живого, но это, оказывается, мало. Бывает, что художник рисует человека с натуры, но дает лишь оживленную фотографию, и только крупный мастер дает в портрете живого человека. Тут и лицо как будто чуточку непохоже, но вложено что-то такое, чего сразу и не уловишь, и перед вами — живой человек. Это уже работа настоящего художника.

А вот для того, чтобы создать тип, — для этого нужно очень многое. Без культуры, без

знания литературы, русской истории этого добиться нельзя. И мне кажется, что этого-то нашим молодым художникам не хватает, многое у них выходит примитивно. Между тем, талантливый плакат, я думаю, труднее написать, чем картину. Плакат прежде всего должен быть чрезвычайно острым. Разница между картиной и плакатом еще и та, что в плакате все должно быть собранным, концентрированным. — Ведь только концентрированное, типичное производит большое впечатление. Вспомните литературную классику. Тут даны чрезвычайно концентрированные типы, и поэтому она до сих пор производит огромное впечатление, ее читаешь с захватывающим интересом. Таким образом, плакат — искусство, хотя, может быть, временное, преходящее искусство, не вечное. Я понимаю, что каждому художнику хочется создать произведение, которое жило бы в веках. Плакаты же, когда пройдет их время, будут лежать в архивах. Возможно, в этом смысле самолюбие художников-плакатистов ущемлено, так как им обидно, что они работают на короткое время. Но мне лично кажется, что даже с этой стороны художники-плакатисты не могут обижаться. Когда люди будут изучать эпоху отечественной войны, они не пройдут мимо «Окон ТАСС», как не пройдут мимо «Окон РОСТА» при изучении Октябрьской революции.

И серьезный историк, и будущий художник, касаясь эпохи отечественной войны, обратятся к этому материалу.

Сейчас плакаты имеют большое влияние на массы, и в истории они, возможно, переживут некоторые картины.

Ведь и картины через несколько сот лет уничтожатся или сохранятся в копии. Но, собственно, все это касается самолюбия художников, а перед художниками стоит другой вопрос — вопрос практический: как они своей профессией могут помочь фронту, нашим бойцам.

Вот в этом отношении у художника-плакатиста особенно благоприятное положение. Его произведения должны оказывать практическое влияние на исход войны, на увеличение стойкости красноармейцев, на увеличение их храбрости. А это сейчас самое главное. Ведь каждый сейчас чувствует настоятельную потребность хоть чем-нибудь непосредственно помочь войне, оказать влияние на ее исход. И ясно, что самой талантливой картиной вы не сможете так влиять на участвующих в войне людей, как плакатом.

Мне даже кажется, что чем гениальнее картина, тем ее понимание приходит позже, — ее скорее поймут последующие поколения, чем те, при которых она создается. Может быть, это не общее правило, но гениальность отчасти в том и выражается, что гениальный человек заглядывает далеко вперед.

Что же касается плаката, то это — агитация сегодняшнего дня. Вопрос заключается только в его влиянии и распространении: чем больше он производит впечатления, чем больше он распространен, тем большую помощь он оказывает войне. А раз так, значит эта работа положительная, а те, кто в ней участвует, если, конечно, они работают хорошо, должны получать удовлетворение.

1942

Восстановительное строительство и задачи архитекторов

Председателю Комитета по делам архитектуры при СНК СССР А. Г. Мордвинову
Москва, Кремль, 14/X 1943 г.

Уважаемый товарищ,

В настоящее время в связи с восстановлением разрушенных городов, из которых некоторые, как, например, Сталинград, строятся заново, необходимо, чтобы в этом деле приняли горячее участие и проявили широкую инициативу советские архитекторы.

Новое строительство дает большие возможности для создания подлинно социалистических городов с большими художественными ансамблями и глубоко

продуманными жилыми стройками, полностью отвечающими современным требованиям. При воссоздании, скажем, Сталинграда безусловно придется учитывать и обилие солнца, и Волгу, и направление ветров, и пески. В соответствии с этим, возможно, потребуется совершенно новая перепланировка города.

И, конечно, необходимо, чтобы такое дело находилось в культурных архитектурных руках или по крайней мере под надзором людей, отвечающих этому требованию.

В основу строительства жилых домов должен быть положен принцип удобства для живущих в них, чтобы эти дома были не только хороши снаружи, но внутри удобны для жилья, а общественные здания годны для предназначенных целей.

И при этом следует избегать всяческих выкрутасов. Социалистическое строительство должно быть целеустремленным, красивым, радующим взгляд, но не вычурным и не претенциозным.

Желательно распространение архитектурного влияния на нашу колхозную деревню как в популяризации типовых домов, так и в планировке колхозных улиц.

Сейчас советским архитекторам представляется редкий в истории случай, когда архитектурные замыслы в небывало огромных масштабах будут претворяться в реальном строительстве.

И мы вправе ожидать, что наши архитекторы удовлетворительно справятся с выпавшими на их долю задачами.

В противном случае тяжелая моральная ответственность перед потомством ляжет на наше архитектурное руководство и на нашу архитектурную общественность.

Высказывания М. И. Калинина (Из докладов, статей и бесед)

Революция не ставит своей целью разрушение культурных и материальных благ, она увеличивает мощь, духовную и материальную, самого восставшего народа. Восставший народ творит, созидает, он должен создавать, если хочет довести революцию до конца. («О земле», март 1917)

Уездные и волостные крестьянские комитеты... спасут необходимые культурные центры, сгладят эксцессы против имущества и личности, - одним словом, внесут в эту тяжелую междуклассовую драму благородство и великодушие демократического духа. («Революция и деревня», март 1917)

Советская культура, которая... кажется, по сравнению с развитой, общепризнанной буржуазной культурой, еще несовершенной, - в своем несовершенстве имеет громадные преимущества перед старой культурой - она молода, имеет будущность, и эта будущность дает ей возможность надеяться быть победителем над старой буржуазной культурой. (Из доклада на VI Чрезвычайном съезде Советов Белоруссии, 1924)

В прошлом отставшие своей культурой народы быстро догоняют ушедших вперед. Создаются и растут национальные кадры. Русская литература делается родной литературой народов. Русский язык изучается уже охотно и свободно. Рост культурного и материального обеспечения, рост политического сознания, творческой инициативы - характерная черта всех народов и национальностей, населяющих нашу республику. Таковы политические результаты национальной политики коммунистической партии. («О проекте Конституции РСФСР», 1937)

Марксисты стремились определить не точные границы, отделяющие интеллигенцию от остального населения, а ее социально-экономическую роль и место в классовой структуре капиталистического общества. Там роль интеллигенции определена - это служить капиталу на всех его поприщах, т. е. в производстве, в государственном аппарате, в общественной жизни и т. д., выступая повсюду и везде защитником капитализма. Коротко говоря, интеллигенция являлась приказчиком капиталистов...

Положение советской интеллигенции совершенно иное. Кому она может служить при

отсутствии капиталистов? - Только народу, т. е. рабочему классу и крестьянству.

Например, писатель - его произведение читает не капиталист, а народ. Недаром книги наших писателей выходят не двумя-тремя тысячами экземпляров, что является нормальным в странах капитала, а сотнями тысяч.

Наш артист, - он играет не в строго отборной аудитории, так сказать, завсегдаев театра, а перед народом. И как бы ни был вместителен театр, в нем всегда тесно, в нем бьется народная волна...

Ни один угнетенный класс никогда не имел и не мог создать собственной интеллигенции. Только рабочий класс оказался в силах разрешить эту задачу благодаря завоеванию политической власти и экспроприации экспроприаторов. Речь идет о создании такой интеллигенции, таких руководящих кадров, таких инженеров и техников, таких администраторов, командиров, деятелей науки, искусства, литературы, театра, школы, печати, юриспруденции, медицины и т. д., которые способны понять политику рабочего класса, способны усвоить эту политику и готовы осуществлять ее на совесть, т. е. такую интеллигенцию, которая способна отстаивать интересы рабочего класса на всех поприщах и во всех сферах как интересы руководящего класса нового общества.

Такой именно и является в своей основе наша, советская интеллигенция, которая благодаря этому становится передовым отрядом в строительстве коммунизма.

(«Об интеллигенции», 1939)

...перед нашей интеллигенцией, перед людьми интеллектуального труда в нашей стране открылось такое широкое поприще для творчества, о котором раньше нельзя было и мечтать.

Прежде, например, грузинский писатель писал на грузинском языке только для грузинского народа. Даже очень даровитому писателю прорваться на широкую арену, не говоря - европейскую, но и в российскую литературу, представляло огромные трудности, вплоть до полицейских рогаток. Но фактически тогда он не творил даже и для своего народа. Теперь же он действительно творит для грузинского народа, а вместе с ним и для всего 183-миллионного советского народа. В этом как раз и выражается одна из важнейших особенностей советской власти, глубоко интернациональной по самой своей природе. Можно смело сказать, что в наше время ни одно ценное художественное произведение грузинского, армянского, белорусского, украинского и любого национального писателя не останется втуне, оно сейчас же выскочит на всесоюзную арену, его подхватит не только русский народ, но и народы всего Советского Союза. Вот в чем заключается новое положение.

Это новое положение, несомненно, расширяет кругозор всех работников интеллектуального труда и уменьшает национальную ограниченность.

(Из речи на Тбилисском общегородском собрании интеллигенции, 1940)

Чем выше будет наша культура, чем лучше будут жить люди в нашей стране, тем сильнее будет агитация за коммунизм во всем мире. И это будет такая агитация, с которой никакие силы реакции не справятся, против которой окажутся бессильными все орудия пытки, казни и истребления людей.

(Из речи на митинге рабочих Тбилисского паровозоремонтного завода им. Сталина, 1940)

Образование не дается легко. Его надо завоевать в неустанном труде. Без широкой образованности нельзя преподавать марксизм-ленинизм с расчетом хотя бы на маленький успех. Какой может получиться преподаватель марксизма-ленинизма из человека, который плохо знает историю народов СССР, всеобщую историю, естествознание, литературу, философию, разные отрасли искусства и т. д.

Вы, наверное, хорошо знакомы с тетрадями Карла Маркса, в которых содержатся его знаменитые хронологические выписки. Но Маркс поражает не только своими знаниями истории, но и математики, и естественных наук, и литературы, и искусств и т. д. и т. п.

Чего только не знал Маркс! Вот где успех!

(«О преподавании марксизма-ленинизма», 1940)

...для того чтобы повышать культуру, надо обратиться к истории культуры, ко всему культурному наследию человечества. Нужно знать русскую литературу и в особенности художественную. Без этого не обойтись. Учитель имеет дело с человеческим материалом, с самым молодым и восприимчивым. Художественная литература - это богатейшая панорама типов людей, так по крайней мере я думаю. В художественной литературе вы видите людские типы в бесконечно разнообразных положениях. Поэтому знание художественной литературы - это почти ваша профессиональная обязанность. Поэтому повышение культуры - это в первую очередь знание художественной литературы. Она больше всего обогащает человека, дает возможность (я сужу по своему опыту) расти человеку, больше понимать людей.

(Из речи на совещании учителей, 1938)

Вы знаете, что лучшие, гениальные произведения читаются различными людьми или людьми различных положений или различных возрастов, и каждое положение и каждый возраст находят свои отклики в этих произведениях. Я напомним вам хотя бы о «Дон-Кихоте». Я читал его в детстве и им восхищался; я читал его уже в зрелом возрасте и тоже восхищался. Ясно, что когда я читал его в детстве, находил одни качества, а в зрелом возрасте восхищаюсь другими сторонами. Вы видите, что есть произведения, которые удовлетворяют не только лиц различных классовых положений, но и различных возрастов.

(Из речи на VII Московском губернском съезде Советов, 1925)

Нам нужно, с одной стороны, обучать студентов высшей технической школы теории, обучать непосредственно техническому делу, а с другой стороны, их нужно знакомить с литературой, в том числе и с беллетристикой. Вам, может быть, покажется странным мое заявление, что инженеру, технику нужно знать литературу. Вы, может быть, скажете: для чего нужно инженеру, человеку, который будет руководить техническим делом, руководить чем-то осязательным, материальным, зачем ему знать стихи, музыку, беллетристику и т. д.? Разве это нужно для производства? Я прямо скажу: если вы хотите быть не только инженером-техником, но инженером-руководителем большого предприятия, инженером-организатором, то вы должны знать и литературу. Инженер должен быть хорошим организатором. Вы возьмите буржуазное общество. Посмотрите, как там ценятся организаторы. Все это обычно выходит из другой среды. За что они получают большую цену? Да за то, что представляют собой хороших организаторов. В истории наибольшую ценность в качестве организатора имеет коммунистическая партия. Всю революционную работу, которую мы проделали, и ту цель, которую поставила коммунистическая партия, мы сумели достигнуть, вы думаете, только благодаря тому, что у нас был правильный политический прогноз и своевременно давались лозунги? Тот, кто думает так, жестоко ошибается.

В том-то и дело, что наша коммунистическая партия была лабораторией, была лучшим институтом для выработки организаторов. Ни одна партия не имела столько организаторских сил, как мы. Ни в одной партии, кроме нашей, не было настоящих организаторов. Революция показала, что только одни коммунисты располагают значительным количеством руководителей-организаторов.

Если из вас кто-либо читал Ленина, и читал все произведения, том за томом сразу, то должен был увидеть, какое колоссальнейшее внимание Ленин уделял организационным вопросам и как он всячески стремился приучить рабочих, коммунистов к организации. Роль организатора - есть крупнейшая роль. В новом, социалистическом обществе роль организатора удваивается, утраивается. Чем должен располагать человек для того, чтобы быть организатором? Ведь каждый организатор должен суметь организовывать людей - не машины, а живых людей. Машины - предмет неодушевленный, вы это знаете и из грамматики, а организатор имеет дело с живыми людьми. Для того чтобы уметь организовывать, вам нужно знать людей, а как вы это сумеете без знания жизни? Товарищи, знание типов, умение разбираться в людях, умение разбираться в каждом

человеке и знать, что каждый собой представляет, что можно взять от каждого и как можно лучше использовать в производственном отношении того или другого, - все это требует знания литературы.

(«Задачи высшей технической школы», 1930)

Если хотите хорошо составлять документы, - читайте Чехова. Я считаю, что лучше его никто не пишет: коротко, сжато, ясно, прекрасный, настоящий русский живой язык. Чем больше вы будете читать, тем больше он будет нравиться. Сколько раз я ни читал Чехова, еще и еще возвращаюсь к нему. Это один из крупнейших наших художников. Он жил в безвременье, но дал много, у него нужно учиться. Прекрасный язык у Гончарова... У нас очень много близких по значению слов, а чтение литературы дает понимание их употребления. Вы будете иметь дело с народом. Вам нужно говорить с ним хорошим языком, чистым, ясным, простым. А это самое трудное. Имейте в виду, что беллетристика - это одно из важнейших пособий для наших работников...

Смотрите читайте беллетристику. Видно, вы еще во вкус ее не вошли. Посмотрите, сколько Маркс уделял времени беллетристике. Он критиковал Эжен Сю. Сколько он останавливался на Бальзаке.

Вам и по другой причине нужна беллетристика. Вы будете иметь дело с людьми, а беллетристика учит познавать людские характеры. В вашей работе знание беллетристики вам поможет в понимании людей. Это помимо того, что она вас вообще разовьет. Вам надо познакомиться с Белинским, Добролюбовым, они читаются чрезвычайно легко.

Когда вы войдете во вкус, у вас и время найдется.

(Из беседы со студентами Института государственного права и государственного управления, 1938)

Я считаю, что секретари комитетов комсомола по работе среди школьной молодежи и пионеров должны быть очень культурными людьми. Этим я вовсе не хочу сказать, что вы должны быть узкими специалистами-педагогами. Нет, не о том идет речь. Пожалуй, если вы будете узкими специалистами-педагогами, то можете кое-что даже напортить в своей работе. Вы должны быть высококультурными людьми в смысле общей эрудиции, т. е. вы должны быть основательно знакомы с общими и специальными трудами по основным вопросам школьного дела, по основным отраслям науки, искусства и техники, вы должны хорошо знать художественную литературу и т. п., потому что вы являетесь образцом для учителей-комсомольцев. Вы должны быть высококультурными в смысле учения правильно держаться с учителями, в смысле умения обращаться с людьми вообще, в смысле такта. Если вы овладеете этими элементами культуры, то вы легче и скорее узнаете духовные запросы и интересы советского учительства, вы без труда узнаете, что люди читают, какие произведения больше всего любят, как относятся к литературе вообще, и, наконец, вам легче будет узнать настроение учительства и школьников. Только тогда вы станете действительными помощниками партии и советской власти в коммунистическом воспитании школьников.

(Из речи на совещании ЦК ВЛКСМ с секретарями обкомов комсомола, 1940)

Вообще я несколько удивлен, что вы ограничились только формальным отчетом. Выражаясь языком наших критиков, ваши доклады носят скорее формалистический характер, чем характер социалистического реализма. Кажется, Брюсов сказал: «Я потому молодежь люблю, что, опираясь на нее, можно двигаться вперед». И это правильно. Между тем у вас незаметно движения вперед, хотя для этого имеются большие возможности. Вы ведь не заведующие отделами народного образования, которые переобременены административно-хозяйственными делами, начиная с ремонта и кончая дисциплиной в школе. Вы располагаете сравнительно большей свободой, чем заведующие отделами народного образования. Вы являетесь помощниками партии и советской власти не столько по части ремонта школ, - хотя и здесь вы должны помогать, когда это требуется, - сколько по организации и обеспечению коммунистического воспитания подрастающего поколения. Вы, наконец, не беспристрастные наблюдатели, а, как я

полагаю, пламенные советские патриоты. Энергия у вас должна кипеть, а если она не кипит, то какая же вы молодежь, какие же вы советские патриоты? Вы должны стремиться вперед и вперед, вы должны улавливать каждый новый актуальный вопрос. Но для этого, повторяю, еще раз, вы должны иметь большую культуру. Если бы это было в моих силах, я бы заставил вас минимум пять часов в день читать литературу (художественную, по разным вопросам искусства, науки, техники и т. д), чтобы вы были грамотными, культурными, образованными, чтобы при возникновении любого принципиального и практического вопроса учитель почувствовал: о, здесь Академией наук пахнет. Вот тогда и ваш авторитет сразу поднимется в глазах учительства.

(Из речи на совещании ЦК ВЛКСМ с секретарями обкомов комсомола, 1940)

Летнее время дает большую возможность для пополнения знаний хотя бы в области художественной литературы. Прочитать хорошую книжку, коллективно обсудить прочитанное, по дискутировать - все это значительно расширит горизонт ваших знаний и даст большую возможность для самостоятельной работы мысли.

Особенно необходимо это для пионеров старшего возраста, которые готовятся вступить в ряды комсомола, т. е. стать на путь сознательной политической жизни как помощников партии по строительству коммунизма.

(«Школа должна стать вторым родным домом», 1941)

Родная страна становится еще более близкой и родной, когда знаешь ее историю, когда учитель, преподавая историю, заставил школьников пережить прошлое народа, когда он зажег в их глазах огонь гордости славными победами наших войск и талантами наших полководцев. Не менее благодарна почва у словесника. Ознакомление с русской литературой, с ее корифеями - какое широкое поле для внедрения лучших патриотических чувств в сердца молодых людей! Я не вижу предмета, который не давал бы возможности развивать любовь к родине, воспитывать лучшие гражданские чувства в молодежи.

(«Учительство и война», 1942)

Труд имеет огромное значение в воспитании ребенка... Я недавно прочитал Радищева, и он рекомендовал обучать дворянских детей ремеслам, чтобы после революции они были полезны новому обществу. Радищев это писал почти двести лет тому назад. И сейчас его книга может быть кое-чем полезна для воспитателя.

(Из речи на приеме заместителей начальников суворовских училищ по политической части, 1944)

Русский народ выдвинул из своей среды немало людей, которые своим талантом подняли уровень мировой культуры. Достаточно напомнить такие имена, как Ломоносов, Пушкин, Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Некрасов, Щедрин, Чехов, Толстой, Горький, Суриков, Репин, Глинка, Чайковский, Римский-Корсаков, Менделеев, Тимирязев, Павлов, Мичурин, Циолковский. Я не говорю о крупнейших деятелях русского театра, оказавших огромное влияние на развитие театрального искусства вообще. Все это говорит о роли русского народа в развитии мировой культуры.

Отвечая буржуазным писакам, лицемерно воспевавшим свободу и независимость «родины», Ленин писал:

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. 9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика».

Советский строй раскрепостил творческие силы народа, сделав культуру достоянием

трудящихся. Сбылась мечта лучших людей науки, искусства и литературы: народ по достоинству оценил и высоко поднял их культурное наследие, включив его в строительство социалистической культуры. Социализм оплодотворил искусство, науку, технику, на небывалую высоту поднял уровень русской культуры, высшим достижением которой, говоря словами товарища Сталина, является ленинизм.

(«О проекте Конституции РСФСР», 1937)

Да, «дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников», да прекраснотдушных Маниловых. «И между ними,- писал Герцен,- развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованые из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия». К числу таких детей принадлежал Герцен».

Так говорил Ленин к 100-летию рождения Герцена. Среди бесчисленных драчунов, псарей и т. п., вопреки желанию и стремлениям господствующих классов, рождались Герцены и вели за освобождение народа жестокую борьбу еще 100 лет тому назад.

(«Союз рабочих и крестьян в прошлом и настоящем», 1925)

Как бы в противовес «патриотизму» рыцарей кнута и нагайки шло все нарастающим темпом прогрессивное движение, направленное своим острием против самодержавия. Первоначально борьба прогрессивных сил с реакцией захватила литературу, музыку, живопись, где можно было по крайней мере намеками выражать свое отрицательное отношение к тогдашней действительности. С течением времени в эту борьбу начали постепенно втягиваться демократические слои населения, благодаря чему она принимала все более радикальный характер. Этот процесс растил и сплачивал противников самодержавия, противников так называемой официальной России. В то же время он создавал национальный оплот большого народа в лице его лучших представителей. Появилась целая плеяда гениальных и одаренных писателей, критиков и публицистов, которые высоко подняли и прославили нашу литературу, сделали ее мировой. И не только литература, но и русская музыка, живопись, наука стали выделять своих блестящих представителей, как истинных патриотов национальной культуры.

Эти люди, дорожившие своей честью, человеческим достоинством и общественной репутацией, решительно отмежевались от квасного официального «патриотизма». Для них превыше всего было служение своему народу и пробуждение в нем истинного патриотизма. Ради этой великой цели они не щадили своих сил и дарований. У них учились, их примеру следовали и заражались высоким патриотизмом современники и последующие поколения. Глубоко патриотическая деятельность этих людей составляет немало ярких и увлекательных страниц в истории русского народа. И если они не пользовались симпатиями официальной России, то народ, напротив, воздавал им должное уважение, всегда чтит и будет чтить светлую память о них.

(«О коммунистическом воспитании», 1940)

Величайший художник слова Короленко в своем «Слепое музыканте» ясно показал, как проблематично, непрочно это отдельное человеческое счастье. Если, товарищи, в мирное время столь неустойчиво счастье каждого человека и так подвержено оно случайностям, то в настоящий момент, в момент гражданской войны, когда погибают тысячи людей, личного счастья вне борьбы нет.

(Из речи в Тульском пролеткульте, 1919)

Мы стоим перед задачей поднять благосостояние рабочего и крестьянина, - поднять его до культурного уровня. Человечество теоретически ставило эту цель несколько тысячелетий: это - задача, над которой работали лучшие умы, начиная от древних философов и кончая Львом Толстым, - задача, мимо которой не проходил ни один интеллигентный человек, занимаясь ею или будучи студентом, или если не студентом, то под старость. Теперь эта

задача стоит практически. Программно мы ее решили, - сейчас мы ее проводим практически.

(Из речи на Всесоюзном съезде участковых врачей, 1925)

Есть брошюра Льва Толстого: «Много ли человеку земли нужно». Владелец земли предложил за 100 руб. столько земли, сколько крестьянин обойдет за день от восхода до захода солнца, с выполнением лишь одного-условия: к заходу солнца быть у призового столба.

Чем дальше бежал крестьянин, тем все лучше ему казались земли.

Он уже собрался повернуть к столбу, - время за половину дня, - но впереди перед глазами соблазнительные поляны, - ну, что стоит их захватить: лишь пару еще усилий - и поляны в пределах участка мужика! В момент заката мужик, напрягая последние усилия, был близок к старту, солнце опустилось, с ним вместе руки мужика коснулись призового столба, но мужик испустил свой дух. Помещик отмерил полагающийся мертвецу участок земли.

Мораль Льва Толстого понятна без пояснений. Но-ведь если остановиться на ней, значит - косвенно оправдать существующий строй. Дескать, «сам виноват, не будь жаден».

Собственная жадность погубила, и т. д., и т. п. Как мы часто слышим эти слова как назидание неудачному бедняку! По существу же, капиталистический мир так и устроен, что перед каждым неимущим человеком реют миражи его собственного счастья.

Нет ничего в капиталистическом мире более азартного, неустойчивого, как жизнь отдельного человека. Все время человек стремится к призовому столбу, но, к сожалению, он находится в более невыгодном положении, чем толстовский мужик, ибо у того перед глазами все же рисовались земляные поляны, а у современных достигате-лей собственного счастья лишь одни голые миражи. Эти заманчивые миражи искусно расставляются господствующими классами, как могучее предохранительное средство капиталистического строя от разрушения его беднотой.

Конечно, и наше крестьянство в значительной степени еще заражено иллюзиями о возможности наладить собственное хозяйство самостоятельно, вне зависимости от общего благосостояния. Недаром Лев Толстой вывел именно крестьянина, а реакционеры всех мастей заботливо культивируют в крестьянине индивидуалистические предрассудки. Это им выгодно, ибо это распыляет крестьян.

Советский строй, привлекая крестьянина к управлению государством, знакомя его со всей механикой накопления материальных средств, основательно проветривает крестьянские головы от мелкобуржуазного засорения.

(«Союз рабочих и крестьян в прошлом и настоящем», 1925)

Невольно вспоминается сказка Льва Толстого «Много ли человеку земли нужно». В ней рассказывается, что за определенную сумму денег человек должен был получить столько земли, сколько он сможет обежать от восхода до заката солнца. И человек, выбиваясь из сил, стремился охватить в своем беге как можно больше. Но когда он прибежал к старту, то пал бездыханным, и ему оказалось нужным только три аршина земли для могилы. Да, Гитлер наградил землей свою кадровую армию: миллионы его солдат получили под советской землей свой участок.

(«Год войны», 1942)

Ведь то, что происходит, то геройство, которое выявляет наша революционная молодежь, есть настоящее бессмертие. Это не обыватель, который дожил бесцельно до 80 лет, сегодня умер, а завтра о нем забыли. Память о наших молодых бойцах, геройски погибших в этой великой борьбе, будет тысячелетиями жить в народных сердцах. И эти моменты, моменты величайшей борьбы, в которой люди переживают великие муки и страдания и вместе с тем великие радости, - эти моменты изучаются и описываются, о них создаются величайшие художественные произведения.

(Из речи на митинге в Туле, 1919)

Наш комсомол живет в исключительно хорошее время, в очень интересное время. Ни

одно молодое поколение за всю историю человеческого общества не переживало такого времени.

В сущности говоря, в те времена, когда не происходит огромных исторических сдвигов, можно прожить до семидесяти лет, нисколько не продвигаясь вперед: в жизни не было больших изменений - человек рождался в одной квартире и в ней же умирал на старости. Мы же все сейчас живем, и наша молодежь живет в период величайших исторических переворотов. На наших глазах еще существуют государства с большими феодальными пережитками, и в то же время в некогда самой варварской стране Европы, в бывшей тюрьме народов - России, полным ходом идет социалистическое строительство.

В какую историческую эпоху был более интересный период? Где было больше героизма и драматизма, чем в наше время? Даже богатая событиями и потрясениями пора французской революции не имела столько героизма и драматизма. И, конечно, ее нельзя сравнивать с нашей революцией. То была революция хотя в свое время и прогрессивная, но буржуазная. Наша, социалистическая, революция впервые в истории, борясь за интересы передового класса, самого прогрессивного в истории класса - пролетариата, борется тем самым за интересы всего трудящегося человечества. Я очень советую комсомольцам, нашей молодежи прочесть «Буревестник» Горького. Там прекрасно передано революционное стремление передовых людей старой России.

Кто хочет жить для социалистической работы, тот творит, изменяет жизнь, борется, ломает старое, создает новое. И наша советская действительность дает возможность каждому трудящемуся, каждому молодому рабочему и колхознику с наибольшим эффектом проявить и развить все свои способности и таланты. Понятно, что другого такого интересного периода в истории человечества не было, ибо до Октябрьской революции была борьба за кусок хлеба в условиях господства кучки богачей над миллионами трудящихся.

Нет сомнений, что через некоторое время на основе нашей борьбы, на основе той перестройки, которая идет у нас в стране, будут созданы прекрасные художественные произведения. Нет сомнения, что величайшие творения нашей революционной действительности будут служить великолепными темами для художников. И жить в такое время - это действительно великое счастье. Несмотря на то, что мне 58 лет, я считаю себя счастливейшим человеком, ибо живу в этот период. Мы знаем - будет коммунизм, жизнь будет прекрасна и интересна, но самым лучшим моментом является тот, когда идет борьба классов, когда ты сам участвуешь в этой борьбе, когда знаешь, что в этой борьбе победителем выйдет пролетариат.

(«Будьте всесторонне развитыми людьми», 1934)

Люди не могут жить, по прежнему выражению, «без души», а по нашему - без общественных идеалов. Жизнь каждого человека, если только он понимает, что он - человек, лишь тогда полна, когда он чувствует, что стремится к чему-то высокому, не в смысле своих узкоэгоистических интересов, а в смысле возвышенной цели передовых людей, борющихся за общее великое дело, которое его лично воодушевляет. И действительно, товарищи, только тот человек, по моему мнению, может быть счастлив, который ставит перед собой большие цели и борется за них всеми своими силами, хотя бы у него и были средние человеческие способности.

Иные из вас могут подумать: «Ну, да, бороться за общественные идеалы... Не всем же бороться за эти идеалы. Пусть вожди борются за идеалы, а мы будем жить попросту!» Нет, товарищи, жить попросту не выйдет. У нас социалистическое государство, и, следовательно, от человека требуется куда большая идейность, чем от передовых людей в старом, капиталистическом обществе. Почитайте нашу классическую литературу - и вы увидите, что безыдейные люди - это, по сути дела, мученики, если они, конечно, не просто мерзавцы, воры и пьяницы.

Значит, идейность - это великое дело.

А какая идейность может быть у нас? У нас - самая высокая идейность. Это - борьба за

интересы всего человечества, за создание лучшего общественного строя^ который мы называем коммунизмом. В этом и заключается вся наша работа, весь смысл нашей борьбы.

В наших условиях идейный человек - это такой человек, который стремится создать на самой научной базе наилучшее устройство общественной жизни человечества. И если такой человек видит успехи в построении этого нового общества, то ему легче жить, ибо он непосредственно осязает результаты своих усилий в борьбе за эту великую цель.

(Из речи в Московском институте цветных металлов и золота им. М. И. Калинина, 1940)

Гениальный процесс творчества превращается в пустое место, если творец знает, что его работа умирает вместе с ним. Представим себе самого гениального человека в момент его творчества; процесс этого творчества будет иным, если он знает, что его работа не будет подхвачена человеческой массой. Та работа, которую делаем мы, если она отвлечена от социалистического одухотворения, превращается в простую механическую, неувлекательную работу. При постройке социализма в Советском Союзе каждая работа, какой бы простой с внешней стороны она ни была, одухотворяется ее целевым назначением; мы находим удовлетворение в том, что всякая небольшая часть работы, сделанная нами, является частицей социалистического строительства.

(Из речи на открытии сессии ВЦИК, 1926)

Общество, основанное на рабстве, на угнетении человека человеком, превратило труд в подневольную каторгу, одно из самых возвышающих занятий сделало невыносимым, бессмысленным, тупым, а возню людей, занимающихся хотя бы столь глупым предметом, как геральдика, благородным делом.

Полезный труд возвращает свои права, и сейчас мы должны опозитизировать, облагораживать, вдуть в него творческую мысль, которая бы давала духовное удовлетворение работнику, творцу-поэту как на фабрике и заводе, так и в тяжелой сельскохозяйственной работе.

(«В борьбе за новую деревню», 1926)

Нередко слышим жалобы о слабости нашей литературы. Может быть, литература наша слаба по сравнению с тем огромным ростом, который наблюдается во всех остальных сферах человеческой деятельности. Но наша литература является самой молодой из всех литератур всех народов и стран. Вместе с тем она является самой идейной, самой передовой и самой революционной литературой». Эта литература говорит о социалистическом труде народов Страны советов, о счастливой жизни в Советском Союзе. Она служит делу социалистического строительства; герои наших литературных произведений - это активные строители новой жизни - рабочие, работницы, колхозники, партийцы, инженеры, комсомольцы, пионеры, хозяйственники; тематика наших произведений - это творческая деятельность народов нашей страны.

Разве все это не говорит о том, что СССР стал не только передовой индустриальной страной, не только страной самого крупного в мире социалистического земледелия, но и страной передовой социалистической культуры?

Всем известно, каким успехом пользуются на международных конгрессах и конкурсах наши ученые, пианисты, скрипачи, артисты, певцы, танцоры, бегуны, пловцы, шахматисты.

(«Что дала советская власть трудящимся», 1937)

От народа не должны отставать наши талантливые литераторы и художники. Ведь никогда еще не было для них столько и такого благодарного материала, как в нашу эпоху. Только теперь они имеют неограниченную возможность служить своему народу и внедрять в массы глубокие чувства патриотизма на основе великих деяний современных поколений.

Мне кажется, великолепным образцом служения советскому народу является Маяковский. Он считал себя бойцом революции и был таковым по существу своего творчества. Он стремился слить с революционным народом не только содержание, но и форму своих

произведений, так что будущие историки наверняка скажут, что его произведения принадлежали великой эпохе ломки человеческих отношений. Поэтому я считаю, что Маяковский имел право, обращаясь к будущим поколениям, сказать:

Я к вам приду
в коммунистическое далеко
не так,
как песенно-есененный провитязь.
Мой стих дойдет
через хребты веков
и через головы
поэтов и правительств.
Мой стих дойдет,
но он дойдет не так, -
не как стрела
в амурно-лировой охоте,
не как доходит
к нумизмату стершийся пятак
и не как свет умерших звезд доходит.
Мой стих
трудом
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо,
как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима.

В этом гордом заявлении мы слышим величественный голос нашей эпохи, наших поколений, преобразующих мир на новых началах.

(«О коммунистическом воспитании», 1940)

У всех у вас, мне кажется, есть желание обойти трудности, свалить все на объективные условия, - мало, дескать, помогают, мало обращают внимания. Неверно это. Смотрите - Шолохов. Его «Тихий Дон» я считаю нашим лучшим художественным произведением. Отдельные места написаны с исключительной силой. А писал человек в провинции, в станице. Но по языку чувствуется, что он много и упорно учился и никакие журналы для начинающих ему не помогали. Я не верю, чтобы он написал «Тихий Дон», не будучи хорошо знаком с нашими классиками.

Шолохов с виду очень простой, незаметный человек, а чувствуется, что он прошел большую школу, да, вероятно, и сейчас очень много над собой работает.

(«Писатель должен быть мастером своего дела», 1934)

Иногда среди молодежи приходится слышать такие разговоры: вот в прежней литературе были герои, которых люди могли брать за образец для своей жизни, а в современной литературе нет или почти нет таких героев. С моей точки зрения, это, товарищи, вдвойне неправильно.

Во-первых, в прежней литературе было очень мало таких героев, которых можно было бы взять за образец. Ведь, как правило, это были «лишние люди».

Во-вторых, в современной, т. е. советской, литературе имеется уже немало героев, достойных подражания. Возьмите «Как закалялась сталь» Островского, «Энергию»

Гладкова и целый ряд других произведений художественной литературы, в которых выведены замечательные люди. По-моему, наша молодежь многое может почерпнуть из

этих произведений.

(«Роль и задачи политработников Красной Армии и Военно-морского флота», 1940)

У нас существует предрассудок, что американская демократия - это одна из самых либеральных демократий.

В фельетоне Ильфа и Петрова, напечатанном в «Правде» 15 июня, в ярких красках раскрывается сущность американской демократии.

Достаточно сказать, что в Америке около 2,5-3 миллионов негров лишены избирательных прав, и не как-нибудь лишены, а на основании «высокой культуры» Америки. Лишаются избирательных прав те, кто являются неграмотными. Многие наивные люди подумают, какая высокая культура в Америке, она подгоняет население учиться грамоте для того, чтобы быть равноправным. Но каждый великолепно понимает, что миллиардеры и те законодатели, которые изгоняли учение Дарвина из школ, вовсе не стремятся к повышению культуры своего народа. Вопрос просто раскрывается - они не хотят, чтобы негры участвовали в выборах, а негры и являются, главным образом, неграмотными. С внешней стороны все очень благообразно, а по сути дела лишают избирательных прав самых обездоленных и угнетенных людей.

(«Сталинский проект Конституции», 1936)

Я рекомендую вам прочесть книгу «Бои в Финляндии». Это очень большая книга, в двух томах. Когда я советовался с одним моим знакомым, - порекомендовать вам эту книгу или нет, - то он сказал, что не надо, мол, слишком велика, все равно не прочитают. А он - профессор и немножко вас знает. Вместо этого он предлагал назвать другие книжки, посвященные боям в Финляндии, поскольку они значительно меньше по объему. Но все-таки я решил порекомендовать вам именно эту двухтомную книгу. Думаю, что если вы возьмете ее в руки, то наверняка прочитаете до конца - настолько она интересна и поучительна. Чем же интересна эта книга? Она не дает общего обзора войны, но в ней красной нитью проходит та мысль, что современная война требует прекрасного знания военного дела, мастерского овладения новейшей военной техникой, огромного напряжения физических сил, она требует колоссального труда, она требует выносливости и еще раз выносливости, она требует исключительной ловкости, находчивости и умения ориентироваться в самых сложных условиях боя. Без этого теперь нельзя воевать.

Между тем вы должны усиленно готовиться к выполнению своего самого главного и священного долга как советские патриоты. А для этого надо прежде всего закалять себя физически, быть выносливым, здоровым и ловким.

(Из речи на собрании учащихся Ленинского района Москвы, апрель 1941)

В течение двух десятков лет строитель, организатор производства, аграрник, культурник были центральными фигурами в нашей общественной и экономической жизни и основными типами нашей литературы. Это наложило свой отпечаток на наше общество, в том числе в значительной степени на коммунистов.

Люди, участвовавшие в этом восходящем созидающем процессе, увлеченные строительством и его достижениями, воспринимали это как самоцель. Между тем коммунистическая партия, признавая всю важность и значение этих достижений, рассматривала их как средство, как орудие в борьбе за советский строй, за коммунизм, разумеется, понимая, что производственными и культурными успехами создавался и укреплялся советский социалистический строй.

Сейчас на значительной части территории враг сметает наши достижения и уничтожает их создателей. Перед гражданами Советского Союза встала основная задача - непосредственная борьба с врагом. Она требует, если можно так выразиться, полного выявления у людей тех качеств, которые в период мирного строительства в значительной степени были под спудом. Например, советский патриотизм выражается сейчас в том, что советская родина, отечество, народ, все советское общество, находящееся в опасности, становится для гражданина нашей страны обостренно дорогим, любимым, близким, и борьба за родину, во всей ее многогранности, становится чувством, которое направляет

все его помыслы и действия. Можно сказать, что в нашей стране это сделалось уже реальным фактом, который мы видим в героизме бойцов нашей Красной Армии, Морского Флота и партизан, в самоотверженном труде рабочих, колхозников, советской интеллигенции.

(«Что значит быть советским патриотом в наши дни», 1941)

Война с фашизмом принимает все более ожесточенный характер; комсомол в ней принимает участие массово. И героизм, проявляемое комсомольцами в боях, носит массовый характер. Вряд ли можно найти боевую часть, где бы не было зафиксировано проявление мужества и доблести комсомольцев, что в свою очередь укрепляет славные боевые традиции комсомольской среды, делает мужество и беззаветность в бою как бы традиционными, обязательными и для рядового комсомольца. В этом суть выращивания, укрепления славных боевых традиций.

Предлагаемый сборник есть скромный труд, в котором собраны далеко и далеко не полные факты о героических боевых действиях, о беззаветной преданности родине тех, кто перенес с полным сознанием правоты своих действий все муки, какие только можно вообразить, и погиб твердо уверенный, что фашизм будет разбит, с гордым возгласом: «Умираем за родину, за счастье своего народа!»

Мне бы хотелось, чтобы читатель принял эту книгу не как законченное художественное литературное произведение, а как простую товарищескую фиксацию чудесных боевых дел наших комсомольцев на фронтах. Отечественной войны. Когда наши люди гибнут смертью храбрых, бойцы собственными руками сооружают на могиле героев скромные памятники. Просты эти памятники, проста и надпись на них. Но вряд ли хоть один художник вкладывает столько любви в свое произведение, сколько вкладывается бойцами в создаваемые ими усыпальницы павшим священной смертью храбрых. Народ бережет эти памятники. Они будут овеваны его любовью, как память о своих богатырях. Сюда будет приходить молодежь, здесь будут раздаваться победные песни сво-Ш бодного советского народа и его молодежи, комсомола.

Авторы сборника в это горячее время и ставят пока простые, еще не вполне художественно оформленные памятники нашим героям. Большого пока они сделать и не могут: как бойцы, они должны идти вперед с нашими частями, освобождающими родину. Вместе с нашими воинами они справедливо считают, что сейчас лучшим памятником нашим героям и героиням будут пирамиды вражеских трупов.

Для нас Шура Чекалин, Лиза Чайкина, Зоя Космодемьянская, среди партизан носившая имя Таня, не только герои: они - дети живых матерей, братья и сестры живых братьев и сестер. Их знает комсомольская среда, они нам близкие, родные, их героическая смерть в разгаре жестокой борьбы вызывает у нас жажду мщения врагу.

Желаю широкого распространения сборника среди широких масс населения и в особенности среди молодежи, комсомольцев и комсомолок. В чертах живых героев в рассказах сборника читатели увидят черты нового, советского человека; они увидят, как богат наш комсомол людьми, ставящими счастье советского народа, идеалы нашей партии выше всего.

(Из предисловия к книге «Комсомол в боях за родину», 1942)

Несомненно, в условиях непосредственных военных действий люди быстрее созревают и, казалось бы, самые инертные люди становятся грозными мстителями. Великолепная иллюстрация проявления народного героизма и мщения приведена в рассказе Вас.

Гроссмана «Старик», напечатанном в газете «Красная звезда» от 8 февраля этого года.

«- Суровый ты человек, - сказал Семен Михеич, обращаясь к партизану, председателю колхоза, - а вот у нас в роду никто крови не проливал. Мать курицу зарезать боялась, соседок просила.

- Смотри, дед, - ответил председатель колхоза, - до немца очень добрым не будь, ответишь за это перед народом». Злодеяния гитлеровцев на селе привели к такому финалу: немецкий автоматчик застрелил раненого красноармейца и женщину, которая ему хотела

оказать помощь.

«Семен Михеич не помнил, как очутилась в его руках тяжелая дубина. Никогда в жизни он не испытывал чувства, подобного этому. Гнев, грозный и жаркий, гнев, очищающий от страшных унижений последних месяцев, гнев за себя, за других, за тысячи тысяч стариков, детей, девчат, женщин, гнев за поруганную врагом землю охватил его, как пламя. Он высоко занес над головой дубину и пошел на немца. Он шел, высокий, величественный старик-пасечник с белоснежными кудрями - живое воплощение Великой Отечественной войны. . - Хальт! - крикнул немец и вскинул автомат. Но старик со страшной силой обрушил на него удар дубины».

Так прививаются населению законы войны там, где происходит встреча с немецкими оккупантами. Эти наглядные уроки поучительны. Но было бы печально для страны, для ее будущего, если бы народ не понял необходимости все сделать и все отдать для победы и без такого предварительного наглядного обучения врага.

(«Все для войны, все для победы!», 1942)

Общение русской интеллигенции с прогрессивными слоями славянских народов, русская художественная литература, близкая, понятная и родная для славянских народов, как и обратное влияние славянской литературы на русских, историческое прошлое славян - все это заставляет их быть друзьями в борьбе против немецкой агрессии.

(«Славяне и война», 1944)

Что я могу сказать об Ильиче? - Я могу дать одну стомиллионную его частицу, имеющуюся у каждого из нас, - в этом ведь ценность Ленина, что в каждом из нас находится его частица. И вот теперь, в этот день каждый хочет найти эту свою идеальную частицу, частицу своего я, которая связывает с Лениным. Конечно, товарищи, это одна из труднейших задач, и поэтому ни один оратор не может удовлетворить аудиторию. Здесь может удовлетворить только музыка или народная песня.

(Из речи на траурном заседании, посвященном первой годовщине со дня смерти В. И. Ленина, 1925)

Всем известно, что борьба крестьян за землю имеет наиболее древнюю историю. Возьмите вы историю крестьянских войн на Западе, крестьянские войны у нас в России - восстание Болотникова, Степана Разина, Пугачева и бесчисленный ряд других крупных и мелких восстаний в последующих столетиях, - вы увидите, что целью этой борьбы всюду и везде являлся захват крестьянами помещичьих земель и освобождение от помещичье-дворянского гнета. Героика этой борьбы воспевается в народных песнях, она отражена и в нашей художественной литературе.

(Ю проекте Конституции РСФСР», 1937)

В Советском Союзе рабочий класс и крестьянство работают на себя, поэтому труд и ценится так высоко. Труд считается у нас высшей доблестью. Недаром установлено звание Героя Социалистического Труда.

Сочувствует ли такому отношению к труду сам народ? Конечно, сочувствует. В чем это выражается? Вы возьмите народные песни и сказки. Они создавались веками, создавались самим народом. В них труд всегда ценился очень высоко. И наше правительство, будучи правительством народа, так же высоко оценивает труд.

(Из речи при вручении орденов передовикам сельского хозяйства, 1939)

Проповедь советского патриотизма не может быть оторванной, не связанной с корнями прошлой истории нашего народа. Она должна быть наполнена патриотической гордостью за деяния своего народа. Ведь советский патриотизм является прямым наследником творческих дел предков, двигавших вперед развитие нашего народа.

Советская жизнь это удивительно ярко иллюстрирует. Достаточно указать хотя бы на один факт. С каким восторгом раскованные народы восстанавливают в памяти образы своих эпических и исторических героев. Они отображают их в своих лучших художественных произведениях, которые везут на показ в Москву - сердце советских республик, где каждый из них хочет как бы сказать всем народам СССР:, смотрите, я

являюсь не из чьей-то милости членом великого союза народов, я нечеловек без роду и племени, - вот моя родословная, которой я горжусь, и хочу, чтобы и вы, мои братья по труду и по защите лучших идеалов человечества, полюбовались моей родословной! Значит, советский патриотизм берет свои истоки в глубоком прошлом, начиная от народного эпоса; он впитывает в себя все лучшее, созданное народом, и считает величайшей честью беречь все его достижения.

Великая пролетарская революция не только произвела огромные разрушения, но и положила начало невиданной созидательной работе. Вместе с тем она прошла могучим очистительным ураганом в головах десятков миллионов людей, вселив в них бодрость и веру в собственные силы. Теперь они почувствовали себя богатырями, способными победить весь мир, враждебный трудовым массам.

И вот зародился уже советский эпос, который воссоединил линию народнотх) творчества далекого прошлого и нашей эпохи, оборванную капитализмом, который враждебен этой отрасли духовного производства. Развернувшийся процесс социалистического преобразования общества выдвинул множество богатых и увлекательных тем, достойных кисти великих художников.

(«О коммунистическом воспитании», 1940)

Каждый, в том числе и русские, гордится своей национальностью, да и не может не гордиться: ведь он же сын своего народа! Этот момент очень важен, имеет очень большое значение, и в агитационной работе его надо всегда иметь в виду. Воспитывайте в наших людях советский патриотизм, национальную гордость, напоминайте каждому бойцу о героических традициях его народа, о его прекрасном эпосе, литературе, о великих людях - полководцах и военачальниках, о борцах за освобождение народных масс.

(«Единая боевая семья», 1943)

Наша Академия наук очень много сделала для развития русского языка. Всем ясно, какое огромное культурное значение для народа имеет знание своего языка. Но Россия всегда имела разноязычное население. Русская Академия принимала слабое участие в развитии языков этих народов. Во всяком случае, их изучение шло не в таком направлении, чтобы прийти на помощь угнетаемым национальностям.

...Так как по решению правительства Всероссийская Академия наук преобразуется во Всесоюзную, я хотел бы, чтобы она пришла на помощь союзным и автономным республикам и областям в развитии их языка и культуры.

(Из речи на торжественном заседании, посвященном 200-летию Академии наук, 1925)

Чтобы знать язык, надо почитать наших классиков, великолепно владеющих языком. Я возьму Тургенева. Я преднамеренно беру этого, до известной степени, аристократического писателя. Должен сказать, что такого знатока языка поискать надо: вы сто раз будете читать, - фабула в зубах уже навязла, а все-таки интерес не пропадает!

Тем, кто не хочет общественно влиять, тем, конечно, не нужен Тургенев, - во всяком случае, не обязателен. Тем же, кто хочет охватить форму русского языка, понадобятся и Тургенев, и Гончаров, у которых есть чему поучиться.

Я считаю, что наблюдать надо учиться тоже у крупнейших классиков, поэтов и так далее...

Возьмите Гейне! Когда вы читаете Гейне, вы слышите шелест листа. Гейне - один из боевых поэтов, а вместе с тем посмотрите, насколько богата его лирика...

Особенно много придется трудиться тем из вас, которые хотят быть литераторами.

Французский писатель Бальзак исписал сотни и тысячи страниц, забракованных издателями, как никуда не годных, прежде чем он стал признанным писателем. Я советую вам пройти в музей изящных искусств. Там есть толстовская выставка. На этой выставке вы можете увидеть, как писал Толстой. Посмотрите на страницу его рукописи, написанную вначале, и прочтите ту же страницу, переписанную набело. Вы увидите 15-20 вариантов и не найдете почти ни одного слова, написанного вначале. Вот как писали величайшие мастера письма, величайшие знатоки русского языка. А нам, когда мы читаем их, кажется, - как все это просто написано!

Для того чтобы «просто» написать, - нужно очень много поработать.

(Из речи на Всесоюзном совещании рабселькоров, 1929)

Нужно, чтобы человек умел сказать то, что он хочет. Для этого нужно прежде всего знать русский язык. Какие из вас получатся писатели, если вы не знаете хорошо родной язык?

Если человек не знает грамматики и, выражаясь фигурально, корову пишет через ять (а у нас есть такие), какой же он писатель? Литература - это профессия, особый вид деятельности, причем, надо сказать, наиболее трудный род деятельности.

Вы говорили здесь о неудачах в своей писательской работе, жаловались, что вас мало печатают. Неужели вы хотите сразу стать писателями, «прогrometerь на весь мир»? Написал у нас человек очерк и хочет, чтобы сразу его напечатали. Нет, вы напишите десять, и хорошо, если десятый будет принят к печати. Если все печатать, что у нас пишут, не хватит и бумаги.

Кто хочет стать писателем, пусть внимательно прочтет хотя бы биографию Бальзака, как он боролся, чтобы пробиться в ряды крупных писателей. Вы скажете, что Бальзак был буржуазный писатель.

Да, конечно, буржуазная обстановка в эту борьбу привносит много тяжелого и унижительного. У нас этого нет, но у нас стать крупным писателем еще труднее. Почему?

Да потому, что у нас неизмеримо выше тяга к литературе, потому, что наш культурно растущий читатель предъявляет все большие и большие требования к художественным произведениям. За рубежом один из миллиона может пробиться «в люди» и стать признанным писателем, а у нас чуть ли не на каждые полсотни более или менее грамотных людей один - писатель. Естественно, что из них 90% отсеивается. Ведь чуть ли не у каждого молодого человека есть желание писать, и ему кажется, что все, что он напишет, будут читать. Но тот, кто хочет серьезно писать, должен учиться. Надо взять учебник грамматики и сесть за него, учиться по нему.

Вы тут говорили относительно заочного обучения, заочных курсов. Научиться писать после окончания каких бы то ни было курсов нельзя. Конечно, они могут оказать некоторую помощь. И курсы, на которых вы работали сейчас, тоже многому не научат. Курсы вас познакомили только с методом, показали и научили, как читать книгу, как в ней разбираться, как взять из нее то, что необходимо.

Но без знания, без настоящего знания родного языка никто никогда настоящим писателем не будет.

Второе - как научиться писать? Товарищи высказывали пожелание об индивидуальном шефстве крупных писателей над начинающими авторами. Я допускаю случайное благоприятное стечение обстоятельств. Но вообще-то говоря, писатели плохие учителя. Они сами иногда не полностью осознают свою работу. К примеру, Гоголь. Кто лучше понимал его творчество, он сам или Белинский? Я думаю, что Белинский лучше понимал творчество Гоголя, чем сам Гоголь.

Если вы хотите писать художественные произведения, то прежде всего нужен талант. Без врожденных способностей вы художниками не будете.

В молодости я тоже спрашивал опытных людей - как научиться писать, что нужно сделать, чтобы стать писателем? Рабочие тогда были очень малосознательны, и вокруг одного сознательного рабочего было сто интеллигентов, которые хотели ему «помочь». Мне говорили, что трудно учиться, нет такой школы, нет такого руководства, которое научило бы писать рассказы. Есть старые книги, где говорится о том, как написать то или другое школьное сочинение. Но они дают главным образом советы по орфографии.

У каждого писателя есть свой стиль. Если хочешь быть писателем, надо брать за образец те произведения, которые написаны великолепно с точки зрения стилистики.

Вы хотите, чтобы вас кто-то научил писать, вы хотите, чтобы Ставский вас научил. Но учиться можно только по образцам. Вы хотите писать выдающиеся произведения, которые были бы выше произведений того же Ставского. Для этого нужно учиться у классиков, например у Тургенева. Возьмите Гоголя. Почему у него такая ясность мысли?

Почему по многу раз можно перечитывать наших классиков? У нас нет сейчас таких знатоков языка, умеющих так ярко выражать свои мысли. Лев Толстой хотя и допускал некоторое упрощенчество в языке, но у него нужно многому учиться. Хрестоматия, учебник, конечно, тоже дает кое-что для первоначального обучения, но это не есть, если можно так выразиться, источник языка. Источник языка - это Пушкин, Гоголь, Гончаров, Горький и другие наши классики.

Прочтите «Фрегат «Палладу» Гончарова. Скажете - скучно? А вы читайте с точки зрения языка, формы, как должен читать писатель, и совсем будет не скучно. Надо читать не только то, что вам нравится. Если вы хотите быть мастером, советским мастером, надо учиться у предыдущих поколений, нужно овладеть лучшим из того, что завоевано человечеством, и, исходя уже из этого, перейти к новому.

(«Писатель должен быть мастером своего дела», 1934)

Чему надо учиться? Всему учиться и прежде всего своей профессии. Корреспондент пишет, - значит, он должен грамотно писать, знать русский язык. А русскому языку нужно учиться у русских классиков. Вот вам трудно будет представить такое состояние: я сидел в тюрьме, где, кроме журнала «Нива», ничего не было. До того она мне осточертела, что прямо деться некуда. В это время мне попала книга Гончарова «Фрегат «Паллада». Какой это мне показалось роскошью! Если бы я был на воле, то я бы ее, вероятно, прочитал со скукой. А тут я за нее ухватился. Но надо подойти к ней с точки зрения языка. Вы ведь специалисты, вы не просто читаете, для того чтобы читать, как обыкновенный человек, чтобы время провести вечером, после работы: вы читаете, чтобы научиться писать. И вот я считаю, что Гончарова, Тургенева, Чехова - в особенности Чехова - вам необходимо читать. Чехов для вас нужнее, чем Тургенев, чем Гончаров. Он очень коротко и сжато умел писать. А вам как раз нужно учиться писать коротко. Но сколько в его коротеньких рассказах сказано! Какой там язык! Для вас чтение русских классиков - профессиональная работа. Знание литературы - тоже профессиональное дело.

(Из речи на совещании работников газеты «Социалистическое земледелие», 1938)

Многие имеют ложное представление, что с крестьянством надо говорить нарочито простым, сладким языком, - глубокая ошибка. Надо писать о вещах, которыми интересуется крестьянин, которые понятны и старому и малому. Сельское хозяйство, налоговые вопросы, разъяснение законов, деревенское строительство и быт, не игнорируя «мелочей», - вот о чем писать надо в первую голову. О «мостике» прочтут и старики и детвора, мужчины и женщины того места, будут искать, кто писал, нет ли еще чего интересного в газете. Так незаметно перейдут и к политике.

Да ведь если говорить по совести, такие корреспонденции и столичные читатели с удовольствием читают, и потому с удовольствием, что здесь реальная жизнь; где биение пульса жизни, - там скука отсутствует. Таким образом, между автором и читателем растет взаимная связь.

(«Кто смыкает и кто размыкает», 1924)

Интеллигенция выработала в себе в прошлом манеру обращаться с крестьянами, как с меньшим братом, как с несчастеньким, который не понимает или во всяком случае плохо воспринимает мысли, изложенные просто по-русски. Покровительственность, снисходительность к бессильному, неумелому, угнетенному народу сквозили в каждой революционной фразе. В брошюре, предназначенной для деревенской бедноты, казалось бы, особо должна развернуться красноречивая стилистика о тяжести настоящего положения крестьянина и ряд ярких картин лучшего будущего, на что были большие мастера эсеры. Владимир Ильич прозаически спокойно, не лукавя, говорит: не все крестьяне будут помогать рабочим, - есть богатые; «...нам надо узнать, сколько их по всей России, какова их сила, чтобы бедный крестьянин не на-авось шел, не с завязанными глазами, а чтобы он точно знал, каковы его друзья и каковы его враги».

Просто, скупо, понятно каждому мужику. Или: «Но когда бедному и среднему крестьянину говорят, что улучшение хозяйства и удешевление плугов поможет им всем из

нужды выбиться и на ноги встать, не трогая вовсе богатых людей, - то это обман. От всех этих улучшений, удешевлений и коопераций (союзов для продажи и закупки товаров) гораздо больше выигрывают богатые.

Богатые становятся всё сильнее, всё больше теснят и бедноту, и средних крестьян. Покуда богатые остаются богатыми, покуда они держат в своих руках большую часть и земли, и скота, и орудий, и денег, - до тех пор не только бедноте, но и средним крестьянам никогда из нужды не выбиться.

До сих пор, кажется, никто не обратил внимания на то, что впервые так разговаривают с крестьянином. Вся предыдущая крестьянская литература полностью как бы молчаливо подразумевает в крестьянине человека с примитивными, более упрощенными умственными способностями, для которого должен быть особый, более упрощенный язык. И, пожалуй, никто так не злоупотреблял, не вносил столько привкуса слащавости, сентиментализма, внешней жалости и скорбности, как именовавшая себя крестьянской партией эсеров. Казалось бы, именно партии эсеров, претендовавшей на монополию защиты крестьянских интересов, должны были быть особенно свойственны или, по крайней мере, понятны характерные черты русского крестьянства, и ее решения и воззвания должны бы были по содержанию понятны рядовому крестьянину, как простые неопровержимые доводы в интересах бедноты и середняков. В действительности эсеровская литература была главным образом на чувство, менее всего в ней было доводов. Теперь, когда партии окончательно и полностью выявили свое политическое лицо, нам понятно преобладание фразы над делом у эсеров. Фразы, общие места, крайний радикализм по внешности, включительно до применения террора к отдельным правительственным лицам, скрывали содержание, давали возможность под лозунгом трудового населения протащить общность интересов богача, кулака-крестьянина, с бедняком, чем эсеры сознательно или бессознательно служили именно кулаческому слою крестьянства. Если вспомнить, что преобладающий процент интеллигенции, в особенности сельской, также рекрутировался, вырос из более состоятельного кулацкого слоя крестьянства, священнослужителей и т. п., то нам будет вполне ясна классовая близость к кулачеству интеллигенции, которая безраздельно царил в порах эсеровской партии. Значит, идеология эсеров есть идеология кулака; политика эсеровской партии, ее язык, литература - все питалось из этого социального слоя.

(«Один из уроков борьбы с народничеством», 1925)

Изучение родной речи - это великое дело. Самые высшие достижения человеческой мысли, самые глубокие знания и самые пламенные чувства останутся неизвестными для людей, если они не будут ясно и точно оформлены в словах. Язык - это орудие для выражения мысли. И мысль только тогда становится мыслью, когда она высказана в речи, когда она вышла наружу посредством языка, когда она - как сказали бы философы - опосредствована и объективировалась для других. Вот почему я говорю, что знание родного языка - это самое основное, что требуется для вашей дальнейшей работы.

(Из речи на собрании учащихся Ленинского района Москвы, 1941)

Хорошее знание родного языка необходимо уже по той простой причине, что он является орудием для изучения других предметов и что человеческая мысль только тогда может быть названа мыслью, когда она выражена словами, т. е. оформлена таким образом, что ее могут воспринять другие люди. Знание родного языка необходимо для прохождения всех дальнейших циклов образования, для всех работ, с которыми человеку придется встретиться в своей жизни.

(«К обсуждению воароса об улучшении качества обучения в школе», 1945)

Наша советская интеллигенция народна не только социально-непрерывным приливом в ее ряды свежих сил из рабочих и колхозных масс, - но она народна и по условиям шоей работы. Чтобы проиллюстрировать эту мысль, я напому, что свою трудоемкую работу о происхождении видов Дарвин создал, ведя переписку с сотнями добровольных корреспондентов, рассеянных по всему миру и по его просьбе наблюдавших за жизнью

животных и птиц. Но даже такой метод коллективной работы приходится считать младенческим по сравнению с коллективностью в работе советской интеллигенции. В самом деле, возьмем даже наши Художественный и Большой театры. Всякий знает, что это одни из наиболее передовых и высокохудожественных театров мира, театры, как бы рассчитанные на наиболее избранную публику. До революции так оно и было. В настоящее время, помимо того, что их ярусы и партер заполняют в значительной мере рабочие и колхозники, мы видим также, что их посещают сотни приезжающих из провинции людей с иными целями. Эти люди посещают театры не только для того, чтобы лично получить там удовольствие, но и как работники самодеятельного искусства колхозов, домов культуры, рабочих театров и клубов. Они идут туда, чтобы сравнить, что ими на месте достигнуто и чего недостает, они идут туда вроде как бы специалистов, которые стремятся совершенствоваться, перенести свои наблюдения и приобретенные от больших мастеров навыки в рабочие и крестьянские массы. Я не думаю, чтобы это упускалось из виду нашими талантливыми артистами и чтобы это не влияло на их повседневную работу.

(«Могущество советского государства», 1944)

Товарищи, вероятно, все вы смотрели и помните кинокартину «Чапаев». Я считаю, что вам здесь есть чему поучиться. В этой картине правдиво и довольно ярко показано, в чем заключается сила командира.

Если вам доведется быть начальниками, - а, судя по всему, вы будете таковыми, - то будьте не только начальниками, но и товарищами своих подчиненных. Сочетать то и другое - нелегкое дело. И чем большей частью командует начальник, тем больше требуется от него сочетания этих качеств.

Помните в картине «Чапаев» эпизод, когда шкурник и мародер начал было овладевать настроением уставших бойцов кавалерийского эскадрона, призывая их бросить войну? Эскадрон стоял в резерве, а белые в это время повели свою «психическую атаку». Узнав о том, что случилось в эскадроне, Чапаев оставил свой командный пункт и молнией прискакал к своим конникам, пристрелил предателя, который в это время ораторствовал, тут же скомандовал «смирно» и стал было садиться на коня. В этот момент раздался новый выстрел. Чапаев, конечно, подумал, что это стреляли в него, и грозно спросил: «Кто стрелял?» В ответ ему доложили примерно так: «Это мы тут сами кокнули одного». Выходит, таким образом, что действия Чапаева не расходились с общим настроением бойцов, которые оправдали его суровую меру, пристрелив другого изменника. А вот другой эпизод из той же картины, который вы тоже, вероятно, помните, - это когда Чапаев убеждает конников не делать ему неприятностей и прекратить охоту за крестьянскими поросятами. Он говорил тогда примерно так: «Если вы пришли ко мне, когда я пью чай, то и вы садитесь со мной и пейте; а если вы: пришли, когда я обедаю, то садитесь и пообедайте со мной. До в строю - я ваш командир!»

Провести такой водораздел - самое трудное для советского командира. Но еще труднее это сделать политработникам. Между тем в умении провести такой водораздел заключается секрет влияния на массы. И этим секретом обладали все талантливые полководцы. Разумеется, тут я не имею в виду панибратство или хвостизм, ^что несвойственно большевистскому пониманию руководства.

Конечно, самое сильное средство командира для укрепления авторитета у подчиненных - это отличное знание своего дела и стремление сделать свою часть лучшей. А чтобы вместе с авторитетом командир пользовался и любовью, для этого ему надо быть в курсе всей жизни красноармейцев и уметь своевременно исправить то место, где каждому из них жмет ногу. И при воем том необходимы простота, скромность. Средний человек не - терпит высокомерия, демонстрирования своего превосходства. Хотя и говорят, что иногда скромность бывает паче гордости, все же народ ее любит больше.

Все эти положительные качества, необходимые политработникам, не падают с неба, а добываются упорным трудом. Даже талантливые люди, чтобы выявить свои дарования,

должны упорно работать, хотя, как правило, и наиболее работоспособны. Политработникам в первую очередь нужна грамотность в марксизме-ленинизме. Но и военное дело они должны знать ничуть не хуже. Для практического же применения того и другого требуется, я сказал бы, большая общая культура. Оно и понятно. Ведь политработники имеют дело с людьми, которыми они руководят не только в мирных условиях, не только на парадах, но и тогда, когда этим людям придется ставить свою жизнь на карту. Как же можно вести за собою массы бойцов, не умея анализировать состояние их духа в конкретной обстановке? Художественная литература, собственная наблюдательность и опыт являются вспомогательными орудиями для познания людей. Всем этим вы должны владеть и умело пользоваться.

(«Роль и задачи политработников Красной Армии и Военно-морского флота», 1940)
Наша интеллигенция теснейшим образом связана с рабочим классом, с колхозным крестьянством. Наши инженеры, писатели, артисты, художники, поэты, педагоги выдвигаются в ряды интеллигенции в зависимости от своих способностей. Среднее образование, семилетка у нас обязательны для всех, а по окончании семилетки каждому открыты все пути. В ряды нашей интеллигенции вливаются наиболее активные, наиболее даровитые, наиболее способные, наиболее квалифицированные люди из народа. Наша современная интеллигенция - это первое поколение советской интеллигенции. Это плоть от плоти советского народа, это неотъемлемая часть нашего народа. На челе советского интеллигента можно даже узнать характерные черты и рабочего и крестьянина. (Аплодисменты.) Мы нашу интеллигенцию будем так же любить, как любим Красную Армию {бурная овация}, а мы очень любим Красную Армию. (Аплодисменты.)
Здесь говорили, что только сейчас можно развернуть творческие силы. Это верно. Только советский строй дает интеллигенции возможность развернуть свои творческие силы, способности, таланты. И это - в условиях социалистического государства. Ну, а в коммунистическом обществе мы развернем такие силы, что дух захватывает, когда об этом подумаешь. (Аплодисменты.)

Приведу самый обыкновенный производственный пример. Вот делают метро в Москве. Метро делают и за границей. Скажите: разве наш архитектор, проектирующий станции метро, находится в таком же положении, как, предположим, архитектор в Париже? Ведь и в Париже творчество толкает архитектора к тому, чтобы дать публике красоту, изящество, удобство, ведь и ему хотелось бы создать шедевр - красивое, прекрасное произведение. Это естественно. Я думаю, что каждый архитектор стремится к этому. А может ли он дать в буржуазном обществе волю своему творческому размаху? Нет, не может. Почему? Да потому, что там метро делает капиталист. А капиталист делает метро не для создания шедевра, он делает капиталистическое предприятие для получения прибыли. Да и сам-то капиталист связан деньгами: ведь если строительство обойдется ему дорого, -будут убытки. А у нас? У нас все строит социалистическое государство. В мире нет ни одного капиталиста, который был бы так богат, как советское социалистическое государство. (Аплодисменты.) Когда у нас дают задание архитектору, ему говорят, что нужно построить такое здание, которое соответствовало бы интересам народа, его удобствам и художественным вкусам.

Разница в положении интеллигенции в буржуазном и в социалистическом обществе проистекает вследствие того, что там у власти капиталисты, а здесь - трудящиеся. Наш народ говорит архитектору: сделай мне метро, но так как этим метро будут пользоваться массы, то не думай о прибыли, а думай о том, что человеку придется ездить на этом метро на работу и с работы, думай о том, чтобы человек не утомлялся при поездках на метро. Вот вам разница в положении интеллигенции в капиталистическом мире и у нас. Этот пример, который я привел, можно распространить буквально на все творческие проявления людей умственного труда.

Я больше скажу. В капиталистическом мире создают все вещи, исходя из желания получить прибыль. Не удивительно, что в Америке, славящейся своей расточительностью,

по существу все вещи делаются стандартным порядком, чтобы они стоили подешевле. Так называемый «средний человек» пользуется такими вещами. Вся жизненная установка исходит там от класса капиталистов^ для которого важно одно - нажива, нажива и нажива.. Вот цель всякого капиталиста.

А у нас все объекты - дома, театры, мосты, вокзалы,, предметы широкого потребления - мы будем делать, исходя из их целесообразности, полезности, красоты.

Можно смело сказать, что красота нашей будущей жизни, удобство и уют ее зависят во многом от вас. Уродливые дома, - а их много у нас понастроили, - проектировали не рабочие, а архитекторы. Ведь у нас государство при решении всех вопросов опирается на мнение специалистов.

Я думаю, что чем дальше и чем совершеннее будет наша жизнь, чем выше будет стоять техника, чем выше мы поднимем художественные запросы народа, - тем больше будет влияние специалистов на все социалистическое строительство Советского Союза.

Вот, товарищи, что значит советский строй, вот какова роль интеллигенции в этом советском строе. Как видите, роль, пожалуй, большая, чем вы предполагаете. Это очень почетная роль. Мы говорим, что наша страна будет первой в мире в области искусства и науки. Я тоже так думаю. Но для этого надо работать, совершенствовать нашу жизнь и самому совершенствоваться. И если вы хотите, чтобы страна поскорее шагала вперед, - развертывайте всю ваши творческие силы. (Продолжительные аплодисменты). Я могу вам гарантировать, что развитие ваших творческих сил наполнит индивидуальную жизнь каждого из вас исключительно богатым содержанием. (Аплодисменты.)

(Из речи на предвыборном, собрании интеллигенции Ленинграда, 1937)

Мы строим советское государство, строим коммунизм вместе с интеллигенцией, при ее активном участии. Конечно, мы значительно ушли вперед по сравнению с тем, что было вчера или позавчера. Но перед нами стоит еще много задач - и каких задач!

Вот, например, на проспекте Руставели построены прекрасные, высокого архитектурного качества здания, преимущественно для общественного пользования. Надо этот опыт и творческую энергию применить и к жилищному строительству.

Вы понимаете, что я имею в виду не копирование монументальности, вообще присущей общественным зданиям, а то, чтобы дома для жилья в свою очередь были художественным воплощением последнего слова архитектуры, чтобы они не портили настроения жильцам при возвращении их с работы, чтобы они не коверкали, не притупляли их художественного вкуса, а, наоборот, чтобы они поднимали еще выше их настроение, чтобы они развивали и совершенствовали их художественный вкус, чтобы вместе с тем они соответствовали всем практическим потребностям живущих.

(Из речи на Тбилисском общегородском собрании интеллигенции, 1940)

Врагом причинены нам большие разрушения, некоторые города, как, например, Сталинград, почти полностью уничтожены, и их придется заново отстраивать. И вот невольно возникает вопрос - как строить. Можно ведь просто возводить здания на основе старой планировки, а можно произвести их новую перепланировку. Нам кажется, что к этому делу должны быть приложены все творческие силы наших архитекторов и строителей, прежде всего, должна подвергнуться пересмотру целесообразность старой планировки. А само строительство жилищ должно быть строго разграничено в отношении требований, предъявляемых к работам по временным жилищам и к постоянным. И если во временных жилищах можно опустить те или иные удобства, то зато капитальные здания, несмотря на военную обстановку, должны строиться вполне культурно.

Могут возразить, что новая планировка городов сильно усложнит и даже задержит строительство и что это мероприятие довольно дорого обойдется. Вполне соглашаясь с этим, я все же думаю, что это необходимо сделать. Ведь города строятся на столетия, и поэтому особенно важна их целесообразная планировка...

А насколько велико значение сознательного и вполне культурного построения городов, их приспособленности к местным условиям, видно из того, что каждый большой город в

нашей стране имеет свои географические и климатические особенности. Например, тот же Сталинград стоит в излучине величественной реки, подвержен степным ветрам, движению песков. Все это должно быть обязательно учтено архитекторами и строителями города.

Правительство придает большое значение повышению качества архитектуры, обеспечению государственного руководства архитектурными и планировочными работами по восстановлению разрушенных немецкими захватчиками городов и населенных мест. Своим постановлением от 30 сентября 1943 года СНК СССР образовал специальный Комитет по делам архитектуры, одной из основных задач которого является руководство архитектурной деятельностью различных организаций и учреждений, утверждение проектов планировки и застройки городов и населенных мест городского типа. Это очень важное решение, которое должно дать свои положительные результаты. Наше население непосредственно и с величайшим энтузиазмом работает над восстановлением разрушенных городов. Поэтому мне кажется, что как общую планировку этих городов, так и проекты отдельных больших городских зданий общественного порядка и индивидуальных жилых домов следует подвергать широкому обсуждению населения в форме организации выставок проектов, докладов о них и другими способами...

В сельском строительстве мы должны отразить те экономические изменения, которые произошли в деревне. В самом деле, коллективизация сельского хозяйства малоотразилась на планировке наших сел, а тем более на архитектурном оформлении общественных и хозяйственных построек. МТС, колхозные фермы, сельские предприятия, школы, детясли - все это строилось в приспособлении к существующей деревне, иногда в ущерб себе приноравливаясь к уже имеющейся планировке села.

Порядок размещения деревенских домов издавна регулировался только страховыми органами, которые требовали соблюдения определенного расстояния между постройками, что, кстати сказать, часто не соблюдалось.

Сейчас было бы желательно создать несколько типовых планировок села для лесной, лесостепной и степной областей, с учетом того нового, что принесла нашей деревне коллективизация.

Руководствуясь ими, местные органы смогут лучше помочь строительству сел, внося в планировку коррективы в соответствии с местными условиями. Не мешало бы в отстраивающихся селах распространять типовые проекты сельских домов. Это значительно облегчило бы каждой колхозной семье постройку собственного дома. («Большая, общенародная задача», 1943)

Здесь очень много говорили о наглядном преподавании. Вы - педагоги и потому должны понимать, что значит научить ребенка рисовать. Это - большое дело. Человек, который научился и привык рисовать, особо подойдет к каждому новому предмету. Он прикинет с разных сторон, нарисует такой предмет, и у него будет уже образ в голове. А это значит, что он глубже проникнет в самую суть предмета. Я уже не говорю о том, что и в практической жизни рисование очень полезно. Мы же стремимся к культуре, хотим всех советских людей сделать культурными, а рисование определенно недооцениваем.

Я считаю, что уроки рисования должны занять в школе такое место, которое по существу им принадлежит. Конечно, это не значит, что мы должны всех ребят сделать художниками. Для этого, как вы сами понимаете, помимо всего прочего, требуется еще талант. Речь идет о том, чтобы научить ребят, по крайней мере, самым элементарным приемам рисования, чтобы они умели от руки провести прямую линию, начертить четырехугольник и т. д., чтобы вообще у них рука была достаточно натренирована.

(Из речи на Всесоюзном совещании работников народного образования, 1941)

У народа в социалистической стране должно быть высоко развито чувство изящного. Если вещь стандартная, это ничего, но она обязательно должна быть красивой. Красота приобретает народом не только от книг и от больших художников. Не все ходят в

картинные галереи, не все ходят на наши замечательные кустарные выставки. А вот платья себе покупают все, ботинки покупают все, запонки, пуговицы покупают все. У нас очень много языком болтают, любят кричать, что «жизнь отдадим» и т. д.. Вообще-то говоря жизнь беречь надо... Конечно, если нужда придет, жизнь надо отдать, но уж подороже, чтобы она дорого врагу обошлась. Так вот о том, что жизнь отдать, - поговорить любят, а чтобы пуговицу красивую сделать, об этом и не думают, а ведь это, может быть, и не менее сложно, чем жизнь отдать. Но это-не так ярко, за это, может быть, ордена Красного Знамени не дадут, или не обязательно дадут, но это очень нужная вещь. И в этом настоящая служба народу, а вы же хотите служить народу.

М. Шолохов. Великий друг литературы

Со смертью Михаила Ивановича Калинина, кончину которого с глубокой скорбью оплакивает сейчас весь советский народ, наша литература потеряла великого друга и подлинного, строгого ценителя писательского труда.

Воспитанный на русской классической литературе, безупречно знавший ее и до конца жизни любивший лучшие ее творения чистой, по-юношески свежей любовью, Михаил Иванович всегда проявлял живейший интерес и к молодому слову современных писателей.

Всего лишь два месяца назад мне довелось видеться с Михаилом Ивановичем. Внимательно расспросив о моих творческих планах, о том, как идет работа над романом «Они сражались за Родину», он сказал:

— Я давно хотел вас видеть, чтобы поговорить о вашей книге. Признаться, я побаивался, как бы вы, работая над романом об Отечественной войне, не упустили из виду следующего, как мне кажется, весьма важного обстоятельства, — и Михаил Иванович подробно изложил и обосновал, что, по его мнению, должно бы быть отображено в будущей книге.

Когда в ответ я сказал, что это входит в мои замыслы и что я непременно, в меру моих сил, постараюсь об этом написать, Михаил Иванович, сворачивавший папироску, исподлобья, из-под блеснувших очков весело взглянул на меня и, улыбнувшись милой стариковской улыбкой, как бы озарившей на миг все его лицо, сказал:

— Ну, вот и хорошо. Очень хорошо! Стало быть, опасения мои были напрасны. — И, уже посерьезнев, продолжал: — Поймите, мы, читатели, хотим от вас, писателей, не просто книг, а хороших книг, глубоко и всесторонне отображающих нашу жизнь. Этим обстоятельством и объясняется мое, так сказать, «вмешательство» в ваши планы. А о таком грозном событии, как минувшая война, из которой наш народ вышел с победой, с великой честью, мы тем более хотим читать настоящие книги, такие книги, которые жили бы, ну, скажем, десятилетия, если не говорить о большем. А то ведь как у некоторых писателей получается? Не выносил, не выстрадал, не обдумал как следует, поспешил, и вот, извольте, готова книга-поденка, а то, чего доброго, и две в год. А ты ее сегодня прочитал, а завтра, смотришь, уже забыл этого капитана или лейтенанта — основного героя произведения — и героиню забыл, и фамилии их не помнишь, и содержание книги с

трудом восстанавливаешь в памяти... Прошли перед тобой не живые люди, а серые, бесплотные тени, как же их упомнить? А если к этому добавить еще плохой язык автора и далеко не безупречную форму произведения, то и помнить-то незачем. Вот и выходит, что труд типографских рабочих, издательского аппарата, бумага, средства — все затрачено напрасно. Бесплодно будет потрачено и дорогое время читателей.

Недавно один писатель прислал мне пухлую книгу, изданную областным издательством, и письмо. В письме жалуется, что Союз писателей его затирает, не выдвинули книгу на соискание Сталинской премии, а книга, по его словам, достойна премии. Хоть и плохо у меня со зрением, но прочитал я этот объемистый труд. Прочитал и не ответил автору, — Михаил Иванович безнадежно махнул рукой, заулыбался. — Нехорошо, конечно, поступил, но иначе не мог. Книга не только Сталинской премии не достойна, но не достойна даже издания. Что же отвечать такому автору, у которого таланта ни на грош, а сомнения хоть отбавляй? Он, пожалуй, и мне бы не поверил. А вот старому умному писателю, который тоже не так давно прислал мне свою новую, но плохую книгу, я ответил... Ответил, что книга плохая, холодная. Так и сказал: плохая книга!

Михаил Иванович помолчал и, постукивая по столу пальцами, улыбаясь чему-то, может быть своим воспоминаниям, продолжал:

— Лет около пятидесяти тому назад, в тюрьме в Тифлисе, попалась мне книга известного писателя. В камере я был один, и книга у меня была одна. Читал я ее и перечитывал буквально десятки раз! Казалось бы, надо на всю жизнь запомнить эту книгу! А получилось так: только вышел на свободу и тотчас же забыл! И перечитать за всю жизнь, знаете ли, ни разу не потянуло. Не настоящая книга мне тогда попалась... А вот Толстого или Чехова раз прочитаешь и на всю жизнь запомнишь, перед глазами стоит. Станешь перечитывать — все знакомое, словно не сорок лет назад читал, а только вчера... Правда, бывают и у «бессмертных» писателей такие произведения, что прочитаешь труд, по форме совершенный, но написанный равнодушной рукой, и у тебя на душе становится холодно, вот так холодно, как будто руку на мрамор положил...

Михаил Иванович положил на стол свою маленькую, старчески сухую руку, и так выразительно и впечатляюще было это скупое, подчеркивающее высказанную мысль движение, что на нас, присутствующих, словно бы пахнуло мертвящим холодком безжизненности мрамора.

— А хорошая книга, по-моему, та, у которой под обложкой жизнь пульсирует, как кровь под кожей, которая запоминается если не навсегда, то надолго, которую еще раз захочется перечитать... Чеховскую «Степь» вы помните? — спросил, оживляясь, Михаил Иванович и с увлечением заговорил о Чехове, Толстом, Горьком.

Потом он пытливо расспрашивал о жизни колхозников на Дону и, вспомнив свою поездку на фронты гражданской войны, задумчиво сказал:

— Хороший там народ, как и везде у нас. С таким народом и воевать и строить можно. Особенно хороши у вас там женщины: трудолюбивые, упорные, с характером. Тогда, бывало, они при встрече со мной не ныли, не плакали, что вот, мол, ситца нет, мыла нет, иногда, когда уже сильно за живое брало, помню, поругивались... основательно

поругивались... — И, посмеиваясь, прищурившись с эдакой крестьянской, непростой хитрецей, сказал: — Что же, по-моему, лучше выругаться, когда невтерпеж, чем ныть и хлюпать, а? Как вы думаете?

С любовью говоря о несокрушимой жизнеспособности нашего народа, Михаил Иванович рассказал о таком случае:

— ...Тогда же, в двадцатых годах, в ваших краях проездом заехал я как-то на пасеку. Война только кончилась, пасека разорена, медком-то побаловались и белые и наши... А пасечник-старик встречает меня веселый, оживленный. Спрашиваю: «Ну, как живешь, дедушка?» — «Хорошо, Михайло Иваныч!» — «Чем же хорошо? Война-то разорила?» — «Тем и хорошо, что разорила, да не совсем: из сорока ульев один остался, и то — слава богу! Семья в этом улье могучая, скоро пчелки отраиваться будут. Приезжай, Михайло Иваныч, годика через три, пасеку не узнаешь, а сотовым медом дорогого гостя и сейчас угостить могу»...

Прощаясь со мной, Михаил Иванович спросил, когда я думаю закончить первую книгу. Я назвал приблизительный срок.

— Тогда я еще дождусь и почитаю, — сказал он. — А впрочем, вы не торопитесь и не особенно считайтесь с нашим читательским желанием: наше дело жать на писателя, чтобы книга была поскорее, а ваше дело — создать такую книгу, чтобы она была достойна внимания народа, которому вы служите. В конце концов, за книгу будете отвечать вы, а не читатель. Об этом не забывайте! — напутствовал меня Михаил Иванович.

Сейчас, когда еще свежи горечь и боль понесенной утраты, вспоминаются эта последняя встреча с Калининым и рассказанный им разговор со стариком пасечником. И невольно думается: кипит в светлом и чистом созидательном труде огромный советский улей, восстанавливает после войны свое хозяйство наша могучая родина. Пройдут многие годы, и потомки наши, проходя Красной площадью и склоняя головы перед Мавзолеем величайшего из людей нашей эпохи, с любовью и благодарностью остановятся и перед могилой того, кто всю свою жизнь отдал на служение родине, был верным товарищем Ленина и Сталина в их борьбе за счастье людей на земле.

Ф. Гладков. Встречи с Михаилом Ивановичем Калининим

В самом начале 1921 года Новороссийск посетил Михаил Иванович Калинин. Были довольно напряженные дни дискуссии перед Десятым съездом партии. Как и всюду, люди спорили жестоко, до изнеможения. Демагогические и провокаторские выступления оппозиционеров раздражали и возмущали огромное большинство рабочих, и среди них все чаще раздавались голоса, которые требовали прекратить «свалку» и не трепать партию. Рабочие массы Новороссийска обладали здоровым чутьем и обычно прогоняли с трибуны оппозиционеров.

Весть о том, что Михаил Иванович приехал для заключительной дискуссии с троцкистами и так называемой «рабочей оппозицией», взволновала рабочих. И на заводах и в учреждениях раздавались ликующие голоса:

— Ну, приехал Калинин! Теперь крышка всем горлопанам и анархистам!

Огромное помещение железнодорожной столовой было набито битком. И когда появился Михаил Иванович, его встретили овацией. Он показался мне почему-то очень знакомым человеком: где-то в былые годы я встречал и близко знал его! Потом понял, что облик Михаила Ивановича был типичным для профессиональных революционеров. Он был похож одновременно и на пожилого рабочего и на интеллигента. Что-то в нем было старомодно-русское, народническое. Одет он был скромно: пиджак сидел на сухощавой фигуре ладно и к лицу. Лицо, с остренькой русской бородкой, сдержанно улыбалось. Пристально и как будто знающе поглядывая через очки на туго сбитых людей, он наклонился к молодому бело-бровому человеку, своему «оппоненту», и что-то сказал ему. Плечи его затряслись от веселого смеха. Молодой «оппозитор» раздражительно дернул плечами и отвернулся. Многие без слов поняли смех Михаила Ивановича и раздражение его противника; в разных местах дружно засмеялись.

Михаил Иванович говорил просто, уверенно, со скромным, но внушительным убеждением, и эта речь его была совсем не ораторской, да и держал он себя попросту, как у себя дома, и на виду у всех крутил большие папироски. И эта простота и уверенность человека, который находится в своей среде и знает, что он близок всем и понятен, что он выражает и защищает мысли и заветные чаяния народа, что иронически улыбается он неубедительному краснобайству оппозиторов, не сомневаясь в своей правоте, потому что за ним — Ленин, партия, рабочий класс и трудящееся крестьянство, — все это незаметно сделало его родным и интимно близким.

После одного крикливого оратора Михаил Иванович встал, строго оглядел всех поверх очков и проникновенно произнес, подчеркивая рукою слова:

— С нами Ленин, товарищи. Рабочий класс и Ленин — нераздельны. Кто создавал и укреплял нашу партию? Ленин. Под чьим водительством совершена Октябрьская революция? Под водительством Ленина. Кто обеспечил победу над белогвардейщиной и интервенцией? Ленин. Он наш учитель и вождь. Куда же и за кем мы пойдем, как не за Лениным? Он знает, куда идти, и ведет нас по твердому и ясному пути. А ведь Ленин-то никогда не ошибался, товарищи. И победоносно взглянул на своих оппонентов. «Оппозиторы» запротестовали, но овация и торжествующие крики заглушили их протесты.

При голосовании «оппозиторы» оказались в позорном одиночестве.

Между Калининым и народом с первой минуты установилась душевная связь. Говорил ли он или отвечал своим оппонентам острой фразой, он обращался к людям, обличительно качая головой или отмахиваясь от нелепостей противника. На каждый его простецкий жест, на каждую насмешливую реплику, на каждое его безмолвное, но понятное и дружеское обращение к собранию вся масса людей сочувственно отвечала смехом и аплодисментами. В разных местах, и далеко и близко, уже раздавались крики:

— Долой раскольников! Уберите дезорганизаторов! Круши их, товарищ Калинин! Да здравствует Ильич!

Он с лукавым упреком посмеивался навстречу этим крикам и успокаивал всех рукою: потерпите, мол, немного...

Таким простым, своим человеком, совсем не официальным, не всесоюзным старостой, а веселым товарищем, искренним и сердечно доступным — таким запомнил я его с этого бурного дня.

Потом, уже в Москве, я иногда встречал его на Моховой. Он шел из Кремля в простеньком пальтишке, в кепке, надвинутой на глаза, — шел спорым, деловым шагом, сухонький, незаметный среди прохожих, и, сутулясь, уткнув в грудь серенькую бородку, всегда сосредоточенно думал о чем-то. Лицо его было очень серьезным, даже немного строгим. Некоторые прохожие останавливались и шептали друг другу:

— Михаил Иванович идет... Видите? Калинин.

И провожали его теплыми и ласковыми взглядами.

— Душевнейший человек!.. Всесоюзный любимец!

А однажды я тоже остановился, чтобы посмотреть ему вслед: шел он твердо, по-молодому, и как будто торопился к себе в приемную, сосредоточенно-заботливый. Он поднимал время от времени голову и поглядывал по сторонам. Кто-то позади меня громко и уважительно сказал:

— Вон он, наш мудрый старик. Кто-то другой ответил:

— Да... сердце народное...

Потом уже, как член редколлегии «Нового мира», я вместе с товарищами бывал у него на Моховой и в Кремле. Михаил Иванович близко к сердцу принимал дела этого журнала, горячо интересовался работой редакции, иногда прочитывал рукописи, обсуждал вместе с нами план журнала, жестко, но добродушно критиковал малоудачные вещи, пропущенные через журнал, давал советы и всегда настойчиво требовал не забывать великих художников прошлого и хранить лучшие традиции классической литературы.

Ярко запомнилась первая моя встреча с ним в начале тридцатых годов. Был морозный зимний день. В небольшом кабинете на Моховой уютно, тепло и по-домашнему просто. В камине буйно горели дрова, а Михаил Иванович, похаживая по комнате, подходил к камину, ворошил кочережкой догорающие головни и изредка подкладывал новые поленья. Очевидно, ему очень нравилось здесь чувствовать себя как дома — раздумчиво похаживать и под-кладывать в камин дрова. Думаю, что всякий, кто посещал его в этой комнате, чувствовал себя хорошо, непринужденно, как у гостеприимного друга. В сером пиджаке, в теплом вязаном жилете, он говорил словоохотливо, с умненькой улыбочкой, с лукавинкой в молодых глазах и поглядывал на собеседника как-то себе на уме, из-под бровей, поверх очков. Казалось, он проверяет того, с кем говорит, и уже заранее знает, что тот думает и что скажет. Чувствовалось, что человек силен житейской мудростью и большим опытом революционной борьбы, когда человек уже ничему не удивляется, когда он обладает богатым даром прозрения и знания человеческой души. Эта домашняя простота, непринужденность, искренность и постоянная сутулость — не стариковская, а такая, какая бывает у думающих и озабоченных людей, — сразу же успокаивали и располагали к откровенности.

Не помню всего, о чем шла беседа в тот день, — вероятно, больше о редакционных делах. Но в памяти остались те моменты, когда Михаил Иванович оживленно, с молодым увлечением говорил об огромном воспитательном значении художественной литературы. — Ведь в былые годы, когда мы росли духовно и набирались сил, в художественной литературе мы искали ответов на все волнующие вопросы. У нас были любимые герои, любимые писатели, на которых мы смотрели как на учителей жизни. Это были властители дум. Взять хотя бы таких людей, как Чернышевский, Салтыков-Щедрин, а потом наши современники — Короленко, Горький... Конечно, наша литература молодая, новая, у нее — и новые пути, и новые задачи, и новое содержание... но и средства должны быть новые. Ведь и Пушкин начинал собою новую эпоху в литературе! Нельзя забывать этого и делать какие-то скидки. Да и наследство у нас огромное. Учиться надо, искать, бороться, а не идти по проторенным дорожкам. У нас есть даровитые и оригинальные художники, и вооружены они самым передовым мировоззрением. Надо быть в искусстве революционером, искателем, борцом во имя большого, всеобъемлющего идеала. А главное — не забывать Ленина, Сталина... по ним равняться, у них учиться.

Как-то он с добродушной строгостью говорил одному известному литератору:

— Искусство — это правда. Только правда убедительна и неотразима. Где нет правды — нет и искусства. Или это будет подделка под искусство. Я не про вас это говорю, но скажу прямо, по совести: вот вы в своих романах рисуете людей... Да разве такие люди бывают? И говорят-то они не как люди. И язык-то изломанный, надуманный. Нет, не так все было, и людей вы подделали. Фальшь! А почему? Жизни не знаете и людей не знаете. Сочиняете.

Писатель начал было оправдываться, доказывать свою правоту и что-то заговорил о своих взглядах на искусство.

Михаил Иванович пристально глядел на него, и в глазах его играли лукавые искорки. Потом глухо засмеялся и отмахнулся от смущенного литератора.

— Будет вам! Правда-то сильна тем, что она не оправдывается.

В одно из свиданий в Кремле Михаил Иванович с той же простотой и безыскусственной искренностью, с дружеской задушевностью говорил о новых книжках молодых писателей. Время от времени он поднимал палец и, как будто прислушиваясь к нему, решительно подчеркивал им то или иное слово.

— Знаете, у них есть этакий острый глаз. Много замечают и художественно угадывают. Они достаточно закалялись в жизненной борьбе, они переболели опытом. И я верю, что они Станут хозяевами своего богатого опыта и знания людей. Надо ездить по стране, иметь постоянную связь с людьми, быть в водовороте нашей напряженной жизни. Ведь никогда, кажется, не было таких возможностей обогащать себя наблюдениями, как сейчас. Жизнь открыта, широка, многогранна, и люди вышеших на свободу. Черпай обеими руками! Идеал нужен писателю, своя ганнибалова клятва.

Однажды на юбилейном вечере «Нового мира», в 1934 году, он сказал о советской литературе так:

— Наша литература — это еще — ну, как бы сказать? — пароход на Волге. Неплохо! Почтенная величина — пароход. Но этого мало: узкие берега и неглубоко. А наша жизнь — океан. И вот литература наша должна уже выйти в открытое море.

Ей надлежит быть океанским кораблем.

Беседуя у себя в Кремле с писателями, он ходил по большому кабинету, вдумчиво улыбался, взмахивал рукою или садился за стол и рассуждал как бы сам с собою. Я уверен, что говорил он о литературе не потому, что перед ним сидели литераторы. Он думал о литературе постоянно, жил ею с самых юных лет, она для него и до конца его дней была одной из высоких его потребностей. Я всегда чувствовал в нем большого поэта в душе. Он умел трогать человека до глубины. Мне неловко говорить о себе, но не могу умолчать о том, как он однажды подробно расспрашивал меня, много ли я работаю, как работаю, и сам начал говорить о моей «Энергии», вспомнив, кстати, о «Цементе», который он назвал книгой «эпохальной». Он проникновенно указывал на некоторые недостатки «Энергии», подсказал мне, что нужно было бы сделать для следующего издания. Потом откинулся на спинку стула и неожиданно сказал, лукаво поглядывая на меня:

— А ведь я узнаю прототипов-то ваших героев. С молодости боролись плечом к плечу. Колоритные фигуры. Ну, Орджоникидзе в своем природном виде, хотя, как и всякий портрет у живописца, чуть-чуть романтизирован. Но это не грех, очень не грех. Только советую вам: не пишите портретов со здравствующих людей, а то привлекут за диффамацию... в ту или иную сторону. Живые прототипы можно брать за натуру, только типизируя их. Имея характерный прототип, легче писать и густыми красками. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что всякий полнокровный тип — это удачно найденный прототип.

Он засмеялся, и смех у него был свой, особенный — беззвучный, но заразительный, от души. Не знаю, как другие, но я лично убежден, что веселость была свойством его характера. Мне кажется, что очень любил он пошутить, поиграть с близкими людьми, поспорить и прижать к стенке спорщика, задорно пошпиговать его острым словцом, а потом посмеяться добродушно. Таким почувствовали его и новороссийские рабочие. Закручивая толстую папиросу, он говорил:

— Фабричные папиросы как-то не по мне. Привык к табачку. Сам кручу. Вы не стесняйтесь — курите. С папиросой как-то и разговаривать приятнее.

Он начал выспрашивать меня, где я родился, как рос, как рано научился грамоте.

— Волжские мужички — строгий и крепкий был народ. Много старообрядцев со своими устоями. Хорошо, упорно боролись с попами и полицией. Знаю их. Да и бунтари были непримиримые.

Он оживился и нацелился на меня пальцем.

— Вот набрались бы мужества и написали бы книгу о вашем детстве в тогдашней деревне, о мужиках, о тогдашней беспокойной жизни. Напрасно говорят, что тогда жизнь была глуха и неподвижна, а люди покорны, забиты и несли крест святого непротивления. Это кающиеся дворяне выдумали для успокоения своей совести. Мужички красноречивее разъяснили им себя в девятьсот пятом году. Вот тоже и рабочие... Вы росли в трудное и напряженное время. О рабочих у нас в те годы совсем мало писали, и сейчас некому писать о первых шагах рабочего движения. Кроме горьковской «Матери», ни одной яркой книги нет. А то, что появлялось, было сплошной жалобой на безрадостную жизнь. Но главного в жизни рабочих никто не увидел из тогдашних писателей — активного недовольства, классовой ненависти, стремления к борьбе. У тогдашнего рабочего не было безнадежности: он метался, тосковал, мечтал о лучшей, справедливой жизни. Были среди них очень даровитые люди, твердые характеры.

Я признался ему, что такую книгу я уже пытаюсь написать.

— Вот это хорошее, очень хорошее дело... — одобрил он, напирая на «о» и пытливо поглядывая на меня поверх очков.

Потом улыбнулся и неожиданно спросил, вспоминая что-то из прошлого:

— Вы в салоне такой-то не бывали в Петербурге?

— Нет, Михаил Иванович, ведь я жил в глухой провинции.

— А интересное было время. Бывало, входим мы, рабочие, в этот барский салон... полы-то — паркетные, блестят, шелковые драпри, богатая мебель. Хозяева-то важные — аристократы, и гости важные — известные общественные деятели, публицисты, теоретики. А мы, рабочие, хоть и приодетые, но из цехов, такие неуклюжие. С нами и Ильич ходил.

Михаил Иванович засмеялся тепло и очень мило.

— Ну, и продирали же мы этих общественных деятелей! Ильич просто их опрокидывал.

С живой непосредственностью он поднялся со стула и быстро прошелся по комнате вдоль длинного стола.

— Кстати, об Ильиче. Дело было в самые страшные дни, когда, казалось, наша судьба держалась на паутинке. Посылает меня Владимир Ильич на фронт, к Орлу. Приезжаю, хожу по частям. Красноармейцы голы, босы, голодны... Но удивительно: все бодрые, рвутся в бой, огромная вера в победу, в реальность близкой цели. Выступаешь перед ними — на руках носят, с полслова понимают. Скажешь им: «Ленин привет прислал вам, товарищи!» Так и говорить не дают — буря!словно сам Ленин приехал. С обратной дороги являюсь к Владимиру Ильичу, а он быстро вбегает в комнату, потирает голову ладонью и весело смеется. «Ну, говорит, как? Швах дело?» Вижу, испытывает, с этакой подковырочкой подходит, а в глазах огоньки играют. «Нет, говорю, Владимир Ильич, положение на фронте крепче чем когда бы то ни было. Все уверены в разгроме Деникина. Боевой дух высокий. Нам нечего беспокоиться». Нужно было видеть, как Ленин радовался и горел. «Отлично, отлично, товарищ Калинин! Все ясно как божий день!»

И Михаил Иванович сам взволнованно шагал по комнате, поглаживая ладонью по волосам, и растроганно смеялся. Потом вспомнил, как он в Кронштадте неожиданно оказался в кольце белогвардейского восстания. Казалось, что выхода не было: вот-вот его схватят белогвардейцы. Но Михаил Иванович вышел из этого кольца спокойно, почти на глазах у врагов.

Революционный навык прошлого не теряться в критические минуты и пользоваться нужным мгновением помог ему спастись от гибели. А о приезде его в Кронштадт белогвардейцы знали и были уверены, что он — в их руках. Рассказывая об этом, Михаил Иванович потирал руки, точно это событие было только забавным приключением. Не поэтому ли все его жестокие и откровенно беспощадные оценки тех книг, которые ему не нравились, не были обидны авторам, когда он говорил с ними лицом к лицу. Он был похож в эти минуты на доброго друга или на отца, который наставлял на путь истинный.

Скажет правдивое слово, ударит больно, а сам ласково и задорно улыбается.

В одно из моих посещений Михаила Ивановича у нас зашел разговор о поэзии. Как и всегда, мне пришлось изумляться, откуда у этого занятого огромной работой человека берется время, чтобы следить за текущей литературой и, в частности, за работой наших поэтов.

— Теперь поэты норовят лучше Пушкина писать, — пошутил он, усмехаясь. — Неплохо пишут некоторые, но кой-кого треплет лихорадка: обязательно им надо и стих исковеркать и слова какие-то вертлявые придумать. Что. Пушкин! Что Лермонтов! Очень уж обыкновенно и просто, в зубах навязло. Ну-ка, закрутим и запутаем по-чудному, чтоб с панталыку читателя сбить. Читаю и не понимаю, а если и понимаю, то злюсь и протестую. А ведь, подика, авторы-то думают, что они оригинальные новаторы. Но ведь ни капли у них нет искреннего чувства — все от фокусов, от притворства, от формалистической игры. А что такое лирика? Это — музыка души, песня сердца это — глубина переживания. Тут не до фокусов, когда душа болит или радуется. Почему наши русские песни так хватают за сердце? Потому что страдания свои, печали и горести или свое веселье люди выливали от всей полноты чувства. Помните «певцов» Тургенева? Слушают люди и плачут. Или Некрасов. Или Шевченко. Кстати, Шевченко-то надо без перевода читать. А тут этакий новатор начнет уродовать слова да нагромождать в одну кучу — и такой кавардак в глазах и в голове, что хочется отчураться и окно настежь открыть. Создается мода, а неустойчивые даровитые люди слепо подражают ей. И вот, глядишь, дарованье-то и вянет. А творить — значит петь своим голосом. Быть самим собой — значит идти своей дорогой, а не плестись в хвосте и не напяливать на себя плаща с чужого плеча. Ничего нет противнее позы, вывертов, фиглярства в поэзии. Пушкин мудро сказал когда-то: «Слова поэта — это уже его дела».

На редкость правдивый и непосредственный, Михаил Иванович не выносил никакой декламации, в какой бы форме она ни выражалась. Он терпеть не мог ораторов, которые говорят штампованными, чужими фразами, готовыми формулами.

— Или у человека нет своих мыслей, — говорил он с печальным негодованием и с усмешкой осуждения, — или он хочет скрыть свои мысли под хламом избитых слов, или просто хочет обмануть слушателей казенной болтологией. Но ведь люди-то у нас — живые, не болваны, не марионетки: они очень хорошо чувствуют и понимают, где правда, искренность, убеждение, а где ложь, маскарад, чиновничий пафос. Такого, прости господи, совсем не слушают — или дремлют, или уходят с заседания. А вот выступит какая-нибудь работница да распахнет душу — все выложит, что у ней накопилось, да по-своему, по-рабочему, с поговорочками, с природным своим юмором, или с злой насмешечкой, или с горестным крепким вопросом, — а сотни людей сразу же оживают, начинают жадно слушать, точно перед ними двери раскрылись и все вырвались на свободу. А всколыхнуть душу, растревожить заветные думы — это и есть свойство народного трибуна и честного борца за свободу. Так говорил с народом Ленин. Кто много мыслит и чувствует, тот просто и ясно говорит и многое дарит людям. Вот это самое я мог бы сказать и нашим писателям. Совсем не главное дело — пухлую книгу написать, да еще торопливо, банально, истасканными словами. Слов-то много: вязнешь, задыхаешься в словах, а содержание мизерное. Такая пухлая книга вызывает жуткое ощущение скуки, как тот штампованный оратор, о котором я говорил. А наши писатели почему-то все торопятся такие толстые тюки готовить. Нет, лучше меньше, да лучше. Важно писать экономно, ярко, сильно, со тщательным отбором только необходимых слов — так, чтобы эти сильные немногие слова раскрывали огромное содержание. Чехов умел это делать изумительно. Его рассказ «Невеста» стоит в тысячу раз больше, чем все Потапенки, Шеллеры-Михайловы, Эртели, не говоря уже о Саловых, Барыковых, Бобо-рыкиных... Были такие, да быльем поросли. Эту чудесную тайну творчества надо постигнуть у Антона Павловича. А ведь книга — это исповедь автора, это — человек. По книге можно судить о ее создателе: кто он? куда идет? какие возвещает истины? какие открывает

горизонты? что нового увидел он в нашей действительности?

Теперь, когда Михаил Иванович ушел от нас навсегда, невольно вспоминаешь эти его живые слова. Они близки мне, они полностью отвечают моей вере. А эта вера создавалась многими годами моей жизни. Я смею считать себя его современником и спутником. Я воспитывался в той же школе жизни, в тех же университетах. Вот почему его взгляды на литературу, на искусство, на поведение человека дороги мне, как мой символ веры. Михаил Иванович был благороднейшим представителем той славной старой гвардии революционеров, богато одаренных духовно и морально целеустремленных, которые отдали себя целиком великому делу освобождения народа от гнета деспотизма, для которых борьба за свободу, за счастье человечества, за коммунистические идеалы была главным содержанием их жизни. Это была замечательная плеяда людей, которые вдохновлялись гением Ленина. Их имена в истории останутся навеки, как имена благодетелей человечества, как народных героев. Их путь, их жизнь — это призыв к совершенству. Если основным признаком культуры нужно считать высокое общественное воспитание, то Михаил Иванович, вместе со своими соратниками из этой блестящей плеяды, является образцом культурнейшего человека. Воплотивший в себе лучшие дары талантливого русского народа, вышедший из самой гущи трудового крестьянства, прошедший великую школу пролетарской борьбы, неустанно работавший над собою, он является высоким интеллигентом, носителем самых передовых идей нашего времени. Как надо жить, как себя воспитывать, как совершенствоваться, чтобы быть подлинным гражданином и патриотом своей страны, борцом и созидателем, — надо учиться у Михаила Ивановича Калинина. Надо всесторонне — глубоко и широко — изучать его жизнь, его живую личность. Мы глубоко почитаем и преклоняемся перед такими людьми, как Дзержинский, Орджоникидзе, Киров, Куйбышев, Скворцов-Степанов, но мало знаем о них как о живых людях. О них надо писать целые книги, большие монографии в поучение молодым поколениям. Нашим литераторам следует со всей силой своего таланта потрудиться над созданием образа положительного героя нашей эпохи на примере жизни и творческих деяний таких людей, как Михаил Иванович Калинин и его незабвенные соратники.

Вл. Лидин. Посланец народа

В великие годы перестройки России в приемной Калинина, в Москве, ждали разговора с замечательным своим посланцем, народным «старостой», ходоки: не было такого угла на земле российской, откуда бы не посылали этих искателей правды для долгой, доверительной беседы с Калининым. Здесь были и крепкие, круто сбитые сибиряки, и пермяки в высоких поярковых шляпах, и рязанцы в исконной сермяге... Из самых народных глубин вышел Михаил Иванович для государственной деятельности. Никогда не зарастала к нему народная тропа, и, может быть, высшее выражение народной признательности было в сокращенном любовном упоминании его имени «Калиныч». Свыше четверти века — и какой четверти века по великим событиям и переменам в жизни нашего народа! — стоял Михаил Иванович в первых рядах деятелей государства. Народ нуждался не только в хлебе и земле. Народ нуждался в просвещении, в знаниях, в том числе и в писательском слове. Мне посчастливилось услышать Михаила Ивановича, когда он говорил о работе писателя на собрании в редакции одного из журналов. Он начал нехотя, понуждаемый просьбами, не готовый к выступлению, — и вдруг, преображенный, умудренным, все понимающим, искушенным читателем предстал он перед нами. Он говорил о писательской работе с пристрастием государственного деятеля, для которого работа писателя — один из могучих рычагов культуры. Сколько тонкого понимания, осторожности к этому виду труда, бережливости к писательской судьбе

было» в каждом, даже критическом, слове Калинина. Его речь была страстной — в этом сказывалась любовь к литературе; она была критической — в этом была его требовательность к ней; она была бодрой — в этом была вера в нее и надежда на советских писателей. В определении целей и назначения литературы Калинин как бы раздвинул стены редакционной комнаты, и открылась историческая перспектива, и каждый из нас по-новому ощутил в этот вечер ответственность за свою писательскую работу. Михаил Иванович не поучал, он призывал; он не корил, он делился впечатлением — иногда горьким! — читателя. Это был тот читатель, который на далекой заре, еще в 90-е годы, привык искать в литературе высокую художественную правду Льва Толстого и Чехова и который со всей страстью хотел, чтобы в годы нового устройства жизни народ имел бы достойную его дел литературу.

Придет время, и с величайшей достоверностью и пленительной правдой нарисует художник образ тверского крестьянина и рабочего-металлиста, который был выдающимся государственным деятелем и пронес сквозь сложные и великие годы страстную волю к совершенствованию жизни родного народа и приобрел за это такую народную любовь, которая может венчать только истинного посланца народа.

С. Спасский. Незабываемая беседа

В 1932 году я собирал материалы для книги по истории Нарвской заставы. Старые путиловцы постоянно вспоминали о своем знаменитом соратнике и товарище. «Вот за этим станком он работал, а мой станок находился тут неподалеку» или: «Здесь был садочек у домика. Мы тут столик под дерево выносили, чай попивали, беседовали». Я наслышался и о подпольном кружке 90-х годов, участником которого был Михаил Иванович. Я понимал, книга не будет полна, если я не встречу с Калининым. В начале мая я приехал в Москву и отправился на Моховую, в секретариат ВЦИК. — Приемные часы закончились, — сказали мне в просторном помещении, находившемся в первом этаже.

Огорченный, я остановился в раздумье. Подошел кто-то из служащих и осведомился о моем деле. Я заговорил о книге.

— А вы поднимитесь во второй этаж. Там секретарь Михаила Ивановича. Может быть, она вам что-нибудь посоветует.

Секретарь, молодая женщина, встретила меня без удивления. Вероятно, самые различные просьбы приходилось ей выслушивать здесь. Вся страна направляла сюда вопросы, жалобы, предложения.

— Хорошо, я доложу Михаилу Ивановичу, а вы мне потом позвоните.

В этот момент открылась дверь, ведущая во внутренний кабинет. Я вскочил, узнав Калинина.

— Михаил Иванович, вот к вам товарищ из Ленинграда.

Должен признаться, я не был подготовлен к такой неожиданной встрече. Я с трудом находил слова. Калинин вслушивался, наклонив вперед голову. Внимательный, обнадеживающий взгляд.

— Так, так, — словно помогал он мне. — Но я сейчас еду в Кремль, зайдите завтра. — Он назвал час. — Предварительно проверьте по телефону.

На следующий день точно минута в минуту я был приглашен в кабинет. Небольшая светлая комната, кожаные кресла, маленький письменный стол. На нем чернильный прибор, бумага, коробка папирос. Калинин в светло-сером костюме кивнул мне из-за стола.

— Давайте поговорим. Что вам, собственно, нужно? Я объяснил: мне важно узнать — в какое время Михаил Иванович работал за Нарвской заставой, проверить воспоминания рабочих, записать наиболее характерные эпизоды.

— В частности, рабочие говорят, что вы были уволены с завода за отказ внести деньги на постройку путиловской церкви.

— Это неправильно, — перебил меня Михаил Иванович. — Никто меня не, увольнял. Я просто отказался подписаться.

Он не ждал других вопросов и заговорил сам. Смущение мое улетучилось. Он показался мне удивительно знакомым. Мне много приходилось сталкиваться в Ленинграде со старыми питерскими пролетариями. Калинин напоминал мне их. Та же задушевная, располагающая к себе простота, тот же язык, та же меткая, остроумная речь.

— Видите ли, когда я на завод поступил, первые два года я был учеником. Но в нелегальном кружке не состоял, не находил нелегальных кружков. А так года через два связался.

Мелькали даты и имена. Подпольный кружок, нелегальная газета. Первомайский листок в 1899 году.

— С рисунками, — подчеркнул Михаил Иванович, — красивый листок был. Мы получили много его, распространяли.

Он увлекся воспоминаниями.

— Мы — металлисты, — говорил он с достоинством, и глаза его радостно поблескивали за стеклами очков.

— Да вы не думайте, что мы были забитыми, — таков был смысл его слов. — Мы всегда знали себе цену. Мы и одевались очень хорошо. Достаточно сказать, котелки носили, крахмальные рубашки, жилеты. Перчатки надевали. В Москве, например, рабочие фуражки носили, а в Питере рабочая верхушка фуражку одевать стыдилась. Многие танцевать учились, вечеринки устраивали... Со дня вступления в нелегальную работу жизнь менялась. Тогда появлялась мягкая шляпа, синяя рубашка — внешний признак революционности.

Голос Михаила Ивановича звучал весело и звонко, с молодым огнем и задором.

— Потом с Трубочного меня выкатили, — сообщил он, засмеявшись. — Времечко интересное... Отдельные группы рабочих очень много занимались. Вопросы философии интересовали.

Случаи вспоминались за случаями. И невозможно было оторваться от помолодевшего, такого привлекательного, воодушевленного лица.

— Раз — в Ревеле я тогда был — работаю у станка, как обыкновенно. Вдруг два жандарма. Обыск. Я только что перед этим литературу роздал. Пошли домой. Искали, искали, ничего особенного. Завязали книг с полсотни, так называемых тенденциозных. Я уж им и веревку дал, и простыню, и сам вязать помогал, чтобы только скорее ушли. Ну, садится полковник за стол протокол писать. Вдруг случайно открывает ящик рукой, а там шрифт. И брошюры нелегальные. Полковник доволен: «Я и забыл сюда посмотреть, а вот они где!» Я тут обзлился и простыню отобрал и веревки. Ну вас к черту!

Вяжите сами.

Революционер — что моряк: то утонешь, то выплывешь. Месяцев шесть пришлось отсидеть. У меня обысков было тринадцать или четырнадцать. Арестовывали тоже раз десять. Постоянные аресты, высылки. Вот так, значит...

Я вышел из кабинета в праздничном настроении, Какой близкий, простой человек, словно век я его знал.

И чувство гордости переполняло меня, гордости за русский рабочий класс, за наш великий даровитый народ, выдвинувший из своей среды замечательных руководителей, указавших всему человечеству новый путь.

А. Глебов. Великий большевик

Великим революционером и строителем социалистического государства назвали Михаила Ивановича Калинина Центральный Комитет партии большевиков и Советское правительство.

Его жизнь была радостью народа. Его смерть — народное горе. Со времени погребения Ленина, Горького, Кирова не ощущалось горе с такой силой. Светлый образ Калинина живет в душе каждого. Яркое олицетворение неразрывного союза рабочих, крестьян и советской интеллигенции, он вошел в жизнь многих и многих из нас.

Я познакомился с Михаилом Ивановичем сразу после Октябрьских боев, когда он стал петроградским городским головой. Мы, молодежь, сменили старый аппарат Городской управы, которая, как известно, после ликвидации Временного правительства была главным средоточием антибольшевистских элементов. Меншеvistские и эсеровские лидеры надеялись на саботаж служащих Городской управы, в руках которой находились продовольственное снабжение и коммунальное хозяйство революционного Петрограда. Придя в управу, Михаил Иванович застал совершенно пустые комнаты, замкнутые на ключ шкафы и сейфы, наполовину расхищенную документацию. Стопроцентный злостный саботаж. С поразительной быстротой собрал он новые кадры и привел в порядок городские дела. С первой встречи он запомнился мне как спокойный, рачительный, умный хозяин.

Почти два года спустя я увидел его в Туле, на которую стремительно наступал Деникин. В солнечное осеннее утро на обширном поле у казарм выстроились бойцы Тульского гарнизона. Калинин, уже председатель ЦИК, говорил, поднявшись на импровизированную трибуну. Он был в простой белой рубашке, без пиджака, в черной шляпе. Потом снял шляпу. Ветер трепал его густые волосы, и он все время поправлял их. Лицо его похудело, заострилось, в голосе звучали непривычные металлические ноты. Положение было грозным. Живое помню его слова, записанные в истории: «Товарищи, я призываю вас сделать Тулу той твердыней, той крепкой скалой, о которую разобьются банды Деникина. И я думаю, что тульский пролетариат не опозорит себя перед Россией, что он станет наравне с Оренбургом, Уралом и Петроградом!»

Несколькими годами позже я встречался с Михаилом Ивановичем как руководитель селькоровской сети «Крестьянской газеты» и редактор журнала «Селькор». Связь газеты с Калининским была непрерывной. Он придавал исключительное значение селькоровскому движению и многомиллионному потоку писем из деревни. И то, что говорилось им на нескольких совещаниях по этому вопросу, было так глубоко, так содержательно с точки зрения не только политики, журналистики, но и литературы, что необходимо было все это заново опубликовать. «Нам надо иметь полную, всестороннюю и главное не подмалеванную картину этой жизни», — говорил Михаил Иванович. На всю жизнь я запомнил его слова о необходимости «кровной заинтересованности» в том, что пишешь, о необходимости глубоко знать изображаемый материал, не только фотографировать жизнь, но в каждом случае указывать читателю выход, двигать его вперед; его глубокие и верные мысли о русском языке, который Михаил Иванович любил как мало кто любит. Особенно помню его фразу: «Когда сознательно человек упрощает речь, думая, что вот, дескать, передо мною аудитория малосознательная, то он уже наполовину себя зарезал».

Весной нынешнего года, в связи с работой над пьесой о Калинине, я был в Эстонии. Посетил старых друзей Михаила Ивановича, сорок шесть лет назад работавших — с ним в железнодорожных мастерских. Удалось собрать интереснейшие воспоминания о ревельском периоде жизни Калинина. Это лишь маленький клочок его огромной биографии. Но каким богатством событий, мыслей, переживаний он наполнен!

Потрясающ такой эпизод из жизни Михаила Ивановича в Эстонии. Арестованный в Ревеле и перевезенный в петербургскую «предварилку», Калинин принял участие в недельной голодовке протеста. Его перевезли в «Кресты». Но и тут Михаил Иванович, несмотря на слабость после голодовки, сразу занялся живым революционным делом. Он создал кружок самообразования и из окна тюремной камеры стал делать доклады о

художественной литературе. Обсуждался роман «Что делать?» Чернышевского. Потом Калинин сделал доклад о творчестве Горького, молодого Горького 1903 года. Доклад был таков, что тюремщики, не дав кончить, жестоко избили и бросили Калинина в карцер. Потом, спустя двадцать один год, Михаил Иванович говорил селькорам: «Я могу сказать про себя, что я много читал. Я занимаю самый высокий государственный пост, и если бы меня спросили, чего мне не хватает, я бы сказал, что я слишком слабо знаю русский язык, я все-таки чувствую, что я слишком мало его знаю». Эти слова приобретают поистине поразительное значение. Многие ли из нас, профессиональных писателей, так знают живой русский язык и русскую литературу, как знал их профессиональный революционер, рабочий, крестьянин и интеллигент в одно и то же время, Михаил Иванович Калинин.

И. Попов. Живое слово

Великий революционер и борец за лучшее будущее всего человечества, Михаил Иванович Калинин был ярким выразителем прогрессивнейших начал русской культуры. Он владел обширными познаниями в области классической нашей литературы, очень любил родной фольклор.

Летом 1937 года мне выпала честь беседовать с Михаилом Ивановичем Калининным по поводу одного литературного начинания.

— По-моему, — сказал Михаил Иванович, — удача или неудача литературного произведения определяется тем, насколько глубока и жизненна мысль, положенная в основу всего замысла. Большая жизненная цель, которая овладевает автором, когда он задумывает свою работу, есть главный двигатель его творческой энергии. А из маленькой цели может родиться только маленькое и ремесленное. Литераторы небось лучше меня помнят пушкинский завет о том, что главное в прозе — мысли, мысли и мысли. И, — если стариковская память меня не обманывает, — эта фраза у Пушкина кончается так: «хотя и нашим поэтам не мешало бы иметь сумму идей более обширную, чем они выказывают». Михаил Иванович при этих словах прищурился, в глазах его мелькнула добродушно-хитрая усмешка, он посмотрел на меня.

— Ну, да ведь и то: сто лет прошло с тех пор, — теперь-то уж наши писатели все это наизубок знают и свято выполняют. Хотелось бы, правда, еще больше замечательных произведений, чем у нас появляется. Я, знаете, не люблю, — как это называется? кажется, «литмонтажи», — эти склейки из разнообразных кусков. В таких монтажах бывает иногда и стройность и даже видимость цельности, но самостоятельная сильная творческая мысль едва ли может возникнуть из сложения разнородных кусков. Сила и новизна мысли бывает только при глубокой органической цельности произведения.

Устные выступления Михаила Ивановича и его статьи были великолепными образцами простой и меткой русской речи.

Оставленное им литературное наследство будет всегда поучительным для нас, литераторов, как пример точного, скупого и вместе живого, действенного, волнующего слова.

А. Яблочкина. Большой человек

С Михаилом Ивановичем Калининным я встречалась неоднократно. Необычайно приветливый, душевный, отзывчивый, Михаил Иванович очень внимательно относился к работникам искусства, у него всегда можно было попросить совета и помощи. Никогда не забуду мою первую встречу с ним. Это было в день 50-летнего юбилея моей артистической деятельности. В Кремле Михаил Иванович вручал мне орден Трудового Красного Знамени. Я была так счастлива, что сказала ему: «Позвольте мне вас обнять». Он ответил: «С громадным удовольствием». И мы расцеловались.

Дважды я была у М. И. Калинина по делам Всероссийского театрального общества. Михаил Иванович внимательно меня выслушивал и, что самое главное, когда считал, что помочь нужно, тут же поднимал телефонную трубку и говорил: нужно помочь, нужно поскорее сделать.

В четвертый раз я встретила с М. И. Калининым, когда он передавал нашей делегации орден Ленина, которым был награжден Малый театр.

С болью в сердце думаешь, что не стало этого большого человека, отдавшего всю свою прекрасную жизнь борьбе за интересы трудового народа, за процветание нашей великой Родины.

В. Мичурина-Самойлова. Человек большого сердца

Ушел от нас большой человек, бесконечно родной всем нам.

Мне неоднократно приходилось обращаться к Михаилу Ивановичу Калинину по общественной работе. Всегда я находила в его лице внимательного и чуткого человека, человека большого сердца, готового помочь и делом и советом.

В Михаиле Ивановиче особенно поражала исключительная многогранность его натуры. Не было области общественной деятельности или человеческого знания, которая была бы чужда ему. Вопросы управления государством, вопросы производства, политико-массовой работы, и искусства, науки, и многие, многие другие были ему одинаково близки. Его суждения о них были всегда глубоки, самобытны, бесконечно интересны и ценны для слушателей.

Память о Михаиле Ивановиче никогда не изгладится из сердец советских людей.

Н. Денисовский. Незабываемые встречи

Я всегда мечтал написать портрет Михаила Ивановича Калинина, всесоюзного старосты, человека, горячо любимого всем народом, сына народа, замечательного большевика и политического деятеля. Это была большая и трудная, исключительно ответственная задача, ибо мне предстояло писать портрет человека, в котором с наибольшей полнотой воплотились лучшие черты русского национального характера. Так и жил в моем сознании этот образ — русский крестьянин, пролетарий-революционер, президент, принимающий дипломатических представителей всего мира и ходоков из самых далеких уголков своей необъятной родины.

В своей картине «Прием М. И. Калининым посла» я пытался воссоздать облик государственного деятеля, твердо осуществляющего политику Советского правительства. Вспоминается день, когда я принес Михаилу Ивановичу этюды, сделанные на приеме в Кремле; Один из них понравился ему больше других. Он похвалил эту работу и, позвав своих сотрудников из смежной комнаты, просил их высказать свое мнение об этюде, сказав, что в нем он узнает не только свой внешний облик, но и черты характера.

— А ведь это очень важно, — говорил Михаил Иванович, — передать в портрете характер человека. Именно верным постижением характера отличается мой портрет, написанный в свое время художником Архиповым к выставке, посвященной десятилетию советской власти. Никак не пойму, почему этот портрет не был представлен тогда на выставке. Я лично очень люблю эту вдумчивую талантливую работу художника и портрет повесил в комнате у своей дочери. Один из собеседников находил, что в моем этюде недостаточно проработаны глаза, и на это мне следовало бы обратить внимание. Михаил Иванович возразил горячо. Он говорил о том, что первое впечатление художника от натуры — самое главное и ценное. Лучше написать второй раз, чем «приглаживанием» засушить

непосредственное впечатление художника.

В течение двадцати лет мне не раз приходилось встречаться с Михаилом Ивановичем, и всегда он оживленно говорил об искусстве, о замечательных русских художниках и особенно тепло отзывался о передвижниках. Очень любил Михаил Иванович Касаткина, Малютина, Архипова, С. Иванова. В старом кабинете напротив Александровского сада, где Михаил Иванович принимал представителей народа, приходящих к нему со всех концов молодой Советской республики, были развешаны этюды к «Шахтерам» Касаткина, к «Прачкам» Архипова, этюды С. Иванова.

— Это я нарочно повесил их здесь, — говорил Михаил Иванович, — пусть народ видит, как настоящие художники, наблюдая и воспроизводя жизнь, становились пропагандистами прогрессивных идей. И вы, молодые художники, если хотите быть выразителями дум и чаяний народа, должны научиться видеть глазами народа и говорить языком, понятным народу. Подлинное искусство всегда взволнованно и обращено к человеческому сердцу. В молодости, посещая Третьяковскую галерею, я подолгу задерживался у картины Сурикова «Боярыня Морозова», которая была как бы насыщена атмосферой протеста. Поэтому в те дни «Боярыня Морозова» и другие прогрессивные произведения были созвучны настроениям народа, в котором зарождалась идея революционного преобразования жизни.

Михаил Иванович всегда говорил об искусстве какими-то одному ему присущими словами. Его высказывания были верны, остры, тонки и своеобразны. В этой ясности и глубокой простоте определений чувствовалась горячая заинтересованность и подлинная любовь к искусству.

Будучи сам выдающимся пропагандистом и агитатором, Михаил Иванович особенно подчеркивал важность агитационной и пропагандистской функций искусства. «Если картина — пропаганда, — говорил он, — то плакат — агитация».

В дни тяжелых испытаний, когда враг подходил к самому сердцу страны, группа художников, объединенная редакцией «Окон ТАСС», выпускала политические плакаты. Узнав о том, что не все художники относятся к этой работе как к первоочередной, Михаил Иванович предложил устроить специальный прием плакатистов в Кремле на который просил пригласить не только мастеров, но и начинающих художников.

Перед приемом Михаил Иванович поставил ряд вопросов, на которые должно было ответить совещание: в какой степени важна и необходима в современных условиях такая форма массово-политической агитации, как «Окна ТАСС»; отвечают ли плакаты, в частности «Окна ТАСС», требованиям жизни, интересам народа, ведущего»

Отечественную войну; какой жанр (юмор, сатира, героика) должен получить наибольшее распространение; настоящее ли искусство — наш плакат?

В товарищеской беседе за чашкой чаю Михаил Иванович исключительно тепло отзывался о работе «Окон ТАСС» и высказал целый ряд ценнейших замечаний...

Глубоко потрясенные и взволнованные ушли мы с этого приема, получив огромную творческую зарядку для дальнейшей работы. По-отечески тепло и сердечно разговаривал с нами Михаил Иванович. Он всегда был чуток и внимателен даже к самым маленьким нуждам и запросам художников.

В лице Михаила Ивановича мы потеряли не только крупнейшего государственного и партийного деятеля, но и настоящего друга советских художников, друга советского искусства.

